

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М.Е. Разиньков** — Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917—1922 гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Н. Сидоров** — Николай Иванович Лазаревич 16

СООБЩЕНИЯ

- Ю.Г. Ещенко, Е.Е. Красноженова** — Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны на Юге России 30
- В.В. Волков** — Экономическое положение крестьян в России в конце XIX — начале XX в. 41
- Х.-М.А. Сабанчиев** — Золотая Орда и народы Северного Кавказа 64
- А.В. Федин** — Экономические основы иезуитской миссионерской деятельности в Новой Франции в первой половине XVII в. 79

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Р.В. Долгилевич** — Советская дипломатия и «защитные мероприятия» ГДР в отношении Западного Берлина в 1968 г. 96
- П.А. Искендеров** — США и албанское национальное движение 1878—1918 гг. 113

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Б.Л. Хавкин** — Немецкие «финансовые потоки» русской революции 122
- Г.М. Карпов** — Два мнения о Петре Великом и «загадка» Карамзина 131

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Э.А. Черноухов** — «Письма из Тагила» П.В. Рудановского 147
- М.-П.Б. Абдусаламов, Д.С. Кидирниязов** — Дагестанский вектор во внешней политике России в 60-е гг. XVIII в. 151
- М.М. Керимова** — Российская диаспора в Словении после 1990-х гг.: этнокультурный аспект 157

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.Б. Крих** — Феномен периферийности в советской историографии 164
- А.М. Филитов** — Существовал ли пакт Сталина-Гитлера? Характер, значение и интерпретация германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года 170

Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917—1922 гг.

М.Е. Разиньков

Аннотация. В работе изучаются феноменологическое, моральное и темпоральное значения понятия «гражданская война», которые были сформулированы участниками вооруженного противостояния в России 1917—1922 годов. Показано отношение к гражданской войне большевистского руководства, военных и политических участников Белого движения, представителей основных политических партий. Автор подчеркивает то значение, которое придавали понятию «гражданская война» все стороны противостояния.

Ключевые слова: гражданская война в России, феноменология гражданской войны, коммуникативное пространство войны, Белое движение, В.И. Ленин, российские партии в гражданской войне

Abstract. In this work studied the phenomenological, moral and temporal significations of the concept of «civil war», which were formulated by the members of the armed opposition in Russia 1917—1922. The material indicate the relation to the Civil War of the Bolshevik leaderships, military and political actors of the White movement, members of the main political parties. The author emphasizes that all parties of the conflict thought that it was important to give their self-made definition of civil war.

Key words: the Civil War in Russia, the phenomenology of the Civil War, the communicative area of the war, the White movement, V.I. Lenin, the Russian Parties in the Civil War.

Гражданская война — это раскол общественного сознания. Смысл, который вкладывался в ранее однозначные понятия, становился многомерным, одни и те же слова, термины люди толковали по-своему. Участники гражданского противостояния на территории бывшей Российской империи по-разному понимали, что такое «гражданская война». Эта разница выражалась в определении сущностного наполнения противостояния (феноменологическое измерение); в оценочном отношении к гражданской войне, варьировавшемся от полного одобрения до абсолютного осуждения, причем с четко обозначившимся

Разиньков Михаил Егорович — кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова. E-mail: razinkov_mihail@mail.ru.

Razinkov Michael E. — PhD (History), associate professor at the Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov. E-mail: razinkov_mihail@mail.ru.

«средним мнением» (моральное измерение); в указании хронологических границ войны (темпоральное измерение). Каждая сторона, каждая значимая политическая партия старалась внедрить в общественное сознание свое толкование происходящего. Итоги этой войны интерпретаций оказали влияние на развитие исторической науки в СССР, отложились в долговременной исторической памяти населения, использовались и используются в идеологических конструкциях.

Естественно, что тон большевистским интерпретациям в рассматриваемый период задавал В.И. Ленин. Существуют два основных ленинских определения гражданской войны, относящиеся к марту 1915 и сентябрю 1917 года ¹. Гражданская война предстает в них результатом классовой борьбы, возникшей на почве экономических противоречий капитализма. Учитывая основные конфликтные поля (социальное, политическое, экономическое), Ленин ограничивал главные противоборствующие силы революции буржуазией и пролетариатом, отбрасывая в определениях крестьянство и считая второстепенными национальные противоречия. В 1918—1921 гг. мы не встречаем новых ленинских трактовок феномена гражданской войны. Однако это не значит, что его взгляды не менялись. Известно, что к началу 1920-х гг., характеризуя процесс гражданской войны, он стал придавать большее значение национальному вопросу ².

Публичные высказывания советских военных и политических деятелей о гражданской войне лежали, в общем, в русле ленинской концепции. Например, начальник Политуправления РСФСР и руководитель Военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой и гражданской войн при РСФСР С.И. Гусев давал определение, аналогичное ленинскому ³. Сходным образом рассуждал М.Н. Тухачевский, подчеркивая, однако, политическую составляющую гражданской войны, которая «по существу, является борьбой за государственную власть» ⁴.

Большевики пытались типологизировать гражданские войны, указывая при этом на принципиальные отличия их борьбы от внутренних войн, происходивших ранее. В сентябрьских работах 1917 г. Ленин разделял пролетарскую и буржуазную гражданские войны. Он всячески подчеркивал глубину, народность, открытость целей, силу пролетарской войны в отличие от буржуазной, которую, по его мнению, разжигали генералы типа Л.Г. Корнилова, кадеты, буржуазные круги, опираясь на «дикую дивизию» (в данном случае, «темные массы») и казачество ⁵. Придя к власти, Ленин пытался оперировать этой типологией, например, в антикадетском «Декрете об аресте вождей гражданской войны против революции», но скоро заменил ее более простой схемой «революция-контрреволюция». Очевидно, идея о дуализме гражданской войны показалась ему «меньшевистской», поскольку «буржуазная» гражданская война «классовую борьбу» в том смысле, в котором его понимали прочие социалисты.

Пытаясь объяснить катастрофу большевистского режима весны-лета 1918 г., Ленин ввел понятие «международная гражданская война», в основе которой было сопротивление пролетариата стремлению международной буржуазии задушить мировую рабочую революцию ⁶. По мысли Ленина, сформулированной в 1919 г., «истинная» гражданская война началась лишь после слияния ее в ходе чехословацкого

мятежа с войной империалистической, изменившей, как он полагал, масштабы войны и превратившей Россию в знаменосца гражданских войн по всей Европе.

Н.И. Бухарин разделял гражданскую войну и классовую. Если гражданская война — это «война внутри стран», то классовая — это война «между государственно-организованной буржуазией (империалистическими государствами) и государственно-организованным пролетариатом (советскими республиками)»⁷. По сути, классовая война у Бухарина является аналогом внешней революционной войны.

Таким образом, для политических и военных руководителей большевиков гражданская война выступала наиболее острым социальным конфликтом на почве экономических (в первую очередь) и политических противоречий. Эти определения легли в основу «советского» понимания феномена гражданской войны как «организованной вооруженной борьбы за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны, наиболее острой формы классовой борьбы»⁸.

Высказывания о сущности гражданской войны участников Белого движения отличаются большим многообразием, но их можно объединить в несколько групп:

1. Гражданская война — это тяжелая болезнь общества, отражающаяся на духовном здоровье каждого человека. Ненависть до озверения, ощущение внутриличностного раскола, развращение нравов, выливающееся в колоссальную коррупцию, гнетущая атмосфера опустошенных районов страны, постоянные убийства и втягивание в конфликт даже малолетних — все это выступало признаками духовной деградации социума⁹.

2. Гражданская война — это борьба за сохранение русского государства, гибнущего под ударами «интернационала». Такая борьба воспринималась как фактор мирового значения, при этом Россия рассматривалась как часть мировой христианской культуры и европейской цивилизации. «Борьба неизбежна... пока в России не установится настоящая государственная власть — любого настроения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам...», — писал П.Н. Врангель¹⁰.

3. Гражданская война — это раскол русского этноса, некогда единого социума, «братоубийство», под которым понимались и убийство родственника, и война против однокашников, жителей одного села, и вражда представителей единого русского народа¹¹.

Таким образом, белые определяли гражданскую войну как, в первую очередь, духовный, политический и национальный, а не социально-классовый конфликт.

Отсутствие идеологического контроля позволило участникам антибольшевистского движения выдвигать оригинальные трактовки сущности гражданской войны. Руководитель ярославского восстания и генерал колчаковской армии А.П. Перхуров записал: «Минувшая гражданская война являлась результатом не воли отдельных лиц, а следствием того стихийного начала, которое заложено в человеческую природу. У людей могут быть совершенно различные взгляды на

способы достижения одной и той же цели. И только результаты борьбы могут показать, на чью сторону склоняется большинство. Ликвидация белых армий показала, что активных сторонников, хотя бы и косвенных, было больше у советской власти»¹². Данное определение, на наш взгляд, выдвигает на первый план стихийное начало гражданской войны.

П.Н. Краснов предложил любопытную периодизацию гражданской войны на Дону, согласно которой война из народной превратилась в классовую: «Историю борьбы донцов с большевиками можно разделить на следующие три периода: период первый — народная война казачьей народной армии против разбойничьих шаек большевиков — Красной гвардии. Период второй — народная война казачьей народной армии против Красной рабоче-крестьянской народной армии за целостность своих станиц. Период третий — классовая война Добровольческой армии, в которую влились, как части, казачьи армии, против рабоче-крестьянской Красной Армии»¹³. Таким образом, Краснов признавал переход конфликта с национального уровня на социальный, что и предопределило, по его мнению, падение белых режимов, ибо прежние элитарные классы не могли дать многое ни в плане людских ресурсов, ни в плане удовлетворения чаяний казаков, как особого народа.

Известно, что партия кадетов обеспечивала Белому движению идеологическое осмысление ситуации в стране. На партийных съездах 1917 г. кадеты рассуждали о нарастании противостояния как, прежде всего, национального раскола. Особенно остро этот вопрос был поставлен на X съезде (14—16 октября 1917 г.), где П.И. Новгородцев и П.Н. Милюков заявили о необходимости не общедемократического, а общенационального единства¹⁴. На конференциях 1918—1919 гг. кадеты рассуждали о гибели России как государства, необходимости восстановления ее как русского национального организма, противопоставляли общенациональное единство классовой солидарности¹⁵. Сходная линия проводилась на заседаниях Всероссийского национального центра, где кадеты играли ведущую роль. Основные положения ВНЦ обозначали цели организации следующим образом: «Раздору классов и Гражданской войны должна быть противопоставлена общая для всех патриотическая задача возрождения Единой и Великой России, восстановления в ней социального мира и государственного порядка, утверждающегося на примирении и сотрудничестве всех классов и всех групп населения»¹⁶.

Как и военные участники Белого движения, кадеты говорили о гражданской войне как о духовном кризисе, сравнивали происходящее с болезнью, воспринимали большевизм как откровенно контркультурное явление, попирающее основы мировой цивилизации и принципы демократии. Н.И. Астров, выступая на конференции в Екатеринодаре (октябрь 1918 г.), заявлял: «Россия пала и разбилась на части. Образовался провал, ширится кровавое пятно, — гангрена, — дело шайки международных бандитов»¹⁷. А.К. Клафтон на майской конференции 1919 г. в Омске говорил, что разгоревшаяся борьба идет «во имя русской национальной культуры, во имя целостности нашего государства, во имя подлинных интересов демократии»¹⁸.

Меньшевистские организации и ПСР в конце 1917 г. выдвинули тезис о двух внутренних войнах, начавшихся в стране. Первая, которую они, собственно, и называли гражданской, — это вооруженное противостояние между силами революционной демократии; вторая — это классовая война против контрреволюции, отождествлявшейся с элитарными слоями царской России. При этом теоретические установки обоих течений российского социализма претерпели в 1917—1920 гг. изменения.

В ноябре-декабре 1917 г. лидеры социал-демократии (А.Н. Потресов, Ф.И. Дан) попытались опровергнуть большевистский тезис о классовом характере октябрьской революции, оценив ее как бунт маргинализированных масс¹⁹. В октябре 1917 — январе 1918 г. меньшевики говорили о необходимости сплочения сил демократии для преодоления гражданской междоусобицы. Под «демократией» они понимали, с одной стороны, социалистические партии, а, с другой, — рабочих и крестьян. Контрреволюция, то есть силы, выступавшие за реставрацию дореволюционной власти или военную диктатуру, исключалась из процесса примирения.

К концу 1918 г. взгляды меньшевиков на сущность гражданской войны несколько изменились. В осенних резолюциях ЦК РСДРП 1918 г. говорится не о борьбе между социалистами, а о необходимости «прекращения гражданской войны между трудящимися классами города и деревни»²⁰. Эта мысль проводилась меньшевиками и в 1919—1920 годах. Они подтверждали, что цель партии — не вооруженная борьба с большевиками, а «восстановление революционно-демократического союза пролетариата и крестьянства и сплочение вокруг этого союза всех демократических элементов страны... восстановить единение всех частей демократии и создать... последовательно-демократическую государственность»²¹.

Рассуждения идеологов партии социалистов-революционеров первоначально напоминали теоретические построения социал-демократов. В конце 1917 г. они также разделяли гражданскую «братоубийственную» войну в рядах революционной демократии и войну против контрреволюции. Однако впоследствии эсеры пошли дальше меньшевиков в организации сопротивления большевикам. На VIII Съезде партии (май 1918 г.) большевистская власть была объявлена главным препятствием для возрождения национальной государственности и восстановления независимости России, «поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии. Эта ликвидация не только не усугубит гражданской войны в рядах трудовой демократии, но, наоборот, приведет к восстановлению единства демократии»²². Таким образом, в руководящих кругах ПСР считали возможным организацию гражданской войны как борьбы «сил демократии» против большевиков, при этом из лагеря сторонников не исключались и представители «контрреволюции». Последних предполагалось привлечь в качестве партнеров-союзников и, используя тактику «обволакивания», превратить в помощников демократических сил, подобно большевистским военспецам.

Как известно, из идеи «обволакивания» ничего не получилось. Разочарование в союзе с любыми несоциалистическими силами прозвучало на пленуме ЦК ПСР в марте-апреле 1919 г.: «никакие ужасы

большевистской охлократии не могут оправдать союза с контрреволюцией, пришедшей к своему последнему слову — созданию своеобразного истинно русского бонапартизма»²³. Пытаясь найти нишу для эсеров в противостоянии, IX Совет ПСР (июнь 1919 г.) выдвинул идею о сути гражданской войны, как войны большевиков и сил реакции, в которой ПСР должна стать во главе «трудовой демократии», как «третьей силы», способной остановить гражданскую войну²⁴. К осени 1919 г. логика рассуждений эсеров о сущности происходящего вновь стала совпадать с логикой руководства меньшевистских организаций, тоже надевавшихся на «третий путь» в развитии событий.

Крестьянские восстания 1920—1922 гг. не оценивались эсерами и меньшевиками как гражданская война. По мнению меньшевиков, такие восстания могли превратиться только в бандитизм и контрреволюционные выступления во главе с бывшими белогвардейцами, а борьба с контрреволюционерами, как уже говорилось, не воспринималась как «гражданская война»²⁵. Сходная ситуация была у эсеров. В заявлении ЦК ПСР весной 1921 г. «Тактика партии в связи с крестьянским движением» видны симпатии к крестьянским выступлениям, но в целом ЦК выступил за организационную и пропагандистскую работу среди крестьян и подавление тех крестьянских мятежей, которые были связаны с контрреволюционерами²⁶.

Таким образом, для меньшевистских организаций и ПСР «гражданская война» представлялась как политическое и социальное противостояние сил демократии, сопровождающееся социальной «классовой борьбой» с силами реакции.

Свою трактовку «гражданской войны» попытались предложить левые эсеры. Выступая на I съезде партии в ноябре 1917 г. Б.Д. Камков заявлял о необходимости разделения понятий «гражданская война» и «классовая борьба». При этом трактовка «классовой борьбы» была сходна с трактовкой ортодоксальных эсеров и социал-демократов как войны против внутренней контрреволюции²⁷. Другой докладчик, А.А. Шрейдер, говорил о необходимости создания единого революционного фронта социалистов «для превращения гражданской войны в классовую»²⁸. Однако очень скоро ПЛСР отказалась от идеи какого-либо сотрудничества с меньшевиками и ПСР, что напрямую сказалось на интерпретации происходившего в стране. Термин «гражданская война», и без того редко употреблявшийся в теоретических рассуждениях, стал вытесняться термином «социальная революция». Единственное, что к лету 1918 г. они назвали «гражданской войной», — это нарастание напряженности внутри трудового крестьянства, инициированное созданием комбедов²⁹.

Анархисты, как и участники ПЛСР, старались не употреблять термин «гражданская война», называя все происходившее «защитой социальной революции». Иногда «социальная революция» заменялась понятием «социальная война», которую следует понимать как аналог «классовой» войны с контрреволюцией. Так, конференция анархистов в Харькове в июле 1917 г. призывала: «Дружным напором народов встав на дыбы революции, мы приглашаем всех угнетенных и скорбящих прекратить братоубийственную войну на просторах государств (первую мировую. — М.Р.) и объявить и открыть войну социальную, после которой наступит мир и благоденствие, песни и радость»³⁰.

С другой стороны, анархисты развивали идею внешней революционной войны, которую они также расценивали как классовую. И в этом их рассуждения совпадали с мыслями Бухарина. В резолюции Московского совещания анархо-синдикалистов-коммунистов в июле 1919 г. звучало: «Противопоставляя нацию нации, государство — государству, империалистическая война переходит в войну революционную, противопоставляющую класс классу и устанавливающую тем самым интернациональную солидарность и единство трудящихся»³¹.

Для анархистов в развернувшемся противостоянии была важна самоорганизация трудового населения для борьбы за завоевания революции. По мысли участников Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат», собравшихся весной 1919 г. в Елисаветграде, для победы революции необходима была не регулярная, а партизанская армия, которая не служила бы орудием государственного угнетения и не могла бы использоваться диктатором. Исходя из их логики, гражданскую войну вели антинародные государственные силы, а партизанскую — силы народные³².

Идеологи «социальной революции», как у анархистов, так и в ПЛСР, полагали, что творчество самоорганизующихся масс само по себе разлагало империалистические силы. Гражданскую же войну они считали вариантом государственного насилия над народом.

Оценки гражданской войны сторонами конфликта представляют немалый интерес, поскольку они также значительно варьировались. Известно, что Ленин и, по крайней мере, часть большевистского руководства желали гражданской войны как наиболее верного способа решения накопившихся проблем. Уже на заседании Учредительного собрания Бухарин заявил: «... вопрос о власти партии революционно-пролетариата есть коренной вопрос текущей российской действительности, есть вопрос, который окончательно будет решен той самой гражданской войной, которой никакими заклинаниями никаких Черновых остановить нельзя вплоть до полной победы победоносных русских рабочих, солдат и крестьян...»³³ Я.М. Свердлов в мае 1918 г. говорил о необходимости «расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря» и «разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах»³⁴.

С другой стороны, очевидно, что большевики в 1917 — первой половине 1918 г., призывая в риторике к борьбе с социалистами, на практике старались избежать военного противостояния с ними. Ленин в работах начала осени 1917 г. с энтузиазмом приводил пример корниловских событий, когда даже кратковременный союз большевиков, меньшевиков и эсеров дал «полнейшую, с невиданной ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией»³⁵, и предлагал решать возникавшие конфликты в Советах. Дискуссия о необходимости участия большевиков в Предпарламенте, заявление Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева о недопустимости вооруженного переворота, конфликт в первом Совнарком по поводу «однородного социалистического правительства» позволяют говорить о неоднородности большевистских взглядов в оценке идеи необходимости гражданской войны.

В свою очередь, центральные комитеты социалистических партий в конце 1917 г. резко осудили войну «внутри демократии», которую

они считали «братоубийством», но, в общем, поддержали борьбу с контрреволюцией. Последующее разложение этих партий не позволяет говорить об однородных оценках гражданской войны, однако, очевидно, что логика «двух войн» привела к тому, что меньшевистские ЦК (в том числе интернационалистов) так и не выступили открыто против большевиков, а ЦК ПСР вернулся к идее сотрудничества с коммунистическим режимом, при этом считая оправданной вооруженную борьбу с «контрреволюцией».

Вслед за большевиками-ленинцами многие члены ПЛСР собирались бороться вооруженными методами не только с белыми, но и с социалистами. Дискутируя с Б.Д. Камковым на I съезде ПЛСР, В.А. Алгасов отказывался употреблять термин «революционная демократия» по отношению к прочим социалистам: «До II-й революции мы еще могли так говорить потому, что тогда еще контрреволюцией была буржуазия. Но во II-й революции контрреволюцией является и правая часть демократии, каковы, например, н.-с., партия с.-р. и меньшевиков... Равным образом я считаю отсталым предрассудком теперь в ноябре месяце употреблять выражение “однородное социалистическое министерство”... Что можно придумать нелепее этого прилагательного. Что однородного между нами и н.-с.?»³⁶ Проведение «социальной революции» предполагало насилие по отношению к любой контрреволюции, что считалось левыми эсерами нормальным. Идея «третьей революции» поощряла насилие и по отношению к большевикам.

Однозначное осуждение «братоубийственной» катастрофы гражданской войны белыми ставило перед ними, однако, проблему оправдания собственного участия в ней, тем более, многие руководители Белого движения осознавали, что их действия усиливают насилие в стране. Впоследствии, размышляя об этом, А.И. Деникин старался найти оправдание в чувстве долга честного человека, выступающего против откровенного зла: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу»³⁷.

Несмотря на близость кадетов к Белому движению, для них принципиальным оказался вопрос о расхождении программных установок партии на демократию с военной диктатурой белых режимов и популярными у белых русскими националистическими концептами. На совещании партии в Харькове в ноябре 1919 г. разгорелась дискуссия, инициированная делегатом от Одессы П.Я. Рыссом, который попытался оспорить тезис о «национальной диктатуре», подразумевая, что русский национализм, равно как и диктатура, противоречит идеям правового государства и демократии. Подобная точка зрения получила отпор со стороны многих делегатов, в том числе членов ЦК, однако было очевидно, что у кадетов накопилось много вопросов к руководству ВСЮР в создавшейся ситуации выхолащивания идеологии партии в пользу национализма³⁸. Сходные мысли еще в декабре 1918 г. высказывал И.И. Петрункевич, полагавший, что русский национализм — не лучшая почва для общегосударственного

строительства, поскольку на территории бывшей Российской империи наблюдается расцвет разного рода националистических проектов, и считавший, что партия не должна однозначно поддерживать военную диктатуру белых, а должна вносить в нее элементы демократизма ³⁹.

Ленинские взгляды на хронологические границы гражданской войны претерпели значительную эволюцию. К осени 1917 г. он пришел к мысли, что победа над буржуазией будет достигнута достаточно быстро путем передачи собственности имущих слоев государству. Калединщина на Дону, красновское наступление на Петроград, бои в Москве воспринимались как акты заранее предсказанной и необходимой гражданской войны, а поражение антибольшевистских сил в этом противостоянии как ожидаемая победа над силами буржуазии. Восстание чехословацкого корпуса, мятеж донских казаков, Второй Кубанский поход подвели жирную черту под ленинскими иллюзиями. Ему понадобилось почти два месяца, чтобы адекватно оценить масштабы катастрофы (первые признания о ней произошли только в конце июля 1918 г.), и более полугода, чтобы внести дополнения в свою доктрину гражданской войны. В феврале 1919 г. Ленин выдвинул тезис о «мировой гражданской войне», начавшейся с конца 1918 года. Важнейшими предпосылками для такой идеи стали революции в странах германского блока, рост революционных настроений в Европе, поддержка Антантой Белого движения и национальных правительств на территории бывшей Российской империи ⁴⁰. Интересно, что Ленин называл и сроки победы в «мировой гражданской войне», точнее, победы «советского движения». В апреле 1919 г., после установления советской республики в Венгрии, он заявил: «До полной нашей победы необходимо продержаться еще четыре или пять месяцев» ⁴¹. Иначе говоря, победа мирового пролетариата ожидалась осенью 1919 года. Поскольку такая победа не наступила, Ленин в дальнейшем предпочитал лишь напоминать о мировом значении гражданской войны в России.

С весны 1920 г. Ленин внес поправки и в общую периодизацию гражданской войны, по сути, попытавшись порвать со своими прежними взглядами. Очевидно, что события лета 1918 г. настолько изменили его теоретические установки, что он стал считать столкновения осени 1917 — весны 1918 г. не гражданской войной, а в лучшем случае ее прелюдией. В частности, в апреле 1920 г., рассуждая о задачах мирного строительства, он заявил: «Когда мы их только впервые ставили в 1918 году, у нас никакой гражданской войны не было» ⁴². В августе 1921 г. в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» он выразился весьма четко, определяя границы гражданской войны: «от чехословаков и “учредиловцев” до Врангеля, 1918—1920 годов» ⁴³.

Социалисты увязывали начало гражданской войны с большевистским переворотом. Иногда, чаще всего «задним числом», к событиям гражданской войны пытались отнести июльские волнения в Петрограде или корниловский мятеж. Идея о том, что гражданская война началась в момент большевистского переворота, присутствует, например, в выступлениях меньшевистских депутатов на II съезде Советов, в обращении ЦК РСДРП(о) к рабочим Петрограда 27 и 28 октября 1917 года ⁴⁴. На Учредительном собрании в декларации соци-

ал-демократической фракции, зачитанной И.Г. Церетели, четко сказано, что в стране на момент созыва собрания пылает «пожар гражданской войны»⁴⁵. Что касается даты окончания гражданской войны, то к началу 1921 г. меньшевики перестали характеризовать текущую ситуацию как гражданскую войну, поскольку крестьянские выступления оценивались как контрреволюционные, то есть считались разновидностью классовой борьбы.

Эсеры активно оперировали понятием «гражданская война», по крайней мере, с апреля 1917 года. События лета 1917 г. воспринимались руководством ПСР как очень опасные, нагнетающие гражданскую войну. В ноябре 1917 г. В.М. Чернов называл гражданской войной июльские события в Петрограде⁴⁶. Таким образом, весной-летом 1917 г. эсеры фиксировали раскол внутри сил революционной демократии. Одновременно проявляла себя и «классовая борьба» в лице корниловского выступления, которое именовалось не иначе как «мятеж контрреволюционной буржуазии». Как и меньшевики, эсеры связывали начало гражданской войны с большевистской революцией. В постановлении ЦК ПСР от 2 ноября 1917 г. напрямую говорилось: «по всей стране вспыхнула гражданская война и одни части войск столкнулись с другими в братоубийственной бойне (имеются в виду события под Гатчиной и в Москве. — *М.Р.*)»⁴⁷. Что касается даты окончания гражданской войны, то после согласия руководителей ПСР на сотрудничество с советским режимом в 1919—1920 гг., перед эсерами встала следующая проблема: с одной стороны, «гражданская война» как война между силами демократии закончилась, с другой, вооруженное противостояние продолжалось. Сохраняя линию на временность союза с большевиками, эсеры безуспешно пытались перехватить у них власть во время падения белого режима в Сибири. В поисках альтернативы большевистской программе прошел 1920 г., и уже в сентябре 1920 г. зазвучали предложения возобновить гражданскую войну демократии против большевиков, при этом крестьянские выступления воспринимались, скорее, как формы классовой борьбы, а не войны внутри сил трудовой демократии.

Можно заключить, что для социалистических партий начало собственно гражданской войны произошло в октябре (иногда называется июль) 1917 года. Дата же окончания войны оказалась размыта, но очевидно, что в 1920—1921 гг. они перестают использовать в риторике термин «гражданская война» для определения сложившейся ситуации. Одновременно начало классовой войны увязывалось ими с корниловским выступлением и мятежами осени-зимы 1917—1918 гг., а ее окончание продлевалось до 1921—1922 годов.

Левые эсеры также называли большевистскую революцию датой начала гражданской войны как войны внутри демократии⁴⁸. В докладе Ю.В. Саблина на II съезде ПЛСР говорится даже о целой «эпохе гражданских войн» на юге страны, «которые приняли особенно широкие размеры в октябрьские дни [1917 г.]»⁴⁹. Дальнейшая оценка происшедшего не как гражданской войны, а как социальной революции, несколько осложняет анализ периодизации. Однако очевидно, что рассуждения эсеров о гражданской войне и классовой борьбе, попытки примирения с большевиками в 1919—1920 гг., вели их по логике теоретиков умеренных социалистических партий. В то же вре-

мя социальная революция рассматривалась как явление более глобальное и ее окончание относилось к более позднему времени, нежели 1919—1920 годы.

Не совсем ясной, в силу большого разброса мнений и подмены понятия «гражданская война» «социальной революцией», представляется точка зрения анархистов. В любом случае, их мнение не было единым в силу разнообразия оттенков в анархическом движении. Это же разнообразие порождало локальный, субъективный взгляд на динамику происходившего. Так, Одесская федерация анархистов весной 1918 г. говорила только об угрозе «братоубийственной войны»⁵⁰. Одновременно таким же братоубийством назывался разгром махновцев красноармейцами в конце 1920 года⁵¹. Параллельно с лета 1919 г., по мысли анархистов, началась «третья революция» против антинародного режима большевиков⁵².

Для риторики съездов и конференций кадетов не характерно употребление термина «гражданская война» ни в 1917 г., ни в дальнейшем, поскольку представители партии предпочитали называть развернувшиеся события национальной катастрофой. На прошедших в 1917 г. VII—X съездах партии упоминания термина «гражданская война» были единичными и звучали в контексте критики социалистов. На IX съезде (июль 1917 г.) П.Н. Милюков заявлял, что «министры-социалисты входят в правительство не для восстановления внутреннего мира в стране, а для усиления классовой борьбы, и что эта классовая борьба принимается как средство победы и над войной, и над так называемой буржуазией по самым лучшим рецептам Циммервальда и Кинтала. Другими словами, здесь осуществлялся лозунг циммервальдизма — превращение внешней войны в войну гражданскую»⁵³. Таким образом, Милюков смешивал в одну кучу всех социалистов, считая их скрытыми большевиками, и одновременно не видел особой разницы между понятиями «классовая борьба» и «гражданская война». Июльские события Милюков называл не гражданской войной, а бунтом, а корниловское выступление многие кадеты вообще поддержали, считая его не войной, а нормальной мерой по наведению порядка⁵⁴. Представляется, что кадетское руководство связывало начало гражданской войны с большевистским переворотом и относило ее окончание к 1920—1922 годам.

Военные участники Белого движения указывают различные даты начала гражданской войны, что связано, прежде всего, с уровнем осмысления событий: аналитически-обобщающим как, например, у Деникина, и субъективным у большинства участников противостояния. Для Деникина события февраля-октября 1917 г. вписывались в концепцию Смуты как национальной катастрофы, являясь ее неотъемлемой частью⁵⁵. Однако и для него большевизм стал тем «огромным и страшным явлением, которое раздавило Россию и потрясло мир»⁵⁶, то есть октябрьский переворот был для него, по меньшей мере, этапным моментом катастрофы. Часть белых считали началом войны лето 1918 г., описывая настроения весны 1918 г. как предвоенные. Особенно это характерно для восставших только летом 1918 г. участников борьбы в Поволжье и Сибири⁵⁷. Большинство деятелей Белого движения отмечают длительный этап «вползания» в гражданскую войну, относя начало «настоящей» войны даже к осени-зиме 1918—1919 гг.: «Настоящая война началась, когда Москва, сформировав в центре

России уже красные регулярные полки..., двинула их на Омск...»⁵⁸ Перелом в войне связывался с событиями конца 1919 — начала 1920 г.: падение Омска, Новочеркаска, Ростова; при этом события 1920—1922 гг. воспринимались белыми как продолжение гражданской войны, правда, в локальных масштабах.

Вообще, локальность оценок динамики войны оказалась характерной для участников Белого движения. Существует, например, ряд «казачьих» периодизаций гражданской войны, определяющих периоды подъемов и спадов борьбы именно в казачьих областях⁵⁹. Следует подчеркнуть, что и они относят начало казачьих выступлений к ноябрю 1917 году. С другой стороны, некоторые участники вооруженного сопротивления большевизму хотели видеть в российской гражданской войне нечто большее, стремясь, подобно своим противникам, описать ее как один из этапов глобального противостояния. Например, атаман Г.М. Семёнов называл 1917—1922 гг. только «первым периодом борьбы русских националистов с властью коминтерна»⁶⁰.

«Война интерпретаций», с одной стороны, показывает стремление сторон создать свою объяснительную модель развернувшихся в России событий, а, с другой, говорит о полностью разрушенном коммуникативном поле социума. Не только простому обывателю, но и политически активному гражданину было сложно разобраться в многочисленных объяснениях того, что же такое «гражданская война» (нами насчитано не менее 12 определений, дававшихся участниками событий этому явлению), «классовая борьба» (не менее 4 определений) и даже «братоубийство» (не менее 3 определений). Порой происходила не только подмена понятий, но и обыкновенная путаница в терминологии. Однако, как ни странно, общий посыл названных концептов вполне воспринимался участниками этой войны, маркируя «своих» и вызывая когнитивный диссонанс у «чужих».

Примечания

1. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. (ПСС). Изд. 5-е. Т. 26. М. 1977—1978, с. 163. Т. 34. М. 1969, с. 215.
2. В.И. Ленин об Украине. Ч. 2. 1917—1922. Киев. 1978, с. 473.
3. ГУСЕВ С.И. Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М. 1958, с. 72.
4. ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М. 1964, с. 245.
5. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 34, с. 215—221.
6. Там же. Т. 38. М. 1969, с. 113—114.
7. БУХАРИН Н.И. Избранные произведения. М. 1988, с. 10.
8. Военный энциклопедический словарь. М. 1986, с. 207.
9. Белое дело. Т. 2. М. 1993, с. 188. Т. 7. М. 1996, с. 34. Т. 9. М. 2004, с. 125. Т. 12. М. 2003, с. 183; Деникин — Юденич — Врангель. М.-Л. 1927, с. 414—415, 417; ВРАНГЕЛЬ П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. Т. 1. Минск. 2003, с. 173.
10. ВРАНГЕЛЬ П.Н. Ук. соч., т. 2, с. 196.
11. Сопротивление большевизму. 1917—1918 гг., с. 222, 272; Трагедия казачества. Т. 1. М. 1996, с. 210; Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М.-СПб. 2005, с. 120; Белое дело, т. 2, с. 188.
12. ПЕРХУРОВ А.П. Исповедь приговоренного. Рыбинск. 1990, с. 36.
13. Трагедия казачества, т. 1, с. 207.
14. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915—1917 гг. М. 2000, с. 735.

15. Там же, т. 3, кн. 2, с. 38, 43, 48, 58, 117—118.
16. Всероссийский Национальный Центр. М. 2001, с. 358.
17. Съезды и конференции конституционно-демократической партии, т. 3, кн. 2, с. 50.
18. Там же, с. 68—70.
19. Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. М. 1997, с. 323.
20. Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. Меньшевики в 1918 году. М. 1999, с. 635, 665; Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. Меньшевики в 1919—1920 гг. М. 2000, с. 107.
21. Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. Меньшевики в 1918 году, с. 681.
22. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М. 2000, с. 389—390.
23. Там же, с. 452.
24. Там же, с. 458.
25. Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. Меньшевики в 1921—1922 гг. М. 2002, с. 142—143, 220—222.
26. Там же, с. 703—706.
27. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. Т. 1. М. 2000, с. 99—105.
28. Там же, с. 122.
29. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. Т. 2. Ч. 1. М. 2010, с. 146.
30. Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. Т. 2. 1917—1935 гг. М. 1999, с. 47.
31. Там же, с. 213.
32. Там же, с. 255.
33. Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы. М. 1991, с. 85—86.
34. Цит. по: Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. Меньшевики в 1918 году, с. 440.
35. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 34, с. 222—223.
36. Партия левых социалистов-революционеров, т. 1, с. 120.
37. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2—3. М. 2006, с. 203.
38. Съезды и конференции конституционно-демократической партии, т. 3, кн. 2, с. 132—144.
39. Там же, с. 186—193.
40. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 38, с. 113—114.
41. Там же, с. 265.
42. Там же, т. 40, с. 301.
43. Там же, т. 44, с. 103.
44. Меньшевики в 1917 г., т. 3, ч. 2, с. 259—260, 264.
45. Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. Меньшевики в 1918 году, с. 83.
46. Партия социалистов-революционеров, т. 3, ч. 2, с. 64.
47. Там же, с. 44.
48. Партия левых социалистов-революционеров, т. 1, с. 99—104, 133.
49. Там же, с. 328.
50. Анархисты. Документы и материалы, т. 2, с. 164—165.
51. Там же, с. 297.
52. Там же, с. 264—265.
53. Съезды и конференции конституционно-демократической партии, т. 3, кн. 1, с. 688.
54. Там же, с. 693—697, 735.
55. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. М. 2006, с. 180—181, 578—579.
56. Там же, кн. 2, т. 2—3, с. 342.
57. Каппель и каппелевцы. М. 2003, с. 71, 93, 161; 1918 год на Востоке России. М. 2003, с. 134, 177; ВРАНГЕЛЬ П.Н. Ук. соч., т. 1, с. 104.
58. Каппель и каппелевцы, с. 161.
59. Гражданская война в России: Борьба за Поволжье. М.-СПб. 2005, с. 114—115, 140; Донская армия в борьбе с большевиками. М. 2004, с. 19; Трагедия казачества, т. 1, с. 207.
60. СЕМЁНОВ Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. М. 2002, с. 295.

Николай Иванович Лазаревич

А.Н. Сидоров

Аннотация. Публикация посвящена биографии русско-бельгийского революционера Николая Ивановича Лазаревича. В ней рассказывается о разочаровании Лазаревича в «реальном социализме» и его противодействии сталинской пропаганде среди западных рабочих и левых интеллектуалов. В качестве источника информации о положении рабочего класса в Советском Союзе Лазаревич активно использовал сообщения из советских газет. Особое внимание автор уделил истории взаимоотношений рабочего-анархиста с известным французским русистом Пьером Паскалем, писателем Роменом Ролланом, философами Альбером Камю и Симоной Вейль.

Ключевые слова: Пьер Паскаль, Альбер Камю, Ромен Ролан, СССР, Франция, Бельгия, анархизм, анархо-синдикализм, репрессии, рабочий класс.

Abstract. The work is devoted to the biography of Russian-Belgian revolutionist Nikolai Ivanovich Lazarevitch. It describes the disappointment Lazarevich in the “real socialism” and his resistance to Stalinism propaganda among Western workers and left intellectuals. As a source of information concerning the life of Soviet working class Lazarevich actively used information from the Soviet newspapers. Particular attention is paid to the history of the worker-anarchist relationship with known intellectuals including French expert in Russian history Pascal Pierre, writer Romain Rolland, philosopher Albert Camus and Simone Weil.

Key words: Pierre Pascal, Albert Camus, Romain Rolland, USSR, France, Belgium, anarchism, anarcho-syndicalism, repression, working class.

Если попытаться представить себе, как выглядел Советский Союз 1920-х — 1930-х гг. глазами западного сторонника социалистических идей, то станет ясно, что ему было доступно довольно много информации о жизни в нашей стране, но непонятно, насколько эта информация являлась достоверной. Можно легко отбросить все рассказы антикоммунистов, но как быть со свидетельствами тех, кто посвятил жизнь делу пролетариата, но обнаружил, что «реальный социализм» обернулся новым эксплуататорским строем? Одним из таких людей был бельгийский анархист русского происхождения Николай Ивано-

Сидоров Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Иркутского научно-исследовательского технического университета. E-mail: andreyniksidorov@gmail.com.

Sidorov Andrey N. — candidate of historical sciences, associate professor at the Irkutsk National Research Technical University. E-mail: andreyniksidorov@gmail.com.

вич Лазаревич. За исключением недолгой работы переводчиком в Коминтерне и преподавателем русского языка в конце жизни, он как на Западе, так и в Советском Союзе зарабатывал на жизнь трудом простого рабочего, участвуя в деятельности профсоюзов и анархистских организаций. Среди друзей рабочего-активиста были такие известные люди, как Альбер Камю, Пьер Паскаль, Симона Вейль.

Николай Иванович Лазаревич (Николя Лазаревич, как его звали во Франции) родился 17 августа 1895 г. в Бельгии, в пригороде Льежа, в семье русских политических эмигрантов. Его родители были народовольцами, бежавшими за границу из сибирской ссылки. Отец, Иван Иванович, работал инженером, мать была домохозяйкой. Анастасия Лазаревич происходила из дворянской семьи, ее девичья фамилия — Похитонова. За революционную деятельность она была лишена всех прав состояния. Одно время она работала в Бельгии учительницей в доме для беспризорных детей ¹. У Николая были два брата: старший Иван и младший Пётр. Его двоюродный дядя со стороны матери, Николай Похитонов, был осужден вместе с Верой Фигнер по «процессу 14-ти» и приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости, где сошел с ума и погиб ². Другой его дядя, Иван Похитонов, был знаменитым художником.

По свидетельствам знавших его людей, Иван Иванович Лазаревич всегда был близок к рабочему классу и лишен всякой спеси. В эмиграции, прежде чем удалось получить в Бельгии место инженера, ему пришлось работать каменщиком.

В 1911 г. Николай бросил школу и решил связать свою судьбу с судьбой трудящихся — рабочих и крестьян. «Я мистически идеализировал рабочих», — писал он. Чтобы лучше понять жизнь крестьян, он стал посещать школу садоводства. В 1913 и 1914 гг. Лазаревич учился на вечерних курсах в профессионально-техническом училище. С 1914 г. работал электриком. Вскоре он увлекся анархо-синдикализмом. Когда разразилась первая мировая война, молодой революционер был поражен отказом большей части социалистов и некоторых анархистов от идеалов пролетарского интернационализма. В 1961 г. Николай Лазаревич напишет о своих тогдашних надеждах на скорую революцию: «Жизнь показала мне, что граница, после которой человеческое страдание становится невыносимым, была очень далеко» ³.

Чтобы избежать призыва в армию, Николай перебрался в нейтральную Голландию. Там его отправили в концентрационный лагерь в Бергене за пропаганду идей Октябрьской революции. Из концлагеря ему удалось бежать. Он приехал в Берлин, а затем пешком добрался до России. В феврале 1919 г. Лазаревич прибыл в Москву.

В России он оказался в самый разгар Гражданской войны. Лазаревич поступил на службу в Красную армию — в Харьковский инженерный батальон. Позднее он так писал об этих днях в своих воспоминаниях в третьем лице: «Сын русских революционеров... в 1919 г. приехавший в Россию, полагал, что обязан максимально строго придерживаться своих революционных идей. Наибольшая идейная чистота виделась ему в том, что он, будучи антимилитаристом и дезертиром, должен стать солдатом, разумеется, Красной армии, но все же солдатом». «По правде сказать, в голове у него была каша, и он не безуспешно пытался быть одновременно и ~~большевиком~~, и ~~анархистом~~» ⁴.

В апреле 1919 г. в Южном бюро Коммунистического интернационала в Киеве Николай Лазаревич познакомился с участниками Французской коммунистической группы, среди которых были будущие противники большевизма Марсель Боди и Борис Суварин. Вместе со своими новыми товарищами он принял участие в работе редакции франкоязычного журнала «Le Troisième International».

Из Киева Лазаревич отправился в Одессу, в декабре 1918 г. захваченную французскими войсками. Ему было поручено надеть французскую военную форму и распространять среди французских солдат большевистские листовки. Там он был арестован, приговорен к расстрелу и остался в живых лишь благодаря вмешательству офицера-бельгийца. Во время наступления Деникина Лазаревич был вынужден бежать в Румынию, где его сразу арестовали. В 1920 г. он нелегально перебрался в Югославию, а затем — в Италию, где сотрудничал с местными анархистами и участвовал в уличных стычках с фашистами. В Италии Лазаревич был арестован, но вскоре вышел на свободу. После этого он пешком перебрался через Альпы в Австрию, а позже в Германию. В Берлине беглый анархист при помощи местных коммунистов и советского консульства сумел добиться репатриации в Россию вместе с военнопленными.

В марте 1921 г. Лазаревич вернулся в Советский Союз. Вначале он работал на Казанской железной дороге в пригороде Москвы — в Перово. Здесь ему месяцами не платили зарплату, он работал практически только за еду. К счастью, в июне в Москве начал работу 3-й съезд Коминтерна. 22 сентября 1921 г., по рекомендации Марселя Боди и Бориса Суварина, Лазаревич был официально принят на работу в Коминтерн в качестве переводчика. Он не скрывал своих убеждений, что видно из рекомендации Бориса Суварина: «Хотя по убеждениям он анархо-синдикалист я могу рекомендовать его...», поскольку мне он известен «... не только как самый чес[т]ный, но и как глубоко преданный партии» человек ⁵.

Переводчик Лазаревич знал пять языков, но анархо-синдикалист Лазаревич решил вернуться к своей рабочей профессии. В архиве РГАСПИ сохранилось его заявление: «Ввиду того, что имею возможность работать по моей специальности в качестве электромонтера на заводе Динамо, прошу уволить меня с занимаемой мною должности. Н. Лазаревич. 13 января 1922 г.» ⁶.

В опубликованной в 1926 г. брошюре «Что я пережил в России» Николай Иванович так описывает свои впечатления от нэповской России: «Мы застали восстановление экономического неравенства. В то время как в рабочих кварталах были перебои с черным хлебом, нувориши купались в роскоши, как в прежние времена. И приглядевшись, мы увидели среди них не только коммерсантов, которые были счастливы от того, что государство терпит их грабеж, но и тех, кто управляет государственными заводами, которые якобы принадлежат нам» ⁷. Профсоюзы лишены всякой независимости, ибо существует «тесное взаимодействие между профсоюзными функционерами, директорами заводов и высшими партийными работниками» ⁸.

Во время работы на заводе «Динамо» Лазаревич все больше убеждался, что пролетариат в «рабочем государстве» лишен всякой реальной власти. Чтобы продолжить борьбу за самоуправление трудящих-

ся, он создал оппозиционную профсоюзную группу. Вскоре его уволили за борьбу против обязательного вступления в официальный профсоюз, лицемерно сославшись на «сокращение штатов». Директор завода прямо сказал, что хотел бы увидеть, как смутьяна посадят в тюрьму, причем надолго ⁹.

После увольнения Николай Лазаревич вместе с французской учительницей Розалиной Леклерк отправился в Тульскую область, где стал работать на шахте. Затем он оказался в Крыму, где вступил в Ялте в коммуны иностранных революционеров, расположившуюся в доме буржуа, бежавшего из Советской России. Там он встретил своих старых знакомых.

История коммуны началась в начале 1920-х гг., когда итальянские анархисты Франческо Гецци и Тито Скарчелли, бежавшие из фашистской Италии в СССР, поселились в заброшенной усадьбе в Ялте и занялись сельским хозяйством. Вскоре к ним присоединились другие иностранные революционеры. В ялтинской коммуне жили Борис Суварин и Пьер Паскаль со своей будущей женой Евгенией Русаковой. Коммунары выращивали овощи, фрукты, цветы и продавали их. Они совместно обсуждали различные проблемы, нередко бурно спорили, но каждый уважал взгляды своих товарищей. Когда летом 1924 г. в коммуны вступил Лазаревич, Гецци сказал: «Наша жизнь — это сплав товарищества, труда, морковки и тапиамбуров. С Николаем же пришло веселье» ¹⁰. В коммуне Лазаревич подружился с бывшим французским лейтенантом Пьером Паскалем, который, несмотря на то, что был глубоко верующим католиком, после революции остался в России и поддержал большевиков. В дальнейшем, разочаровавшись, Паскаль вернется во Францию, где станет известным специалистом по русской истории и литературе. «Мы стали друзьями на всю жизнь» ¹¹, — вспоминал он.

Коммуна распалась осенью 1924 г. после налета чекистов, которые искали там подпольную типографию и беглого Лазаревича. При обыске обнаружили номера французской анархистской газеты «La Liberté», книгу «Философия революции» и три номера журнала под редакцией итальянского анархиста Малатесты. Никто из коммунаров не был арестован ¹².

После работы на шахтах Донбасса Лазаревич вернулся в Москву и начал готовиться к вступительному экзамену в Электротехнический институт имени Каган-Шапшай, куда вскоре успешно поступил. Этот институт предназначался для рабочих. Обучение длилось два года без отрыва от производства.

Лазаревич продолжал вести пропаганду идей анархо-синдикализма среди рабочих. Он и его товарищи подготовили листовки с призывом к созданию независимых классовых профсоюзов, которые выступали бы в защиту интересов рабочих как против государственных трестов, так и против владельцев частных предприятий.

В это время, по данным ОГПУ, анархистское движение в СССР находилось на подъеме. Наряду с группой Лазаревича в Москве в сводке упоминались подпольная анархо-синдикалистская федерация в Ленинграде и «анархо-подпольные» группы на Балтийском флоте ¹³. 8 октября 1924 г. Николая Лазаревича арестовали на улице по пути на работу. Его обвинили в организации тайных собраний рабочих, пере-

воде статей из иностранных анархистских газет и обсуждении с рабочими книги Аршинова «История махновского движения», а также в распространении антисоветских листовок. Приговор гласил: три года лагерей за «контрреволюционную деятельность в сотрудничестве с международной буржуазией». С Лубянки политзаключенного Лазаревича перевели в Бутырку, затем, 14 июня 1925 г., в Суздальский политизолятор и, наконец, в центральную тюрьму г. Владимира. Благодаря помощи своего младшего брата Петра, комсомольца, работавшего чертежником в Москве, а также своего старого товарища Пьера Паскаля, он сохранил связь с внешним миром.

Пьер Паскаль предпринял все усилия, чтобы добиться для Лазаревича замены заключения высылкой за границу. Он писал о деле бельгийского анархиста заместителю Секретного Отдела ОГПУ Якову Сауловичу Агранову, сообщил о судьбе Лазаревича одному из руководителей Французской компартии Семару. В деле Паскаля в РГАСПИ сохранилась переписка с членом ЦКК старым большевиком А.С. Шаповаловым, который после революции 1905 г. жил в эмиграции в Бельгии, где познакомился с родителями Лазаревича. По свидетельству Пьера Паскаля, в семье Лазаревичей Шаповалова очень уважали за принципиальность¹⁴. Обратиться к нему Паскалю посоветовал брат Николая Лазаревича. В личном разговоре Шаповалов согласился с Паскалем, что лучшим решением было бы отпустить Николая за границу, где тот, в соответствии со своими убеждениями, мог бы вести борьбу против общего врага — мировой буржуазии. Однако вскоре он изменил свое мнение. В письме к Паскалю Шаповалов даже оправдал приговор.

Александр Шаповалов утверждал, что Паскаль в письме к Семару напрасно называл Лазаревича рабочим, который родился в семье инженера и в действительности являлся интеллигентом. Паскаль утверждал, что Лазаревич виновен, но его вина является «незначительной». Шаповалов даже привел данные из дела Лазаревича в ГПУ, призванные доказать его виновность.

В ответном письме Паскаль доказывал, что Лазаревича можно с полным правом отнести к рабочему классу: «Н[иколай] И[иванович] по своим знаниям и способностям мог легко создать себе, самым честным путем и не отказываясь даже от “революционной” деятельности, приятную, чистую и сытную жизнь, и сам своей волей выбрал для себя совершенно противоположный путь»¹⁵. Шаповалов сравнивал революционера Лазаревича с контрреволюционерами, которые из политических соображений «поступают на заводы, чтобы вести подрывную работу против РКП и Советской власти». Паскаль указывал, что в отличие от них, «Н[иколай] И[ванович] не только в России, но еще до этого за границей жил только интересами рабочих»¹⁶. Паскаль спрашивал, кого следует считать пролетарием: чиновника, который родился в рабочей семье, но затем «выдвинулся из массы», получил власть и утратил связь со своим классом или же сына инженера, который отказался от всех привилегий своего происхождения, «чтобы теряться в безсметной и безличной толпе париев современного общества». «Я первого называю чиновником, происходящим из рабочих, мне какое дело? А другой раз такой бывает даже хуже, а второго называю и буду называть рабочим (если и дворянского происхождения, мне не важно)»¹⁷.

Далее Пьер Паскаль перешел к разбору обвинений, предъявленных Лазаревичу. Он не отрицал, что тот вел синдикалистскую пропаганду, но утверждал, что пропаганда была «без покушения на Советскую власть и без призыва к восстанию». Лазаревич проводил собрания рабочих на окраинах Москвы, но на этих собраниях присутствовали десятки человек, среди которых неизбежно должны были оказаться агенты ГПУ — какая же это конспирация? По мнению Паскаля, многие показания Николая Лазаревича на допросах были вызваны тем обстоятельством, что «человек, хоть немножко гордый, будучи пленником и считая себя правым, не только не постарается отбросить обвинения..., но пойдет им навстречу, возьмет на себя ответственность в возможном преступлении, лишь бы не унизиться»¹⁸.

Шаповалов переслал письма Паскаля в секретариат ЦКК РКП (б), и они сохранились в его деле в архиве РГАСПИ. На заседании секретариата ЦКК 23 марта 1925 г. было решено не высылать Лазаревича за границу «до момента, когда он изменит свое враждебное отношение к РКП», а также «Поставить вопрос о целесообразности дальнейшего оставления т. Паскаля в числе сотрудников Коминтерна, особенно на посту ответс[т]в[енного] раб-ка» и наладить выпуск «через Агитпроп ЦК РКП специальной популярной литературы против анархо-синдикализма, анархизма и анархо-махновщины»¹⁹.

О своем пребывании в Бутырской тюрьме Лазаревич вспоминал: «С апреля по июнь 1925-го администрация давала заключенным воду для мытья только по воскресеньям, под предлогом аварии водопровода. Можно представить себе, что творилось в уборных, где все это время не было слива»²⁰.

В июне 1925 г. политзаключенный Лазаревич потребовал, чтобы его перевели в другое место. Он был особо возмущен тем фактом, что его, рабочего, держат в тюрьме уже десять месяцев, тогда как интеллектуалы, попы и офицеры содержались там не более одного-двух месяцев. В результате, 14 июня его перевели в Суздальский политизолятор²¹. Там он оказался единственным анархистом среди социал-демократов и эсеров.

Из Суздальского политизолятора политзаключенного перевели во Владимир, а затем обратно в Бутырку. По пути во Владимир он едва не умер от холода: «Меня бросили в сани и повезли в снежную бурю во Владимир; против обычая, мне не дали плаща, предназначенного для заключенных, который не должен сделать ни малейшего движения во время езды...; даже терроризированные крестьяне этой деревни не могли сдержаться, чтобы не сказать коменданту, возвращенному в меха: “как вы его везете?”». Этот невинный вопрос дал понять коменданту, что до места я не доеду, и он дал мне тонкое одеяло»²².

Первого мая политзаключенные Бутырки решили напомнить, что они «разделяют идеалы мирового рабочего класса». Заключенные кричали: «Да здравствует Первое мая!», «Долой новую буржуазию!», «Долой жандармов!». Руководство тюрьмы ответило репрессиями. Лазаревича избили, после чего надели на него смирительную рубашку. Несколько часов спустя, когда у заключенного начались судороги, его развязали и перевели в камеру карцерного типа, расположенную в Пугачевской башне тюрьмы. Там он и его сокамерники добились

встречи с начальником тюремного отдела Административно-организационного управления ОГПУ К.Я. Дукисом. В результате заключенных Пугачевской башни вернули в их прежние камеры, за исключением одного молодого сиониста. Лазаревич вместе с товарищами объявил голодовку в его поддержку.

Когда известия о судьбе Лазаревича дошли до его европейских знакомых, на Западе началась широкая кампания за освобождение политзаключенного-анархиста. В январе и в апреле 1925 г. во французской анархистской газете «La Liberté» были опубликованы статьи о деле Николая Лазаревича. В начале июня небольшой журнал «L'Humble» рассказал о деле Лазаревича и потребовал от правительства СССР справедливого суда: «Что может нам сказать русское правительство, если для него правосудие и революция несовместимы!... чем же оно отличается в лучшую сторону от прочих преступных правительств!»²³ Об аресте бывшего переводчика Коминтерна писали и журналы русских анархистов-эмигрантов. Так, в журнале «Голос труженика» за май-июнь 1925 г. была опубликована статья «Арест товарища Лазаревича». «Лазаревич один из немногих и вполне честных товарищей, питавших вполне искренние иллюзии о возможности единого фронта с большевиками. Он пользуется очень хорошей репутацией и среди своих товарищей по работе — коммунистов. Все же никто из Коминтерна не посмел вступить за него. Лазаревичу видно еще предстоит основательное знакомство с тюрьмой ОГПУ»²⁴.

В защиту Николая Ивановича, в частности, выступил парижский синдикалистский журнал «La Révolution prolétarienne». 22 июня 1926 г. к полпреду СССР во Франции Христиану Раковскому пришла делегация Синдикалистской Лиги и потребовала освобождения Лазаревича²⁵. В Париже был создан «Комитет защиты Николая Лазаревича». Его участники написали письмо полпреду СССР Христиану Раковскому²⁶. Среди подписантов письма был французский писатель Ромэн Роллан. Интересно, что поначалу комитет не хотел обнародовать это письмо, поскольку опасался, что делом Лазаревича воспользуются европейские реакционеры.

29 сентября 1926 г. Николай Иванович Лазаревич вышел из тюрьмы и был депортирован за границу. 2 октября 1926 г. он прибыл во Францию и поселился в Юре. Там он написал брошюру «Что я пережил в России». Затем он переехал в Париж, где работал на стройке и участвовал в деятельности группы русской анархистской эмиграции, издававшей журнал «Дело труда». В 1927—1928 гг. в этом журнале регулярно появлялись статьи Лазаревича о положении в СССР²⁷. В Париже он познакомился с русской эмигранткой Идой Метт (настоящая фамилия — Гильман), которая вскоре стала его женой. Ида Метт и Николай Лазаревич участвовали в обсуждении проекта так называемой «Организационной платформы» и защищали позицию сторонников Аршинова и Махно. Однако вскоре их пути с этой группой разошлись. Иду Метт исключили из группы «Дело труда» за совершение иудейского религиозного ритуала: она зажгла свечу в день смерти своего отца²⁸.

Во Франции Николай Лазаревич вступил в переписку с писателем Ромэном Ролланом. Переписка была опубликована в журнале «Дело труда» за ноябрь-декабрь 1927 года. Бывший политзаключен-

ный поблагодарил писателя за выступление в его защиту и спросил, почему тот продолжает восхвалять СССР. Роллан ответил, что защищает не большевиков, а «народы России против происков правителей Европы и Америки». Писатель призвал Лазаревича заставить «замолчать в себе страдания и злопамятность (будь они тысячу раз основательны)» и поддержать единый фронт против мировой реакции. Лазаревич ответил, что у него нет ни партийной узости, ни личной озлобленности: «Я вас уверяю в полной правдивости, я сам себя хорошо контролировал и чувствую, что это не есть личное злопамятство, которое во мне говорит, но выражение негодования со стороны класса, к которому я принадлежу». В переписке с Ролланом Лазаревич приводит множество фактов, свидетельствующих о безжалостной эксплуатации рабочего класса в Советском Союзе 1920-х годов ²⁹.

Лазаревич вместе с русским анархистом Всеволодом Волиным участвовал в подготовке изданной в Париже в 1927 г. брошюры Международного комитета защиты анархистов «Как во времена царей. Ссылки, тюрьмы и казни лучших революционеров России». Авторы предложили создать комиссию по расследованию репрессий против революционеров в СССР. Бывший узник ГПУ начал активно пропагандировать эту идею. Комиссия должна была состоять из двух анархистов, двух членов французской компартии и двух представителей иных политических течений по выбору МКЗА. Во главе комиссии предлагали поставить двух эмигрантов из России и двух представителей советского правительства. Разумеется, правительство СССР никогда не согласилось бы на подобное, но это предложение помогло бы раскрыть глаза французским рабочим, симпатизировавшим большевизму ³⁰.

В 1927 г. советское руководство активно зазывало западных рабочих посетить Советский Союз, принять участие в праздновании десятилетия Октябрьской революции и увидеть своими глазами достижения новой власти. Лазаревич составил для участников подобных делегаций «Вопросник из 83 пунктов», основанный на фактах из жизни советских рабочих, взятых из советской прессы ³¹.

После прибытия во Францию изгнанник из большевистской России регулярно участвовал в дебатах с французскими коммунистами. По мнению Лазаревича, читая советские газеты 1920—1930-х гг. можно было составить правильное представление о жизни рабочего класса в «государстве трудящихся»: «Несмотря на все свои пороки, эта пресса бесспорно точнее, чем вся белая пресса, которая издается здесь... и даже чем “Социалистический Вестник”» ³². Так, например, однажды некий французский коммунист объявил орган Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) «Труд» издаваемой в Париже белогвардейской газетой ³³.

25 ноября 1928 г. Лазаревичу было запрещено проживать во Франции, и он с женой переехал в Бельгию. Незадолго до этого он выпустил единственный номер газеты «Освобождение профсоюзов», целевой аудиторией которой должны были стать не эмигранты, а рабочие СССР. В передовой статье «Наша цель» Николай Лазаревич характеризовал общественный строй в СССР как «большевистскую диктатуру интеллигенции». По его мнению, свергнуть эту диктатуру и не допустить возрождения капитализма могли лишь «органы, вырастаю-

щие на почве рабочей самодеятельности», то есть профсоюзы. Хотя советское правительство и сковало профсоюзы «по рукам и ногам», автор передовицы утверждал: «Классовая война в России между огромным хозяином — Государством, иностранными концессионерами и мелкими предпринимателями с одной стороны, и русскими мастеровыми с другой — неизбежно всколыхнет прирученные профсоюзы... толкнет их через влияние рабочих масс на разрыв со своими чиновниками»³⁴. Лазаревич считал необходимым не создавать новые независимые профсоюзы, которые не только «натолкнулись бы на бешеное преследование ГПУ», но и вели бы к сектантскому отрыву от масс, а образовывать внутри официальных профсоюзов подпольные «группы меньшинств». Газета «Освобождения профсоюзов» была задумана как орган этих подпольных ячеек. В условиях ликвидации нэпа и начала эпохи сталинских репрессий подобная тактика была обречена на провал, и выпуск газеты прекратился на первом номере. Пьер Паскаль в воспоминаниях о своем друге утверждал, что выход этой газеты вызвал недовольство как французских властей, которые не желали терпеть деятельность иностранных анархистов во Франции, так и французских коммунистов. Паскаль подозревал, что Лазаревича выслали по доносу коммунистов³⁵.

С 1928 по 1930 г. Николай Лазаревич жил в своем родном городе Льеже, где работал шахтером и сотрудничал с журналом «*La Révolution prolétarienne*». В 1930 г. он нелегально вернулся во Францию. В 1931 г. Пьер Паскаль познакомил его с философом Симоной Вейль. Лазаревич поддерживал с ней контакты до смерти Симоны в 1942 году.

В 1930 г. он узнал об аресте в СССР своего старого товарища, итальянского анархиста Франческо Гецци, бежавшего в Россию из фашистской Италии. Лазаревич вошел в состав Комитета для освобождения Франческо Гецци и участвовал в написании брошюры о судьбе итальянского анархиста, подготовив две главы этой брошюры: «Жизнь русского рабочего» и «Русские тюрьмы и ссылки, что такое Г.П.У.»³⁶ Благодаря кампании солидарности Гецци вышел на свободу, но в 1937 г. вновь был арестован и умер в лагере 3 августа 1942 года. В феврале 1938 г. Лазаревич опубликовал в «*La Révolution prolétarienne*» статью «Гецци сидит в тюрьме в Москве, Бутенко чувствуют в Риме». Русский анархист сопоставил судьбы двух людей: рабочего антифашиста Гецци, которого НКВД отправило в концлагерь, и советского дипломата-невозвращенца Фёдора Бутенко, бежавшего из СССР в фашистскую Италию. По мнению Лазаревича, после того как Сталин окончательно задушил русскую революцию, единственной опорой его режима оставались такие люди как антисемит Бутенко, для которых вполне естественны симпатии к фашизму³⁷.

В июне 1931 г. Лазаревич и Ида Метт отправились в революционную Испанию, где пробыли до ноября того же года. Об испанских событиях Николай Лазаревич написал цикл статей, которые вышли в «*La Révolution prolétarienne*» и «*Le Cri du peuple*». Статьи были подписаны псевдонимом Николая Л. Бывший узник советских тюрем предупреждал своих испанских товарищей об опасности сотрудничества с коммунистами³⁸. В Мадриде Николай Лазаревич как делегат от русских анархо-синдикалистов участвовал в работе IV конгресса МАТ (16—21 июня 1931 г.), а как журналист присутствовал на конгрессе

Национальной конфедерации труда (СНТ). Он передал конгрессу МАТ просьбу бастовавших в Бельгии трех тысяч печатников об оказании им материальной помощи. Конгресс принял решение помочь бастующим и отправить им письмо с призывом присоединиться к МАТ, рассчитывая в борьбе не на финансовую поддержку, а на акции солидарности ³⁹.

В 1932 г. Николай Лазаревич и Ида Митт вернулись в Бельгию, где жили до 1936 года. Там у них родился сын Марк. Лазаревич участвовал в нескольких организованных анархо-синдикалистами забастовках. В 1933 г. он был арестован и приговорен к четырем месяцам заключения за выступление на запрещенном митинге. После вынесения приговора бывший узник ОГПУ написал в письме своим товарищам из журнала «*La Révolution Prolétarienne*»: «Вот теперь я поистине чувствую себя гражданином мира» ⁴⁰.

В это же время Николай Иванович вел кампанию за освобождение Виктора Сержа, протестовал против высылки из Бельгии иностранных анархистов. Европа шла к новой мировой войне. По мнению Лазаревича, она должна была стать такой же империалистической бойней, как и первая мировая. В 1934 г. во время антивоенной демонстрации он вновь был арестован вместе с женой. В «*La Révolution prolétarienne*» была опубликована фотография ареста Лазаревича ⁴¹. Когда Симона Вейль увидела эту фотографию, она написала в личной переписке: «Это фото прекрасно, не правда ли? Такое впечатление, что его схватили специально, чтобы произвести на нас впечатление. Какой классный парень!» ⁴² 10 ноября 1934 г. суд приговорил Николая Лазаревича и Иду Метт к пятнадцати дням ареста и выплате денежного штрафа. Кроме того, два дня спустя Иду Метт без предупреждения уволили с работы ⁴³. Когда в «*La Révolution prolétarienne*» был опубликован призыв провести конференцию против новой империалистической войны, Николай Лазаревич и Ида Метт написали в редакцию письмо в поддержку этой инициативы. «Мы поддерживаем вашу идею возродить Циммервальд, — писали они, — нужны, конечно, нечеловеческие усилия, чтобы противостоять «единому патриотическому фронту», однако будущее, если смотреть на вещи с точки зрения истории, принадлежит интернационализму, в противном случае человек будет уничтожен» ⁴⁴. В 1935 г. Николай Лазаревич основал комитет против войны и был делегирован на конференцию, которая состоялась в Сан-Дени 10—11 августа 1935 года.

20 июня 1936 г. последовал новый арест. Лазаревича приговорили к семи месяцам тюрьмы и штрафу в 2100 франков за призыв к забастовке. Вскоре левые партии в бельгийском парламенте добились амнистии для забастовщиков, но Лазаревич по-прежнему оставался в тюрьме. Лишь благодаря вмешательству брюссельских профсоюзов он также вышел на свободу ⁴⁵.

В 1936 г. Николай Лазаревич нелегально вернулся во Францию и устроился работать корректором в типографию. 3 апреля 1937 г. он вступил в профсоюз корректоров и основал журнал «*Le Réveil syndicalist*». Его статьи в этом журнале обычно выходили под псевдонимом Л. Нуито. Бывший переводчик Коминтерна также помогал подобрать документы, которые его жена Ида Метт опубликовала в книге «Кронштадтская коммуна».

В годы гражданской войны в Испании Лазаревич внимательно следил за развитием испанской революции, писал статьи о контрреволюционной политике сталинистов и об ошибках своих товарищей. Он был одним из тех немногих анархистов, кто осудил испанскую НКТ за сотрудничество с Москвой.

В апреле 1940 г. Лазаревича арестовали за отказ участвовать в войне и отправили в лагерь Верн (Арьеж), откуда вскоре ему удалось бежать при помощи тулузских анархистов. Его жена вместе с сыном оказалась в лагере Рёкро (Лозер). В январе 1942 г. Лазаревич переехал в Гард Фрейн (Garde Freinet), где после отбытия наказания жили его жена и сын. Материальное положение членов семьи было крайне тяжелым, от голода их спасли лишь овощи со своего огорода.

После войны Лазаревич вернулся в Париж, где продолжил работать корректором. В послевоенном Париже он познакомился с писателем Альбером Камю. Лазаревич вошел в созданную французским писателем Группу интернациональных связей. Эта организация была задумана как информационная сеть, способная объединить противников сталинского тоталитаризма и западного капитализма. В бюллетене этой организации Николай Лазаревич опубликовал несколько статей о жизни в СССР, основанных на материалах советской прессы. Сын народовольцев помог Камю в работе над источниками о русских террористах XIX в. и участниках боевой организации партии эсеров для задуманной Камю пьесы «Праведники». По словам французского писателя и журналиста Оливье Тодда, для Камю «Лазаревич олицетворяет собой историю рабочего движения. Безупречно честный человек, праведник, Лазаревич стал братом и новым политическим отцом для Камю. Он отрицает коммунистическую партию, а также и троцкистов, и социал-демократов, СФИО и правые партии»⁴⁶. Камю даже планировал написать роман, в котором прототипом одного из героев был бы Николай Лазаревич: «Роман. Мужские персонажи: Пьер Г.,... Николай Лазаревич» (Записные книжки)⁴⁷.

Вместе с Люсьеном Фёйядом Николай Лазаревич опубликовал в серии «L'Espoir», редактором которой был Камю, подборку текстов «Ты можешь убить этого человека... Сцены из русской революционной жизни». Эта книга должна была стать своего рода ответом на роман «Бесы» Ф.М. Достоевского, которого Лазаревич, в отличие от Камю, не любил, но признавал его гениальность.

На задней обложке книги были приведены слова Альбера Камю, представлявшего коллекцию «L'Espoir»: «Здесь мы найдем работы, посвященные нигилизму или попыткам его преодолеть». «Эта коллекция может одновременно помочь нам увидеть трагедию и понять, что эта трагедия все же не означает безнадежности. Эти испытания необходимы, и от нас зависит, сбудутся ли эти надежды»⁴⁸.

Лазаревич активно участвовал в деятельности Группы интернациональных связей (ГИС). Так, он пригласил на собрание швейцарскую коммунистку Элинор Липпер, ставшую жертвой сталинских чисток 1937—1939 гг., которая позже издала книгу «Одиннадцать лет на советской каторге»⁴⁹. По итогам этой встречи ГИС решила выпустить специальный номер бюллетеня, посвященный концлагерям.

С 1950 по 1958 г. Лазаревич издавал «La Réalité russe» — информационный бюллетень, в котором печатались статьи из официальной советской прессы с комментариями. Бюллетень был призван противодействовать идиллическому изображению советской жизни в просоветских изданиях. Всего вышло шестьдесят номеров. Бюллетень представлял собой около двадцати страниц текста, набранного на пишущей машинке и размноженного на ротаторе. Его создателей интересовал, в первую очередь, вопрос об истинном положении рабочего класса на «родине трудящихся»⁵⁰.

В редакции «La Réalité russe» шла дискуссия о том, как следует интерпретировать появление критических статей в советской прессе. Жан Руноль полагал, что это свидетельствует о силе режима. Николай Лазаревич, напротив, считал, что советское руководство допускает появление подобных статей под давлением растущего недовольства трудящихся масс. В ноябре 1956 г. он вместе с Альбером Камю выступил на собрании в зале Ваграм, посвященном подавлению Венгерского восстания советскими войсками.

По переписке Лазаревича с Альбером Камю видно, что бывший узник советских лагерей многое сделал для пропаганды русской литературы на западе. Например, в письме от 19 марта 1956 г. он просил найти издателя для публикации Пильняка и Бабеля, но «при одном условии — не надо требовать их реабилитации. От убийц не требуют реабилитации жертвы». Стоит отметить, что благодаря Лазаревичу, Камю, в отличие от многих левых интеллектуалов, не испытывал никаких иллюзий насчет хрущевской «оттепели»⁵¹.

В 1960-х гг. Лазаревич посетил занятия в Школе Восточных языков, бывал на занятиях по русской истории и литературе в Сорбонне и принимался за написание диссертации. Его научным руководителем был Пьер Паскаль. Лазаревич преподавал русский язык в доме культуры в Венсене и в центре «Два медведя», который стремился сохранить религиозное и культурное наследие дореволюционной России. Его учениками в этом центре были в основном французские католики византийского обряда, любители русской культуры. Лазаревич помогал студентам-славистам учить русский язык и сам присутствовал на лекциях Пьера Паскаля и других преподавателей. Как внештатный сотрудник он преподавал русский в Институте славянских исследований⁵².

Старый анархист Лазаревич горячо поддержал студенческое восстание в мае 1968 г. и участвовал в многочисленных дебатах в захваченной студентами Сорбонне. В эти дни лидеры студентов Даниэль Кон-бендит и Жак Суваж побывали у него в гостях.

Николай Иванович Лазаревич умер в Париже 24 декабря 1975 года. В наши дни, когда нередко единственным лекарством от пороков современного капитализма считается возвращение к методам сталинского деспотизма, жизнь и идеалы таких людей, как Николай Лазаревич, которые критиковали «реальный социализм» за предательство интересов рабочего класса, безусловно, заслуживают внимания.

Примечания

Автор благодарит профессора Университета Пикардии Е.П. Кушкина за помощь в подготовке материала.

1. ПЕТРОВ В. Иван Похитонов. http://stoicka.ru/Joomla_3.2.0_Full_Package_Russian/index.php/component/content/category/112-ivan-pokhitonov.
2. ФИГНЕР В. Воспоминания. Т. 2. М. 1964, с. 91—100.
3. Цит. по: PASCAL P. Pages d'amitié. Paris. 1987, p. 23—24.
4. Ibid., p. 29—30.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 65а, ед. хр. № 10 640, л. 3.
6. Там же, л. 4.
7. Цит. по: PASCAL P. Op. cit., p. 43.
8. Ibid., p. 43—44.
9. Ibid., p. 44.
10. Ibid., p. 61.
11. Ibid., p. 7.
12. PASCAL P. Mon journal de Russie. Vol. 3. Paris. 1976, p. 121.
13. «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934). Т. 2. М. 2001, с. 308.
14. PASCAL P. Pages d'amitié, p. 29.
15. РГАСПИ, ф. 495, оп. 270, ед. хр. 6147, л. 23.
16. Там же, л. 29.
17. Там же, л. 30.
18. Там же, л. 31об.
19. Там же, л. 10.
20. PASCAL P. Pages d'amitie, p. 76.
21. Ibid., p. 77.
22. Что я пережил в России (Из брошюры Лазаревича). — Дело труда. № 26—27 (июль-август 1927 г.), с. 24.
23. Цит. по: PASCAL P. Pages d'amitié, p. 110
24. Арест товарища Лазаревича. — Голос труженика. № 7—8, (май-июнь 1925 г.), с. 28—29.
25. L'Affaire de Lazarévitch. — La Révolution prolétarienne. № 21 (septembre 1926), p. 7.
26. Une adresse au camarade Rakovsky. — Ibid. № 22 (octobre 1926), p. 25—26.
27. На кого работает ГПУ. — Дело Труда. № 29 (октябрь 1927 г.); Что осталось от рабочего контроля. — Там же. № 35 (апрель 1928 г.); 7-часовой рабочий день? — Там же. № 30—31 (ноябрь-декабрь 1927 г.); Наглядный урок. — Там же, № 37—38 (июнь-июль 1928 г.).
28. BOULOUQUE S. Ida Gilman, dite Mett, médecin et anarchiste (Smorgone, Russie, 20 juillet 1901 — Paris, 27 juin 1973). — Archives Juives. 2001—2002, vol. 34, p. 126—127.
29. Переписка с Ромэном Ролланом. — Дело труда. № 30—31 (ноябрь-декабрь 1927 г.), с. 9—15.
30. JACQUIER CH. Nicolas Lazarévitch et la répression contre les révolutionnaires en URSS. — Gavroch. №161 (janvier-mars 2010), p. 14—21.
31. Ibidem.
32. COEURE S. De «retour d'URSS» ou l'échec d'un témoin. — Communisme. 2000, № 61, p. 82, 87.
33. И.М. Кампания в защиту заключенных революционеров в СССР. — Дело труда. № 33—34 (февраль-март 1928 г.), с. 12.
34. ЛАЗАРЕВИЧ Н. Наша цель. Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. Т. 2. М. 1999, с. 497—500; Освобождение профсоюзов: орган коллектива русских рабочих анархистов и анархо-синдикалистов в Париже. № 1 (ноябрь 1928 г.).
35. PASCAL P. Pages d'amitié, p. 148.
36. Комитет для освобождения Франченско Гецци. — Голос труда. Орган Федерации российский рабочих организаций Ю. Америки. № 300 (1 мая 1930 г.), с. 2.

37. LAZARÉVITCH N. Ghezzi emprisonné à Moscou, Bouetenko honoré à Rome. — *La Révolution prolétarienne*. 25 février 1938, № 265, p. 11.
38. LAZARÉVITCH N. A travers les révolutions espagnoles. Paris. 1972.
39. ДАМБЕ В.В. Забытый Интернационал. Мировое анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. — *Новое литературное обозрение*. 2006, т. 2: Международный анархо-синдикализм в условиях «Великого кризиса» и наступления фашизма: 1930—1939 годы. 2007, с. 232, 253—254.
40. Цит. по: Lazarévitch condamné à 4 mois de prison. — *La Révolution prolétarienne*. 1933, № 156 (25 juillet), p. 7.
41. Ibid. № 183 (25 septembre), p. 19.
42. N. Lazarévitch par B. Souvarine. In: PASCAL P. Pages d'amitié, p. 156.
43. Nouvelle condamnation de Lazarévitch. — *La Révolution prolétarienne*. 1934, № 188 (10 decembre), p. 12.
44. Ibid. 1935, № 202, p. 6.
45. Lazarévitch en prison. — Ibid. № 225/226 (10 juillet), p. 21; Lazarévitch est libre! — Ibid. № 227 (25 juillet), p. 12.
46. Информация Е.П. Кушкина.
47. Цит. по: FAURRE C. Albert Camus, Nicolas Lazarévitch et le populisme russe. — *Le Communisme*. 2000, № 61, p. 116.
48. Tu peux tuer cet homme: Scènes de la vie révolutionnaire russe, textes choisis, traduits et présentés par Lucien Feuillade et Nicolas Lazarévitch. Avertissement de B. Parain Reliure inconnue. Paris. 1950.
49. LIPPER E. Onze ans dans les baignes soviétiques. Nagel. 1950.
50. COUMEL L. La Réalité russe. <http://www.univ-paris1.fr/autres-structures-de-recherche/ipr/les-revues/bulletin/tous-les-bulletins/bulletin-n-08-chantiers-1999/laurent-coumel-realite-russe>.
51. Информация Е.П. Кушкина.
52. Sophie C uré Retour au fascicule «La langue russe et la “carte mentale” de l'Europe au XXe siècle». Réflexions sur l'exemple français. — *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2004, vol. 76, № 1, p. 33 (информация Е.П. Кушкина).

Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны на Юге России

Ю.Г. Ещенко, Е.Е. Красноженова

Аннотация. В настоящей публикации рассматриваются содержание и особенности реализации на Юге России социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны. Обобщен опыт решения социально-бытовых проблем населения, в первую очередь, в области продовольственного снабжения в регионе, организации медицинского обслуживания, охраны детства и борьбы с детской беспризорностью, оказания материально-бытовой помощи. Делается вывод о том, что проводимые в регионе социальные мероприятия позволили ослабить материально-бытовые трудности, способствовали сохранению политической стабильности в тылу и организации эффективной работы по оказанию помощи фронту. В то же время в социальном развитии региона сохранялись значительные трудности, обусловленные ограниченностью финансовых возможностей государства и приоритетным развитием военной промышленности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Юг России, социальные проблемы, продовольственное снабжение, продовольственные карточки, нормы снабжения, санитарно-эпидемические мероприятия, медицинские учреждения, семьи военнослужащих.

Abstract. This work discusses peculiarities of realization of social policy of the Soviet state in the South of Russia during the great Patriotic war. Summarizes the experience of the decision socially-household problems of the population, primarily in the area of food supply in the region, the organization of medical care, child care and homeless children and providing material assistance. The conclusion is that sold in the area of social activities helped to ease logistical difficulties, contributed to the preservation of political stability in the rear and the organization of effective work in providing assistance to the front. However, the limited financial possibilities of the state and the priority development of the military industry have resulted in significant difficulties in social development of the region.

Key words: the Great Patriotic War, South of Russia, social problems, food supply, food stamps, rations, sanitary-epidemic measures, medical, military families.

Ещенко Юлия Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода. Астраханский государственный университет; *Красноженова Елена Евгеньевна* — доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета. E-mail: eleena@inbox.ru.

Eschenko Yuliya G. — PhD (History), senior researcher at the research Center of the Lower Volga region history in the Soviet period. Astrakhan State University; *Krasnozhonova Elena E.* — doctor of historical sciences, professor at the Astrakhan State University. E-mail: eleena@inbox.ru.

Начало Великой Отечественной войны поставило государство перед необходимостью срочно решать проблемы военно-оборонного и экономического характера. В то же время военные условия привели к обострению социальных проблем населения, от решения которых зависело его благополучие и социально-политическая стабильность в обществе. Резко сократились ресурсы потребления и обслуживания граждан, упало производство промышленных товаров широкого потребления.

Немецко-фашистское руководство придавало большое значение захвату территории Юга России с целью овладения кавказскими нефтеносными районами. Проблема снабжения гитлеровцев горючим принимала все более острые формы по мере крушения стратегии «молниеносной войны», а весной 1942 г. стала угрожать Германии катастрофой. После падения Ростова-на-Дону в июле 1942 г. сообщение Кавказа с регионами Европейской части России было возможно только по Каспийскому морю и Волге через Сталинград, предприятия которого выпускали необходимую фронту военную продукцию. В ночь на 12 июля 1942 г. фашистские войска вторглись в пределы Сталинградской области, стремясь захватить этот важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район.

Приближение фронта к территории Юга России способствовало обострению продовольственной проблемы. С началом боев под Сталинградом перестали работать магазины и общественные столовые, предприятия пищевой промышленности и продовольственные склады. Еще 23 августа 1941 г. в городах региона было введено нормированное распределение продовольствия по карточкам¹. В условиях их ограниченности внедрялось нормированное карточное снабжение, которое обеспечивало удовлетворение минимальных потребностей жителей страны в пищевых продуктах.

Продовольственный кризис в регионе был вызван также резким снижением привоза сельскохозяйственных продуктов на городские рынки. К сокращению продовольственных фондов приводили и транспортные проблемы. В 1942 г. произошло существенное снижение подвоза на рынки городов Юга России мясных продуктов, молока, масла и творога. Поэтому не закрепленные за столовыми горожане систематически не получали пищевых продуктов по карточкам. Так, в 1943 г. в Астрахани не были обеспечены продовольствием даже детские карточки². Длительные перебои в снабжении хлебом отмечались в Сталинграде, Астрахани, Саратове, Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Железноводске³.

Сокращение объемов рыночной торговли на Юге России в военный период произошло вследствие падения производственных возможностей колхозов. Увеличение государственных поставок сельскохозяйственной продукции вызвало снижение привоза колхозниками продовольствия на региональные рынки.

Городские комитеты обороны Юга России неоднократно принимали решения о сокращении норм снабжения населения продовольственными продуктами. Так, в сентябре 1942 г. нормы выдачи населению продовольствия были сокращены в Сталинграде⁴. Снабжение по продуктовым карточкам в Орджоникидзе было ограничено в ноябре 1942 года. Карточки на снабжение продовольствием и товарами

повседневного спроса не выдавались не работавшим на предприятиях и в учреждениях трудоспособным совершеннолетним гражданам, за исключением больных, матерей с грудными детьми и учащихся. В то же время хлебные пайки увеличивались для лиц, занятых на оборонительном строительстве. В Ставрополе с 1 марта 1943 г. на снабжение хлебом были приняты инвалиды войны, пенсионеры, инвалиды труда и их иждивенцы, а также семьи начсостава и красноармейцев, в которых имелись нетрудоспособные члены семьи ⁵.

Снижение объемов ввозимого продовольствия и приток в регион эвакуированного населения привели к росту рыночных цен. В среднем цены в 1942—1943 гг. по сравнению с довоенным периодом поднялись в 7—13 раз ⁶. Это приводило к падению качества жизни социально незащищенных и малообеспеченных категорий населения, а также тех горожан, для которых рыночная торговля являлась главным источником снабжения продовольственными товарами.

В регионе предпринимались попытки сдержать рост цен административными мерами. Так, 29 ноября 1941 г. Новочеркасский ГорКО принял решение установить фиксированные цены на продукты, реализуемые на рынках, «исходя из условий осадного положения города и в целях пресечения спекуляции» ⁷.

Большой урон торговле нанесли немецко-фашистские войска ⁸. В период боевых действий под Сталинградом и во время оккупации территории Северного Кавказа торговая сеть и сеть общественного питания были практически разрушены. В Сталинграде из 430 торговых предприятий уцелело только 4, из 85 овощехранилищ и складов осталось лишь 3. Это породило значительные трудности в восстановлении торговой сети региона. Для торговли были приспособлены землянки, подвалы, другие помещения. Восстанавливались и крупные предприятия, такие, как Сталинградский универмаг.

Существенно пострадала торговая сеть Ставрополя, Моздока, Георгиевска, Пятигорска и Минеральных Вод. Из имевшихся до оккупации 200 магазинов Ставрополя разрушениям подверглось свыше 150. Лучшие магазины и столовые были превращены в гаражи и конюшни. Убытки, нанесенные фашистами только Ставропольскому торгу и тресту общественного питания, составили 4800 тыс. рублей. В Невинномысске, Георгиевске, Черкесске, Ставрополе и ряде других населенных пунктов гитлеровцами в период отступления были взорваны крупнейшие хлебопекарни торгующих организаций, разрушены и разграблены их подсобные хозяйства. В Ростове-на-Дону после оккупации сохранилось лишь три пункта общественного питания из 56, работавших в предвоенный период ⁹.

Значительная часть населения Юга России в 1941—1945 гг. испытывала материально-бытовые трудности. Питание горожан в период оккупации было крайне скудным, население городов голодало. Основной пищей было мясо и кожа убитых и павших животных, что приводило к массовым смертным случаям и заболеваниям. Голод вынуждал жителей рисковать жизнью в поисках пищи. В 1942 г. у сталинградцев возникли серьезные проблемы с обеспеченностью водой. При бомбардировке был разрушен городской водопровод. Приходилось носить воду из колодцев, оврагов, из Волги.

Трудности ощущались и при снабжении жителей сельских районов. Во многих населенных пунктах Юга РСФСР наблюдались перебои с доставкой продовольствия. Задержка с подвозом хлеба в некоторые сельские районы Астраханской области в 1942—1943 гг. составляли 2—3 недели. Так, учителя Камызякского и Икрянинского районов Астраханского округа около 50 дней не получали хлеб. С апреля по июнь 1943 г. в системе магазинов Торга Астрахани из-за недостатка продовольственных продуктов не отоваривались карточки инвалидов войны ¹⁰.

При этом необходимо отметить, что значительная доля сельчан была вообще лишена централизованного государственного снабжения продовольствием ¹¹. В их числе — колхозники, которые получали пищевые продукты за счет трудодней и со своих приусадебных участков. Выдача колхозникам продовольствия за трудодни в военный период была сокращена почти в два раза. Уже в 1942 г. саратовские колхозники получили вчетверо меньше зерна по сравнению с довоенным 1940 годом. В 1941 г. в большинстве колхозов области хлеб по трудодням практически не распределялся ¹².

Около 370 тыс. колхозников Ставропольского края остро нуждались в продовольственной помощи. В их числе — 185 тыс. детей в возрасте до 13 лет ¹³. Исключительно тяжелое положение с хлебом и овощами сложилось в колхозах Петровского района. К 1943 г. в районе было учтено около 2 тыс. остро нуждающихся семей, большинство которых являлись семьями фронтовиков или многодетными ¹⁴.

Таким образом, продовольственные трудности испытывала значительная часть жителей Юга России, обеспечиваемая продуктами питания по низким нормам. Некоторые категории горожан зачастую не получали продовольствие даже по минимальным нормам снабжения. В таком положении оказались эвакуированные в регион граждане. Так, Сталинградская область уже к ноябрю 1941 г. приняла около 200 тыс. чел. эвакуированного гражданского населения. Эвакуированные были размещены в Астрахани, Сталинграде, Камышино и в ряде сельских населенных пунктов. В самом же Сталинграде к лету 1942 г. проживало свыше 450 тыс. чел., включая 41 500 эвакуированных. К концу 1942 г. население города составляло уже 800 тыс. человек ¹⁵. Несмотря на социальную помощь, оказываемую эвакуированным на Юг России гражданам, их материально-бытовое положение оставалось крайне тяжелым ¹⁶.

Для снабжения горожан, предприятий и учреждений создавались продовольственные фонды из местных ресурсов. Они пополнялись и продукцией подсобных хозяйств, коллективных и индивидуальных огородов. Это способствовало снижению остроты продовольственной проблемы в регионе.

Сталинградским, Астраханским, Саратовским, Орджоникидзевским, Грозненским и другими комитетами обороны Юга России принимались решения об увеличении объемов децентрализованных заготовок, что приводило к дальнейшей трансформации структуры питания городского населения. Вырос удельный вес рыбных продуктов, овощных консервов, сухофруктов и полуфабрикатов ¹⁷.

В производстве продовольственных товаров существенную роль играли предприятия местной пищевой промышленности и потре-

бительской кооперации. В начале Великой Отечественной войны, когда территория Юга России была преимущественно тыловым регионом, значительную долю продовольствия производили промышленные предприятия, работавшие еще до войны. Однако чрезвычайные военные условия вели к значительному росту производственных нагрузок. Кроме того, работа предприятий местной промышленности затруднялась недостатком транспортных средств, горючего, инвентаря.

Проблемы восстановления работы промышленных предприятий, учреждений торговли и общественного питания на Юге России стали особенно актуальны после освобождения территории региона от немецко-фашистской оккупации. Конкретные меры в области их решения содержали документы центральных и местных органов государственной власти. Таковым явилось постановление ГКО «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Сталинграда и Сталинградской области, разрушенных немецкими оккупантами» от 4 апреля 1943 года. Его реализация позволила увеличить объемы обеспечения горожан продовольственными товарами. Рост производства связывался с восстановлением работы городского хлебозавода, зернохранилищ, колбасного, макаронного цехов, бисквитного цеха при кондитерской фабрике для производства мучных изделий и мягких конфет мощностью 5 т в сутки, городского молочного завода и мясокомбината¹⁸. Дополнительные пункты питания в Сталинграде создавались по приказам городского комитета обороны. Так, 31 августа 1943 г. было принято решение об открытии 7 столовых и 40 полевых хлебопекарен¹⁹.

В Ставропольском крае уже к марту 1943 г. были созданы 13 торгов, восстановлены райпотребсоюзы и заготовительные пункты потребсистемы. Торгующим организациям оказывалась помощь транспортом, принимались меры к восстановлению и повышению производственной мощности мельниц, хлебозаводов и пекарен. Открывались магазины по торговле хлебом. В Ставрополе было открыто 22 подобных магазина, в Кисловодске — 6, в Минеральных Водах — 8. Принимались меры по разворачиванию товарооборота за счет использования местных производственных ресурсов, закупки товаров за пределами региона и налаживания производства предметов широкого потребления. Особое внимание обращалось на развитие колхозной торговли. Рыночные цены в 1944—1945 гг. в связи с притоком продукции колхозов были значительно снижены²⁰.

Несмотря на достигнутые успехи, в организации продовольственного снабжения Юга России имелись недостатки и злоупотребления. В большинстве магазинов не было преискурантов на товары и ярлыков с ценами, отсутствовали контрольные весы, отмечались массовые факты обвеса потребителей. Санитарное состояние магазинов было крайне неудовлетворительным.

В ходе проверки, проведенной в апреле 1942 г., в астраханской торговой сети было выявлено 117 нарушений, в их числе — 2 случая завышения цен, 1 случай подмены сортности товара, 36 случаев обмера и обвеса покупателей, 30 случаев нарушения правил санитарии. В 1943 г. в астраханской торговой сети было обнаружено свыше 800 эпизодов мелких недостатков на сумму около 20 тыс. руб. и 24 случая крупных недостатков на сумму 41 тыс. рублей. Учетно-контрольные бюро

систематически проводили ревизии работы торговой сети региона. В 1943 г. ревизии позволили выявить в Нижнем Поволжье факты незаконной выдачи продовольствия, в первую очередь мясо-молочной и рыбной продукции, крупы, сахара, хлеба ²¹.

В Ставропольском крае отмечались случаи незаконной выдачи продовольственных карточек трудоспособным иждивенцам, незаконного оставления карточек у уволенных лиц, двойного снабжения одних и тех же граждан постоянными и одновременно рейсовыми карточками и ряд других фактов. Так, проверкой было установлено, что в Ставропольском горторге в мае 1943 г. выдавались карточки на трудоспособных иждивенцев, не были отобраны карточки у трех уволенных, без подтверждения соответствующими справками домоуправлений об отсутствии родителей были выданы 4 детские карточки, допущен факт двойного пользования одним и тем же лицом своей основной и рейсовой карточками и ряд других случаев. Аналогичные факты были установлены и на других предприятиях и в учреждениях Ставропольского края: в тресте «Главмука», в институте ВНИИОК, в конторах горводопровода, горстройтреста, в горконторе связи, конторе «Заготзерно», в артелях им. Микояна и им. Кирова, в крайкоме ВЛКСМ, на пивзаводе ²².

Проверкой Ставропольского городского торгового отдела, проведенной в июне 1943 г., были вскрыты факты незаконного получения хлеба, подлежащего отпуску учащимся школ к завтракам. Так, в средней школе № 3 г. Ставрополя допустили перерасход хлеба на 300,25 кг. Аналогичные факты незаконной выдачи хлеба лицам, не имевшим права на его получение без карточек, были отмечены и в других Ставропольских школах ²³.

Чрезвычайные военные условия, повседневные материально-бытовые трудности, проблемы с продовольственным снабжением приводили к росту заболеваемости среди гражданского населения. При этом сеть медицинских учреждений Юга России оказалась неспособной полностью обеспечить медицинское обслуживание жителей региона. Работа учреждений здравоохранения затруднялась дефицитом медикаментов, лечебного оборудования, топлива, изношенностью и недостатком автотранспорта. В ряде сельских районов медицинское оборудование вообще отсутствовало, и потому медицинская помощь сельчанам практически не оказывалась ²⁴.

Ухудшение питания и снижение его калорийности, крайне неблагоприятные бытовые условия проживания приводили к распространению эпидемий и инфекционных заболеваний. Наблюдались вспышки сыпного и брюшного тифа, кори, малярии, холеры. В ряде районов Юга России отсутствовали бани. Уровень заболеваемости сыпным тифом в Сталинграде возрос зимой 1941 года. В декабре в городе было отмечено 59 случаев заболеваемости, а к началу 1942 г. было зафиксировано уже 111 эпизодов, которые имели место, главным образом, на эвакуационных пунктах ²⁵. В Астраханском округе заболеваемость брюшным тифом возросла со 140 случаев в 1940 г. до 390 в 1941 г., сыпным тифом — с 33 в 1940 г. до 415 в 1942 г., дизентерией — с 876 в 1940 г. до 1 174 в 1942 году ²⁶.

Значительному разрушению система учреждений здравоохранения подверглась в период оккупации территории Юга России немец-

ко-фашистскими войсками. В первую очередь, пострадали санитарно-эпидемиологические станции, районные и сельские лечебные пункты, научные и научно-практические медицинские учреждения. К 23—24 августа 1942 г., когда Сталинград подвергся ожесточенной бомбардировке немецко-фашистской авиацией, в городе находилось семь госпиталей, в которых насчитывалось 4472 раненых. Госпитали сильно пострадали, имелись жертвы среди медперсонала и раненых, в ходе боев были разрушены больницы, фельдшерские пункты, роддома, детские сады и ясли. Ущерб, нанесенный учреждениям здравоохранения Сталинграда, составил 58 350 200 тыс. рублей ²⁷.

В Ставропольском крае были ликвидированы все межрайонные и районные санитарно-эпидемиологические станции, закрыт Ставропольский медицинский институт, ликвидирована краевая бруцеллезная станция и санитарно-бактериологические лаборатории. Значительно сократилась сеть врачебных и врачебно-больничных участков. Почти все медицинское оборудование, инструментарий и медикаменты были расхищены оккупантами.

В результате немецко-фашистской оккупации огромный ущерб был нанесен курортам Северного Кавказа. Его общая сумма составила 454 млн рублей. Разрушенное и разграбленное хозяйство курортов резко снижало их лечебные возможности и пропускную способность. Восстановление зданий санаториев происходило крайне медленно. Так, Кисловодским курортным управлением из выделенных 1335 тыс. руб. было освоено только 669 тыс., или 50,1%, Пятигорским курортным управлением из 835 тыс. руб. использовано лишь 396 тыс., или 47,3%. План ремонта грязелечебницы в г. Ессентуки был выполнен только на 17,6% ²⁸.

Последствием оккупации стало антисанитарное состояние всех населенных пунктов, особенно городов, что привело к очередному росту заболеваемости среди населения, появлению вспышек эпидемических заболеваний в ряде районов Юга России. Так, вспышка туляремии была зафиксирована в Благодарненском, Петровском, Александровском, Туркменском и других районах Ставропольского края. В ноябре 1944 г. в крае было зарегистрировано 220 случаев заболеваний сыпным тифом. Вспышки желудочно-кишечных болезней наблюдались в Сталинграде, Саратове, Астрахани, Махачкале, Дербенте, Кизляре и других городах ²⁹.

Изоляции многих очагов острых желудочно-кишечных заболеваний способствовали проводимые в регионе медико-санитарные мероприятия. Значительное внимание уделялось организации санитарной обработки населения. Восстанавливались бани и строились простейшие дезинфекционные камеры. Однако они работали с перебоями, испытывали недостаток топлива. Все граждане подлежали обязательной вакцинации. От брюшного тифа прививались жители в возрасте от 12 до 50 лет.

Значительное внимание на территории Юга России стало уделяться оздоровительным мероприятиям в конце войны. В 1944 г. для их организации были проведены медицинские осмотры рабочих-подростков. Больные туберкулезом и малярией подлежали обязательному диспансерному наблюдению ³⁰.

В целях предотвращения эпидемий в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе расширялась численность медицинских учрежде-

ний. Уже к 1943 г. больничная сеть Саратовской области достигла довоенного уровня. В последующие годы здесь работало свыше 400 врачебно-амбулаторных пунктов, около 495 стационарных фельдшерских станций, 237 детских яслей³¹.

В Ставрополе начал работу институт эпидемиологии и микробиологии, продукцией которого снабжались части Красной армии и районные лечебно-профилактические учреждения. В Пятигорске и Кисловодске, учитывая острый недостаток медикаментов, были открыты производственные лаборатории по их выработке. Кроме того, во всех районах восстанавливались лечебно-профилактические учреждения, больницы, поликлиники, амбулатории, санитарно-эпидемиологические станции, врачебные участки. В 1944 г. в Саратове открылась больница для обслуживания инвалидов войны, было завершено строительство водолечебницы «Саратовские серные воды», стали функционировать физиотерапевтический, глазной и стоматологический центры³². Необходимо отметить, что лечебная сеть региона испытывала острую нужду в медикаментах, инвентаре, горючем, транспорте, хлопчатобумажных изделиях и постельных принадлежностях.

Восстановление системы здравоохранения требовало решения кадровых проблем. В Ставрополе и в Кисловодске была восстановлена работа медицинских институтов, в Пятигорске организована медицинская школа. Ускоренные курсы подготовки среднего медицинского персонала действовали в Ростовской области, в Нальчике открылась фельдшерско-акушерская школа³³. В Саратове было развернуто производство бактериологических препаратов. Их изготавливали на предприятиях местной промышленности, в первую очередь, в институте «Микроб», Саратовской и Энгельсской санитарно-бактериологических лабораториях, тресте мясо-молочных совхозов и других³⁴. Недостаток медицинских препаратов во многом компенсировался использованием лекарственных растений. К их сбору привлекались школьники, общественные организации и население.

Значительное внимание в регионе уделялось работе по оказанию социальной помощи населению, в первую очередь, семьям военнослужащих, инвалидам войны, детям.

Так, в Ставропольском крае в первом полугодии 1943 г. была оказана социальная помощь 5877 семьям фронтовиков, для обеспечения которых выделялось 16 4745 кг продовольствия. Кроме того, 2285 чел. было прикреплено к столовым, 4443 семьи обеспечивались обувью и одеждой, 1355 семьям были отремонтированы квартиры, 43 886 семей освобождалось от налогов, 1437 семей — от обязательных поставок, 9030 чел. было устроено на работу и 1069 — на учебу. В Черкесской области для социальной поддержки семей военнослужащих было выделено 81 781 руб., 41 709 кг зерна, 1512 кг картофеля, 69 400 кг подсолнечника, 40 коров, 206 овец, засеяно 246 га различных культур. В Пятигорске в фонд помощи семьям фронтовиков поступило 140 тыс. руб., было организовано 6 точек по ремонту обуви, 363 семьям предоставлены квартиры, выделены земельные участки для организации огородов, трудоустроено 783 человека³⁵.

Однако в отдельных районах Юга России работе по оказанию помощи семьям военнослужащих уделялось недостаточное внимание. Отмечались случаи задержки выплаты пособий, незаконного выселе-

ния из квартир, несвоевременного рассмотрения поступающих от семей фронтовиков в адрес местных органов власти жалоб и заявлений.

Решения партийно-государственных органов власти региона устанавливали порядок оказания социальной помощи детям. Школьники снабжались горячими завтраками, которые отпускались в школьных буфетах. Кроме того, ежедневно им выделялось 50 г хлеба и 10 г сахара. Так, например, в 1942—1943 учебном году горячие завтраки практиковались в 26 школах одного из районов Астраханского округа ³⁶. Значительное внимание уделялось продовольственному снабжению детских оздоровительных учреждений. Пионерским лагерям ежегодно выделялись дополнительные продовольственные фонды. В 1943 г. они состояли из 1350 т крупы, 1270 т мяса, 470 т сыра, 800 т животного масла ³⁷. Для ослабленных детей, нуждающихся в диетическом питании, открывались магазины и столовые.

Военные условия привели к распространению детской беспризорности и безнадзорности. Ее росту способствовало тяжелое материально-бытовое положение и недостаточное продовольственное снабжение населения, простои в работе детских образовательных учреждений, недостаточное культурно-просветительское обслуживание подростков, эвакуация. Значительное число детей, в 1941—1945 гг. лишившись родителей и став сиротами, пополняли ряды беспризорников ³⁸.

Государственная политика, направленная на оказание социальной помощи детям, на региональном уровне предусматривала реализацию ряда мероприятий в области определения беспризорных в специализированные детские учреждения, снабжения их продовольственными товарами и предметами первой необходимости, оказание им медицинской помощи, организацию их санаторного отдыха. Существенную роль для преодоления подростковой беспризорности и безнадзорности играла работа по обеспечению полного охвата детей школьного возраста учебой. Ее проведение в 1942—1943 гг. осложнялось близостью фронта. Так, 773 учащихся 1—4 классов Сталинградской области не посещали школу. Значительное внимание уделялось организации работы учреждений для детей-сирот. В Астрахани к началу 1945 г. имелось 13 детских домов, в которых воспитывалось 1866 человек. Свыше 2000 детей-сирот было определено в детские дома в Сталинграде ³⁹. Около 78 учреждений для детей, оставшихся без родителей, было открыто в Черкесской области.

В регионе увеличивалось число беспризорных детей, определяемых в семьи. Так, в 1943 г. 132 ребенка было усыновлено в Сталинграде ⁴⁰. Свыше 70 детей в 1943—1944 гг. было передано на патронат в Астраханской области, 41 ребенок был усыновлен, над 148 детьми учреждалась опека ⁴¹. Необходимо отметить, что проводимая на Юге России политика в области охраны детства позволила достаточно эффективно решить проблему беспризорности и безнадзорности.

Государственная политика, реализуемая на территории Юга России в отношении семей фронтовиков, инвалидов, детей, рабочих промышленных предприятий, стала основой для удовлетворения их минимальных потребностей в продовольственных товарах, предметах первой необходимости, жилищно-коммунальном, медицинском и культурно-бытовом обслуживании. Чрезвычайные военные условия преопределили и основные направления социальной политики, реа-

лизуемой в регионе. В их числе — защита населения, его продовольственное снабжение и материально-бытовое обеспечение, организация медицинской помощи, охрана материнства и детства, восстановление предприятий местной промышленности, учреждений торговли и общественного питания. Несмотря на значительные трудности, реализуемый на Юге России в 1941—1945 гг. комплекс государственных мероприятий позволил избежать социального взрыва в регионе. Однако сокращение финансовых ресурсов, поступающих в социальную сферу, не позволяло обеспечить полное решение материально-бытовых проблем, что неизбежно вело к ухудшению условий жизни в регионе.

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 2, д. 391, л. 34.
2. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО), ф. 6, оп. 1, д. 1184, л. 15.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО), ф. 171, оп. 1, д. 12, л. 2—8.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГА ВО), ф. Р-2115, оп. 3, д. 19, л. 334; д. 18, л. 344—346.
5. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 505, л. 354.
6. ЧЕРНЯВСКИЙ У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941—1945 гг.). М. 1964, с. 89.
7. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 499, л. 2.
8. КУЛИК С.В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам. — Военно-исторический журнал. 2007, № 1, с. 28—31.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 13, оп. 4, д. 20, л. 67.
10. Государственный архив Астраханской области (ГА АО), ф. Р-6, оп. 2, д. 286, л. 51.
11. ЛЮБИМОВ А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М. 1968, с. 96.
12. ДАНИЛОВ В.Н. Доходы и потребление населения Саратовской области в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) — Известия Саратовского университета. 2015, т. 15, № 1, с. 98—106.
13. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), ф. 1, оп. 2, д. 404, л. 8—10.
14. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК), ф. Р-2356, оп. 1, д. 2, л. 12.
15. ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 12, д. 67, л. 7—12.
16. ГА АО, ф. Р-1095, оп. 1, д. 567, л. 2, 6.
17. ВИНОГРАДОВ С.В. Значение рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в период Великой Отечественной войны. — Современная научная мысль. 2013, № 5, с. 51—61.
18. РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 100, л. 125—139.
19. ЦДНИ ВО, ф. 171, оп. 1, д. 147, л. 36.
20. ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 404, л. 8—10.
21. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 878, л. 12—15.
22. ГА СК, ф. Р-2356, оп. 1, д. 4, л. 6—7.
23. ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 827, л. 26.
24. БАРАН Н.А. Медицинское обслуживание сельского населения в военное время. — Советское здравоохранение. 1943, № 3, с. 10—15.
25. ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 12, д. 67, л. 7—12.
26. ГА АО, ф. Р-1689, оп. 1, д. 30, л. 205—208.

27. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: документы. Волгоград. 2008, с. 26.
28. ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 824, л. 33—39.
29. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 490, л. 212.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-8009, оп. 1, д. 509, л. 172—175.
31. Государственный архив Саратовской области (ГА СО), ф. Р-1738, оп. 2, д. 935, л. 8; д. 1651, л. 17; ф. Р-2052, оп. 13, д. 4, л. 42; ф. Р-3070, оп. 1, д. 71, л. 202—204.
32. Там же, ф. Р-2650, оп. 2, д. 9, л. 69.
33. РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 395, л. 155.
34. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИ СО), ф. 594, оп. 1, д. 447, л. 250—251.
35. ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 404, л. 118—125.
36. ГА СО, ф. Р-1738, оп. 2, д. 1425, л. 51.
37. ГА АО, ф. Р-2233, оп. 17, д. 4, л. 20—22.
38. ЗАГВОЗДКИН Г.Г. Цена победы: социальная политика военных лет. Киров. 1990, с. 93.
39. ГА АО, ф. Р-2150, оп. 1, д. 162, л. 1.
40. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 339, л. 62—75.
41. ГАСД АО, ф. 9, оп. 1, д. 647, л. 17.

Экономическое положение крестьян в России в конце XIX — начале XX в.

В.В. Волков

Аннотация. В публикации рассматриваются такие ключевые факторы крестьянской экономики России конца XIX — начала XX в., как обеспечение крестьянского хозяйства землей, рабочим скотом, доступность покупки и продажи земли, его общая доходность. Делается вывод о том, что низкий уровень развития хозяйств препятствовал становлению эффективного сельского хозяйства и, одновременно с этим, привел к возникновению депрессивной модели экономических отношений в русской деревне.

Ключевые слова: крестьяне, цена, аренда, малоземелье, доход, отход, лошади, скот, надел.

Abstract. The work considers the key factors of the peasant economy of Russia in the late XIX — early XX century, such as provision of the peasant economy with land and working cattle, availability of buying and selling land, the overall profitability of the economy. The conclusion is that their low level of development prevented the establishment of efficient agriculture and, at the same time, led to the emergence of depressive model of economic relations in the Russian village.

Key words: peasants, price, rent, lack of land, income, seasonal departures from the land, horses, cattle, land holding.

Важнейшим направлением модернизации в экономической сфере России конца XIX — начала XX в. являлся процесс становления буржуазных отношений в деревне, протекавший чрезвычайно сложно и противоречиво. Его генезис был тесно переплетен с крепостническими пережитками, развитием кабальных отношений, крайней отсталостью и даже деградацией многих компонентов аграрных производительных сил.

Тема кризиса аграрного строя России конца XIX — начала XX в. достаточно полно освещалась как в дореволюционной ¹, так и в со-

Волков Вячеслав Викторович — кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва. Санкт-Петербург. E-mail: agnee@yandex.ru.

Volkov Vyacheslav V. — PhD (Philosophy), associate professor, senior lecturer at the Military-Transport Institute (Railroad Troops) of Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev. St. Petersburg. E-mail: agnee@yandex.ru.

ветской исторической литературе, и общий вывод о проблемном характере аграрной модернизации не подвергался сомнению. Споры велись лишь о стадийном характере ее результатов. Таким образом, к концу советского периода историки-аграрники пришли к трем точкам зрения: о победе аграрного капитализма (в «американском» или «прусском» вариантах), отягощенного крепостническими пережитками (И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, Б.М. Литваков); о полукрепостническом внутреннем содержании крестьянских и помещичьих хозяйств и их капиталистической форме (А.М. Анфимов, М.Я. Гефтер); о капиталистической сущности и феодальной оболочке полукрепостнического, кабального хозяйствования помещиков и кулаков (П.Г. Рындзюнский) ². И в целом общая позиция историков об отсталости сельского хозяйства России совпадала с выводами теории «стадий экономической отсталости» А. Гершенкрона ³.

С середины 1970-х гг. главным оппонентом концепции Гершенкрона стал американский экономист П. Грегори, который выступил с опровержением положения о статичности аграрного сектора экономики России ⁴. Одними из первых о необходимости смягчения представления об экономической составляющей аграрного кризиса заявили и английские историки-экономисты Р. Голдсмит и О. Крисп ⁵. Однако полноценную дискуссию открыла появившаяся в 1977 г. статья Дж. Симмса ⁶. В ходе нее австралийский историк С. Уиткрофт предложил разделить расплывчатое понятие «аграрного кризиса» на три составляющих: сельскохозяйственный экономический кризис, вызванный упадком сельскохозяйственного производства; кризис в уровне жизни крестьян; общественно-политический аграрный кризис ⁷. Уиткрофт вместе с Грегори доказывал также, что средние данные о производстве зерна показывают его опережение по сравнению с ростом народонаселения ⁸. Сам же Симмс поставил под сомнение верность выбора задолженностей по выкупным платежам в качестве показателя роста обнищания крестьян ⁹. По мнению С. Пледженборга, перемещение основной налоговой нагрузки с крестьянства на городское население, на торгово-промышленный сектор привело к тому, что именно они, а не крестьянство оплачивали индустриализацию России ¹⁰.

С. Хок не видел кризисного характера в объеме выкупных платежей, так как они были меньше дореформенного оброка. Он также считал, что рост сельского населения не только не обременял социально-экономического развития России, но, напротив, способствовал ее прогрессу: в это время снизилась смертность от инфекционных заболеваний и существенно улучшилось питание ¹¹. Р. Смит и Д. Кристиан также пришли к выводу, что рацион русских крестьян был неплохо сбалансирован, но не отличался надежностью из-за неожиданных нехваток продуктов, сезонных и социально-классовых колебаний уровня потребления ¹².

Возникшее в лоне западной науки новое исследовательское направление, заключающееся в доказательстве преобладания прогрессивных тенденций аграрного развития России, было подхвачено в постсоветское время такими отечественными историками как Б.Н. Миронов, М.А. Давыдов, М.Д. Карпачёв ¹³.

К числу наиболее ярких исследований жизни российского крестьянства относятся работы английского исследователя Т. Шанина и

отечественного историка А.В. Островского¹⁴. Несмотря на то, что многие специалисты склонны отрицать наличие кризисных явлений в сельском хозяйстве России, остается много открытых вопросов и контрдоводов оппонентов.

В связи с этим представляется крайне актуальным показать истинное положение крестьянской экономики. Обширность темы обязывает сконцентрироваться только на ключевых ее факторах: обеспечении крестьянского хозяйства землей, рабочим скотом, доступностью покупки и аренды земли и общей доходности хозяйства.

Основным фактором крестьянской экономики России рассматриваемого периода большинство отечественных исследователей той эпохи, в первую очередь, считало крестьянское¹⁵, понимаемое, однако, не только как недостаток земли вообще, но также как недостаток земли, пригодной к ведению сельского хозяйства (качество почвы)¹⁶. Вот как это выражалось в цифровых показателях.

По данным «Комиссии Центра», с 1870 г. по 1900 г. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России увеличилась на 20,5%, земледельческое население — на 56,9%, а количество скота — всего на 9,5%¹⁷. В результате, исследование той же комиссии показало, что за 40 лет площадь надельной земли по сравнению с численностью населения уменьшилась весьма существенно. Если в 1860 г. количество десятин надельной земли на 1000 душ обоего пола составляло в среднем по 50 губерниям 2308, то в 1900 г. — уже 1298, то есть уменьшение произошло на 43,7%. Картина выглядит еще более катастрофичной при рассмотрении этого уменьшения по регионам: Северный район — 37,1%, Северо-Восточный — 38,4, Восточный — 48,2, Юго-Восточный — 59,1, Средне-Приволжский — 38,2, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) — 42,7, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) — 40,5, Средне-Промышленный — 33,8, Прибалтийский — 32,7, Северо-Западный — 53,3, Юго-Западный — 50,5, Малороссийский — 42,5, Новороссийский — 58,8%¹⁸.

При этом площадь посева на 1000 душ обоего пола сократилась в среднем по 50 губерниям на 33,7%. По регионам: Северный район — 29,5%, Северо-Восточный — 19,8, Восточный — 40,8, Юго-Восточный — 21,0, Средне-Приволжский — 34,9, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) — 46,4, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) — 43,7, Средне-Промышленный — 34,9, Прибалтийский — 0, Северо-Западный — 29,1, Юго-Западный — 29,9, Малороссийский — 42,3, Новороссийский — 26,7%¹⁹. Возникший дефицит земли сразу же сказался и на других душевых показателях.

Несмотря на увеличение сборов зерна с десятины и возможное повышение урожайности (что было поставлено «Комиссией центра» под сомнение) сбор всех хлебов на 1000 душ обоего пола с надельных земель по 50 губерниям уменьшился на 12,1%. По регионам: Северный район — 6,9%, Северо-Восточный — +23,4, Восточный — 28,2, Юго-Восточный — +8,2, Средне-Приволжский — 22,8, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) — 31,0, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) — 37,7, Средне-Промышленный — 16,4, Прибалтийский — +4,6, Северо-Западный — 2,8, Юго-Западный — +5,1, Малороссийский — 9,8, Новороссийский — +37,0%. В целом, сбор всех хлебов и картофеля (при увеличении сбора картофе-

ля на 133,9%) на 1000 душ обоего пола с надельных земель по 50 губерниям уменьшился на 5,6% ²⁰, что свидетельствует об ухудшении качества питания крестьян в рассмотренный период.

По данным «Комиссии центра», размеры крестьянских наделов в большинстве регионов Европейской России не соответствовали потребностям сельского населения. При сопоставлении среднего количества собираемых продовольственных полевых продуктов за исключением семян (1 521 505 тыс. пудов) с числом сельского населения в 1900 г. (91 400 тыс. душ обоего пола) при учете годовой нормы продуктов в 20 пудов получается, что количество продуктов на душу обоего пола составляла только 16,6 пудов, то есть на 17,0% меньше указанной нормы. По регионам уменьшение было следующим: Северный район — 51,5%, Северо-Восточный — 20,5, Средне-Приволжский — 21,0, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) — 11,5, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) — 40,0, Средне-Промышленный — 46,0, Прибалтийский — 22,5, Северо-Западный — 38,0, Юго-Западный — 31,5, Малороссийский — 32,5%. Только в трех районах отмечалось превышение нормы: Новороссийском — 89,0%, Восточном — на 26,5%, Юго-Восточном — на 22,5% ²¹.

Средняя площадь надела в расчете на душу взрослого мужского населения деревни уменьшилась с 4,8 десятины в 1860-е гг. до 3,5 десятины в 1880-е гг. и до 2,6 десятины в 1900-е годы ²². Во многих местах ситуация была гораздо драматичнее. Например, в Темниковском уезде Тамбовской губернии после выкупа на одну ревизскую душу приходилось 3,3 дес. земли, то в 1901 г. — уже 1,09 десятин. Количество лошадей в расчете на один крестьянский двор уменьшилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900—1905 годах ²³. В Ветлужском уезде Костромской губернии в 1901 г. на одну десятину пара приходилось только 2,27 голов скота (в переводе на крупный). Следовательно, она получила чуть более 820 пудов навоза (при норме в 2400 пудов), а в лесных волостях еще меньше из-за потерь при работах в лесу ²⁴.

Обеспеченность населения Европейской России лошадьми с 1896—1900 гг. по 1911—1914 гг. упала с 20,2 единиц на 100 чел. до 17,6, крупным рогатым скотом — с 32,1 до 25,0, овцами — с 48,8 до 32,3, свиньями — с 12,6 до 10,5 единиц на 100 человек ²⁵. Эту тенденцию можно показать и на местных примерах. Так, в Клинском уезде Московской губернии процент безлошадных дворов в 1896 г. был равен 26,2%, в 1901 г. — уже 32,9%. Хозяйства, не имевшие коров, в 1896 г. составляли 19%, а в 1901 г. — 27,2% ²⁶.

При этом надо учитывать, что физические качества рабочего скота не улучшались, а постоянно ухудшались. В 1912 г. большинство полномерных лошадей являлись негодными для использования их с полной нагрузкой. Причем за четверть века их состояние ухудшилось почти в полтора раза. В 1897 г. около 40% армейских лошадей находились на излечении. Низкорослость и слабость русских лошадей приводила к тому, что в России на 100 десятин посева требовалось больше лошадей, чем в Западной Европе ²⁷.

Положение мог спасти лишь переход к травопольной системе, но распашка пастбищ и стагнация поголовья скота на единицу пашни окончательно сделали его неосуществимым. В России весь XIX в. под давлением возраставшей плотности населения ²⁸ происходило наступ-

ление пашни на пастбище: в 1866 г. площадь пашни Европейской России составила 88,8 млн дес., а в 1901 г. — уже 120,3 млн дес., то есть площадь пашни возросла на 35,5%²⁹. В результате соотношение кормовой и посевной площадей не соответствовало норме. Например, в Нижегородском уезде в начале XX в. луга составляли лишь 20% всей пашни³⁰. Данный процесс прогрессировал даже в южных губерниях. Так, в Оренбургской губернии в 1887—1891 гг. в среднем засевалось в год 971 652 дес., в 1892—1896 гг. — 1 021 260, в 1897—1901 гг. — 1 383 298 десятин³¹.

В рамках полноценной системы для удобрения 1 дес. пашни требовалось около 2400 пудов навоза или 6—7 голов крупного рогатого скота (или 4—5 лошадей), тогда как в большей части Европейской России на одну десятину пашни в 1866 г приходилось 1,75 головы всего скота (с пересчетом мелкого скота на крупный), а в 1912 г. — 1,78 головы³². Сделанный Островским расчет показал, что к концу 1880-х гг. потребность животноводства в пастбищах достигла 70 млн десятин, а со всеми поправками на недоучет скота — 81 млн десятин. Однако площадь выгонов для 46 губерний составляла всего 33,2 млн десятин. В итоге дефицит при потребности в 70 млн дес. составлял 36,8 млн дес., а при потребности в 81 млн дес. — 47,8 млн десятин³³. Поэтому в Европейской России почти повсеместно 1,5 дес. луга должна была кормить 2 головы скота, а не одну, и соответственно использование всего имеющегося навоза могло дать на десятину пара менее 40% положенной 2400-пудовой нормы³⁴. Например, в Нижегородском уезде, по докладу уездной управы, «около трети надельной пашни совершенно не удобряется, а удобряемая часть навозится очень слабо, именно — ежегодно менее половины парового поля при увале в 70 возов на десятину. На одно и то же поле удобрение попадает не ранее, чем через 6 лет. Земли арендуемые в большинстве случаев не удобряются вовсе»³⁵. В Клинском уезде Московской губернии по докладу местного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности удобряемость полей составляла 40%³⁶.

В результате во многом по этой причине урожайность зерновых в России была в 3—4 раза ниже, чем в Канаде и США, в 2 раза ниже, чем в Германии, Дании, Голландии и Англии³⁷. Последствием этих обстоятельств стала стагнация зернового производства в Северном и Центральном Европейском районах³⁸. Следует также учитывать, что травополье снижало расход рабочей силы³⁹, а, следовательно, увеличивало аграрное перенаселение, что при неразвитости промышленности утяжеляло положение крестьян. Возможно, именно поэтому крестьянские общины без особого энтузиазма относились к внедрению новой системы.

Кроме того, надо учитывать, что одним из результатов реформы 1861 г. стала деформация крестьянских наделов, выразившаяся в резком сокращении их абсолютных размеров (до 20%), переносах, потере наиболее ценных лесных и луговых участков⁴⁰. На примере Петербургской губернии видно, что для подстоличных крестьян тяжелейшим последствием реформы стала отрезка крестьянской земли, составившая в среднем по губернии около трети от ее дореформенного количества. И, как показал анализ величины платежей, приходившихся на десятину удобной земли до и после реформы, сокращение

наделов в губернии заметно опережало процесс сокращения платежей, в результате чего их средняя величина, приходившаяся на десятину удобной земли, выросла на одну пятую часть. Это приводило к существенному сокращению хозяйственных возможностей крестьян ⁴¹.

Подобная ситуация сложилась в большинстве регионов Европейской России. Так, в Костромской губернии площадь крестьянского землепользования при освобождении сразу сократилась, так как по уставным грамотам крестьяне получили в наделе по 6 десятин на ревизскую душу, а раньше пользовались гораздо большей площадью, излишки которой были отрезаны владельцам. Земли, поступившие в надел, были хуже, чем у помещиков. Между угодьями не возникло нормального соотношения: образовался недостаток покосов и выгонов в сравнении с запашкой, что неуклонно вело к недопроизводству навоза и оскудению земли ⁴². По данным П.И. Лященко, отрезки крестьянских наделов в Полтавской и Екатеринославской губерниях составляли около 40% от дореформенного крестьянского землепользования, в Харьковской — 31, в Черниговской — около 25% ⁴³.

От плотности населения в том или ином регионе во многом зависел выбор системы земледелия, а, следовательно, в конечном итоге, интенсивность и формы отхожего движения крестьян. При наличии 40 и более десятин на мужскую душу население занималось кочевыми формами хозяйства. Когда обеспеченность удобной землей варьировалась в интервале от 40 до 10 десятин, крестьяне и помещики вели залежное хозяйство; при меньшей обеспеченности они переходили сначала на двуполье, затем на безнавозное трехполье и, в конце концов, — унавоженное трехполье, что сразу же вело к возрастанию отхода ⁴⁴.

Тенденция малоземелья присутствовала в Европейской России и в начале XX века. Так, плотность сельского населения на одну квадратную версту в 1913 г. в Центрально-Черноземном районе составляла 64 чел., а в Малороссийском районе — 66 человек. В это же время в традиционных районах прихода сельхозрабочих плотность сельского населения была следующей: Нижне-Волжский район — 12 чел., Средне-Волжский — 41, Предкавказский — 24, Новороссийский — 39 человек. На одного сельскохозяйственного работника мужского пола в центре Европейской России приходилось 3 десятины посева, а на юго-востоке — 8 десятин. В результате 11 губерний юго-востока имели потребность в дополнительных рабочих в размере 500 тыс. человек ⁴⁵.

Наиболее полное представление о динамике малоземелья дают сведения об обеспеченности сельского населения Европейской России посевами. Так в 1897 г. на 81,4 млн чел. приходилось 61,9 млн дес., то есть по 0,77 дес., а в 1913 г. на 109,4 млн чел. — 73,1 млн дес., то есть уже по 0,67 на 1 человека ⁴⁶.

Зависимость интенсивности отхода от количества и качества наделной земли присутствовала и в этот период. В «Обзоре Тульской губернии за 1901 год» отмечалось, что «отхожие промыслы являются необходимым подспорьем в домашнем быту, особенно в уездах с худшим качеством почвы» ⁴⁷. В таком же обзоре Нижегородский губернатор докладывал, что «отхожие и кустарные промыслы... имеют весьма широкое распространение в губернии, обусловливаемое главным об-

разом малоземельем и малоплодородностью почвы»⁴⁸. В Московской губернии в 1902 г. малоземелье заставляло более 20% крестьянских семей совершенно не заниматься земледелием, а более половины мужского населения остальной части — посвящать промыслам круглый год⁴⁹.

В Воронежской губернии в 1911 г. из 100 безземельных крестьян промыслами занимались 49 чел., из имевших земли до 5 дес. — 30 чел., от 5 до 15 дес. — 20, от 15 до 25 дес. — 18, свыше 25 дес. — 13 человек⁵⁰.

С увеличением площади запашки крестьянин не только не искал работы, но и сам начинал нанимать рабочих. Так, в Таврической губернии в конце XIX — начале XX в. крестьянские дворы, засевавшие от 5 до 10 десятин, нанимали около 5% батраков, от 10 до 25 дес. — 11%, а от 25 до 50 дес. — 38% батраков⁵¹.

Результаты влияния малоземелья на состав отхожников можно зафиксировать не только на местах «выхода» крестьян, но и на «входе».

Анализ сведений о хозяйственном положении посетителей Никитовского ночлежно-продовольственного пункта в 1912 г. показывает, что у 30,6% посетителей не было ни земли, ни лошадей, у 9% имелась только усадьба. 20,9% посетивших пункт, хотя и владели землей, но в мизерном количестве и не имели лошадей. Владели 3—5 десятинами 9,1%, 6—15 десятинами — 9,6, свыше 15 десятин — 1,9%⁵². Таким образом, около 60% отхожников этого пункта в той или иной степени не имели средств производства.

Серьезную проблему для русских крестьян представляли высокие цены при покупке и аренде земли.

С 1883 по 1900 г. в 44 губерниях крестьянство приобрело при посредстве Крестьянского поземельного банка 4 млн 399 тыс. 500 десятин, что составило всего 3,9% от всей надельной земли, между тем как рост сельского мужского населения за это время составил 37%. При этом «покупная цена земли, приобретаемой при содействии Крестьянского Банка» во многих местностях держалась «... выше среднего уровня»⁵³. «Но и собрав необходимые для оплаты средства, — указывал в своем докладе П.Н. Соковнин, — крестьяне далеко не всегда бывают в состоянии удержать за собою купленный участок и нередко бросают его на руки Банку через три-четыре года после покупки. С 1888 по 1901 г. в собственность Банка поступило и было продано им 431 имение, площадью 152 259 дес., под которые было выдано в ссуду 8 951 254 руб. и доплачено покупателями 913 343 руб.». Причинами этого являлись высота платежей за землю и предоставление крестьянам малоодоходных участков⁵⁴.

Опираясь на большие земельные владения (36,2% всех крестьянских и частновладельческих земель)⁵⁵ и внешнюю рыночность (помещики продавали 50% своей продукции)⁵⁶, используя нужду крестьян в земле, их прикрепленность к общине, аграрное перенаселение, налоговый гнет, снижение цен на хлеб, сохранившиеся возможности и традиции внеэкономического принуждения, помещики создали отработочно-арендную систему. Она состояла в том, что помещичья земля обрабатывалась трудом и инвентарем освобожденных крестьян за арендованную землю, ссуду хлебом или деньгами, за лесные материалы и т.д. При издольщине крестьяне платили помещику за аренду земли определенной договором долей урожая, при испольщине — половиной урожая⁵⁷.

На каких условиях осуществлялась испольная обработка земли, хорошо видно из письма крестьян села Сотницкого Курской губернии: «У нас всей земли 37 десятин, наличных 84 души, вот поэтому нам со своей земли прожить никак невозможно, а поэтому мы берем для посева землю у бывшей нашей помещицы на таких условиях: берем все равно по три десятины; эти три десятины должны мы вспахать, посеять своими семенами, ее по урожае скосить или сжать и половину хлеба перевести в экономию, а половину забрать себе, потом за эти три десятины мы обрабатываем в пользу помещицы посевом и уборкой хлеба по одной десятине, то есть этот отработок мы пашем, двоим, сеем и по урожае косим или жнем и свозим в экономию; кроме этого отработка еще каждый из нас должен отработать в экономии в пользу помещицы по 12-ти рабочих дней и за каждую десятину отвезти экономического хлеба, куда укажет экономия, по 25 пудов...; потом за эту же землю еще каждый из нас должен вывезть навоза по 40 возов...»⁵⁸

В результате такого соединения архаической эксплуатации и рынка произошло превращение продукта непосредственного производителя-издольщика в меновую стоимость, что дало мощнейший импульс росту нормы его эксплуатации: земельная рента без каких-либо существенных изменений в технологических основах производства имела тенденцию вздуться все выше.

Если исходить из того, что крестьяне арендовали у помещиков ежегодно 20 млн дес., то в конце XIX — начале XX в. они платили за нее примерно 150 млн руб., а перед первой мировой войной — 250 млн руб. ежегодно. «Иначе говоря, за эпоху капитализма крестьяне уплатили помещикам за аренду земли несколько миллиардов рублей. Из них не менее половины составляла надбавка к нормальной земельной ренте»⁵⁹. Только в одной Курской губернии в конце XIX в. арендованием внеадельных земель занималось 37% надельных домохозяев (6 434) на 30 627 десятинах. Если учесть, что средняя цена арендованной десятины под яровые посевы в Курской губернии была равна 13 руб. 40 коп., а под озимые — 21 руб., а их общая средняя стоимость — 17 руб. 20 коп., то можно примерно определить масштаб дохода курских землевладельцев. Он бы равен примерно 526 784 руб. 40 копеек⁶⁰.

Аренда могла быть подесятинная или на круг, надельных земель или частновладельческих, а также — денежная, испольная, за отработки и смешанная. В разных регионах соотношение этих форм было различным. Так, в той же Курской губернии, а точнее, в Курском уезде преобладала денежная аренда (77%). На испольную аренду приходилось 10% случаев, за отработки — 13%⁶¹.

Самые высокие арендные и продажные цены на землю возникли в центральной черноземной полосе Европейской России, то есть именно в тех губерниях, в которых рождался самый массовый поток сельскохозяйственных отхожников⁶². И это было не случайно, ибо «при густоте населения и относительном малоземелии спрос на земли так велик, что земли разбираются охотно и без остатка крестьянами, и землевладельцы получают такой доход, о котором при крепостном праве они не могли и мечтать»⁶³.

Через 27 лет после замечания В.И. Чаславского ситуация только усугубилась. «В большинстве земледельческих местностей России...,

— читаем в исследовании Оренбургского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности — площадь земельного надела крестьян не способна доставить крестьянскому хозяйству земельный простор, который требуется низкой степенью интенсивности этого хозяйства. Недостаток в собственной земле крестьяне должны пополнять арендой казенных и частновладельческих земель... Казенные земли крестьяне арендуют с несомненною для себя выгодой, но при арендовании частновладельческих земель, площадь которых несравненно больше, условия аренды складываются для крестьян неблагоприятно, так как к повышающему арендные цены влиянию усиленного спроса на земли присоединяется тут и другое, действующее в том же направлении обстоятельство, а именно, необеспеченность исправного поступления платежей по заключенным крестьянами арендным сделкам, вследствие чего сдача земли в аренду крестьянам является для землевладельца рискованною операцией, к которой он прибегает неохотно, а будучи вынужденным к этому, старается уменьшить свой риск сокращением срока аренды и повышением размера арендной платы. Обыкновенно землевладелец прежде того, чем решиться на сдачу земли крестьянам, ищет и чаще всего находит крупного съемщика, имущественное положение которого позволяет заключить с ним арендный договор... Такой оптовый съемщик сам не ведет хозяйство, а сдает арендованную землю мелкими участками, назначая за нее непомерно высокие цены, которые он умеет выжать из крестьян»⁶⁴. В докладе крестьянской комиссии об арендах Обоянского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности отмечалось, что «особого рода кулаки» организуют посредничество и, сдавая крестьянам мелкие наделы, наживали при этом до 45% на затраченный капитал⁶⁵.

Поэтому главная причина завышенной арендной платы состояла, отнюдь, не в том, что утверждал И.Д. Ковальченко. На его взгляд, в отличие от единых рынков на сельхозпродукцию, средства производства и рабочую силу, единый рынок земли в России в начале XX в. не сложился в силу исключения из товарооборота наделных земель (138,8 млн дес. против 101,7 млн дес. частновладельческих земель) и господства привилегированного помещичьего землевладения (в итоге арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли)⁶⁶. На наш же взгляд, если бы наделные земли поступили в свободный рыночный оборот, то это не привело бы к снижению арендных цен. Скорее всего, цена на землю несколько бы снизилась, но арендная плата — возросла, потому что при свободном обороте наделных земель земельный голод большинства крестьян еще больше бы обострился, и помещики, опираясь на свою земельную монополию, цену арендованной земли подняли бы еще выше, а зарплату сельскохозяйственным рабочим опустили бы еще ниже. Кроме того, негласный рынок наделных земель уже существовал. Подворные участки продавали, используя такие формы как владение кредитором землей должника по исполнительному листу судебных учреждений, владение по заемным письмам, владение по залогу земли и другие⁶⁷.

Конечно, при этом надо учитывать, что в дореформенные времена земля оценивалась сравнительно недорого, землевладельцы имели дешевый кредит и избыток земли, а их имения ценились по числу

крепостных душ. После отмены крепостного права ситуация изменилась — хозяйственная, социальная и психологическая стороны жизни помещика стали определяться стоимостью земли ⁶⁸.

Следует отметить еще одну важную закономерность. При увеличении аренды частных земель целыми общинами или союзами этих общин на более или менее продолжительные сроки количество разорившихся крестьян, а, следовательно, уходивших на промыслы, снижалось по сравнению с теми общинами, в которых практиковалась аренда в розницу. Это происходило, потому что при соперничестве крестьян за аренду цена участка повышалась, кулаки снимали земли больше, чем нужно, и затем сдавали ее в субаренду, что опять вело к росту цен на участки ⁶⁹. Доказательством могут быть сведения по Саратовской губернии. Здесь безнадельные крестьяне пересдавали 5,4% арендованной земли, имевшие надел до 2,5 дес. — 2,1%, до 5 дес. — 5,6, до 5 дес. — 5,9, до 20 дес. — 9,5, и, наконец, более 20 дес. — 19,4% ⁷⁰. Однако такая тенденция имела место только при условии, если крестьянские общества не пересдавали потом землю с торгов кулакам, которые с барышом передавали арендованные участки своим односельцам «за весьма высокую цену» ⁷¹.

Сочетание аренды частновладельческой и надельной земли можно проиллюстрировать на примере Саратовской губернии. Там частновладельческую землю арендовало 41,2% крестьянских хозяйств (безнадельных — 25,7%, до 2—3 дес. на двор — 73,3, до 5 дес. — 39,9, до 10 дес. — 37,9, до 20 дес. — 32, более 20 дес. — 21,3%), надельную — 24,7% (безнадельных — 10,2%, до 2,5 дес. на двор — 14,5, до 5 дес. — 22,6, до 10 дес. — 26,4, до 20 дес. — 34,9, более 20 дес. — 50,4%), а всего хозяйств-арендаторов было 53,7% (безнадельных — 29,3%, до 2—3 дес. на двор — 72,4%, до 5 дес. — 50,5, до 10 дес. — 52,9, до 20 дес. — 53,9, более 20 дес. — 57,4%) ⁷².

Это исследование показало, что группа хозяйств, имевших до 2,5 дес., нуждалась в четыре раза большем количестве пашни, чем имела; группа до 5 дес. — почти в таком же количестве пашни; группа, имевшая до 10 и более дес., — более, чем в половине имевшейся у нее пашни ⁷³.

В целом по Европейской России в 1900 г. площадь арендуемой крестьянами земли (19 507 300 дес.) составляла в среднем для 50 губерний 17,4% по отношению к крестьянской надельной земле при региональных колебаниях от 3,9% в Северо-Восточном районе до 24% в Средне-Земледельческом и до 67,7% в Юго-Восточном районе; 9,5% от общего количества удобной вненадельной земли и 19% одной частновладельческой земли. Средняя арендная плата за сдаваемые крестьянами надельные земли (3,5 руб. за одну десятину) была почти в 2 раза ниже платы за аренду вненадельной земли (6,4 руб.). В пределах 50 губерний преобладала денежная аренда (5 916,060 тыс. дес.), в общем оплачиваемая менее, чем аренда за отработки, из доли урожая, в смешанной и неопределенной форме (846 950 дес.).

Арендная плата в 1900 г. по всем губерниям, кроме Уфимской и Оренбургской, превышала лежащие на надельных землях казенные, земские, мирские и страховые сборы в среднем на 53%. По регионам: в Малороссии денежные сборы с десятины составляли $\frac{1}{5}$ подесятинной арендной платы, в Северном, Юго-Восточном, Юго-Западном — $\frac{1}{4}$, в Средне-Земледельческом, Средне-Промышленном, Северо-

Западном, Новороссийском, Средне-Приволжском, Прибалтийском — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{5}$ ⁷⁴.

Таким образом, по данным официальной правительственной комиссии, сложилась ситуация, при которой в большинстве местностей Европейской России «валовой сбор хлебов, за покрытием семенных, продовольственных и кормовых потребностей, погашает плату за арендуемые земли, но не дает сколь-нибудь заметного избытка» и недостаточен «даже для собственного продовольствия крестьян» ⁷⁵. И, как писал один из исследователей, живших в ту эпоху, «неудачные поиски за арендной землей и трудность условий аренды ведет к сдаче своей наделной земли, к батрачеству и неземледельческим заработкам» ⁷⁶.

Данный вывод можно проиллюстрировать сведениями местного уровня. Так, в Курском уезде средняя цена арендованной под яровое десятины была равна 12 руб. 82 коп., а ее доходность — 22 руб. 51 копейке. Получалась прибыль с 1 десятины в размере 9 руб. 69 копеек. Однако при учете трудовых затрат крестьянина (10 руб. 74 коп.) возникал даже убыток — 1 руб. 5 копеек. Аренда под озимое оценивалась в 22 руб. 75 коп. с десятины, доходность — в 29 руб. 56 коп., трудовые затраты — 14 руб. 66 копеек. В результате арендатор десятины под озимое имел убыток в размере 7 руб. 85 копеек ⁷⁷. В Кирсановском уезде Тамбовской губернии ситуация была еще более удручающая. Там средняя арендная цена за посевную десятину была равна 15 руб. 52 коп., а ее средняя валовая доходность — 13 руб. 37 копеек. В результате даже возникал дефицит в размере 2 руб. 15 копеек ⁷⁸.

В связи с этим некоторые современники главной причиной оскудения крестьянских хозяйств в Центральном Черноземье считали даже не выкупные платежи или тягости земских и мирских сборов, а высокую наемную плату за землю, недостающую для образования обеспечивающего хозяйство участка. Особенно это касалось дворов с одним и двумя душевыми наделами, у которых выкупные платежи были меньше, но зато наемная плата за землю — значительно больше. Если двор с тремя душевыми наделами платил только 15 руб. выкупных платежей, то с двумя наделами — 10 руб. выкупных платежей и 24 руб. за аренду земли, с одним наделом — 5 руб. выкупных платежей и 48 руб. за аренду. Дальше происходило следующее: плата за аренду всегда взыскивалась строго и «безнедоимочно». «Крестьянин, не имеющий этих денег, — писал П.П. Семёнов, — берет их на перехват у своего односельца, обмолачивает вырученную им жатву и продает наскоро даже необходимый ему впоследствии пищевой хлеб (рожь) по 40—50 коп. за пуд, с тем, чтобы купить его впоследствии, то есть весной, на деньги, добытые зимним заработком, копеек по 80—90 за пуд. Такая заемная операция обходится ему в полгода процентов в 80—100. Но если зимний заработок оказался недостаточным, то для покупки пищевого хлеба или уплаты какой-либо недоимки в начале лета крестьянину приходится продавать на корню уже выколосившуюся жатву, рублей по 10—12 за десятину, теряя на полученной им этим путем вперед сумме (как доказал мне произведенный мною опыт) до 250%» ⁷⁹.

В связи с этим закономерен вопрос о том, зачем крестьяне шли на арендувание земли на столь тяжелых условиях? Помимо мотива-

ции, связанной с нехваткой земли, они руководствовались и соображениями семейного плана. Вернее сказать, эти факторы были тесно переплетены. Рост отхожих промыслов приводил к семейным ссорам и, в конце концов, к семейным разделам, которые резко понижали эффективность разделенных хозяйств. Отсюда — возникновение двух причин арендования: одни крестьяне снимали землю, чтобы привязать своих сыновей к земле и не допустить их отхода, а, следовательно, будущего раздела хозяйства, а другим уже после разделов ничего не оставалось делать, кроме, как снимать дополнительную землю для прокормления семьи ⁸⁰.

Малоземелье, низкая обеспеченность скотом, высокие цены на землю в купе с налоговой нагрузкой породили относительно низкую доходность крестьянского хозяйства, которая не покрывала его расходный бюджет.

Наблюдатели того времени фиксировали разнообразные базовые причины низкой доходности: малоземелье, крайняя удаленность полевых угодий, чересполосица ⁸¹, истощенная почва, отсутствие достаточного количества удобрений, плохие орудия обработки, бессильный рабочий скот, выродившиеся семена, однообразие и нерациональность культур, несвоевременные обработка, сев и уборка, трехпольное зерновое хозяйство, обращение сенокосов и выгонов в пахотные угодья, недостаток оборотного капитала, косность крестьянского населения, запутанность и недоработанность правовых отношений в деревне ⁸².

В 1909 г. при биологической норме выживаемости в 15—19 пуд. основных хлебов на человека почти половина российского крестьянства, именно в центре страны, не могла не то, что вести успешное капиталистическое хозяйство, но и вообще нормально существовать ⁸³. И это было неизбежно, если учесть, что, по данным еще середины 70-х гг. XIX в., из суммы всех сборов в 208 млн руб. (повинности с земель — 23 330,0 тыс. руб., платежи крестьян за земли — 94 681,111 тыс. руб., повинности, взимаемые подушно, — 90 000,0 тыс. руб.) только 13 млн руб. приходилось на земли частных владельцев ⁸⁴. Например, в 1902 г. на 1 десятину крестьянской земли в Горбатовском уезде Нижегородской губернии приходилось 33,4 коп. налогов, тогда как на 1 десятину дворянской земли — 12,6 коп., а казенной — 9 копеек ⁸⁵.

В 1901 г. в Ветлужском уезде Костромской губернии крестьяне уплачивали все земельные платежи с десятины в размере 1 руб. 2 коп., а землевладельцы — 8—10 копеек. Даже после вычитания 50 коп. выкупных платежей крестьяне платили больше, чем частные владельцы, в 5—6 раз. Причины такого положения, по мнению Ветлужского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, состояли в следующем: 1) действовала устаревшая несовершенная оценка земель 1879 г., при которой десятина покоса оценивалась в 24 руб., а усадебная земля, которая обычно не приносила никакого дохода, — в 23 руб., пахотная земля — в 8 руб., а лес, принадлежавший почти исключительно казне и частным владельцам и приносивший большой доход, — только 4 руб.; 2) несмотря на то, что волость обслуживала интересы не только крестьян, но и других сословий, к расходам на нее привлекались исключительно крестьяне; 3) выкупные платежи изначально были вычислены по высшей несправедливой норме — годовой оброк (в Ветлужском уезде — 9 руб. за высший надел) капи-

тализировался из 6%. В результате ежегодные переплаты казне по Костромской губернии составили 546 201 руб., то есть на 41,3% больше банковской оценки. А всего по всей России только за первые 20 лет казна получила более 40 млн руб. чистого барыша ⁸⁶.

В Оренбургской губернии в 1901 г. на одну крестьянскую десятину (если крестьянин вносил выкупные платежи) приходилось 45,49 руб. казенных и земских сборов, башкирскую — 3,25 руб., казачью — 0,62 рубля. На одну мужскую душу насчитывалось всех платежей и повинностей: у крестьян — 4,25 руб. при среднем количестве наделной земли в размере 5,3 дес.; у башкир — 2,67 руб. при 25,5 дес.; у казаков — 2,23 руб. при 25,9 десятинах ⁸⁷.

В список разнообразных сборов входили: выкупные платежи (оброчная подать), государственный земский сбор, местные земские сборы, подушная подать, мирские сборы, сборы рекрутские, на обеспечение народного продовольствия и др. Даже официальная комиссия признавала, что «общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела, без посторонних заработков, и в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность земли в 5 раз, т.е. почти целиком ложится на заработок» ⁸⁸.

В целом, в 1870-х гг. средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины — 164,1 коп., что заставляло крестьян искать другие источники доходов ⁸⁹.

В конце XIX — начале XX в. земско-статистические исследования доходности крестьянской наделной земли по 27 губерниям показали, что чистая доходность десятины наделной земли составляла в среднем 377 коп., колеблясь по губерниям от 177 коп. до 598 копеек. Окладные платежи и повинности в среднем равнялись 139 коп. с десятины (36,8% чистой доходности). По отдельным губерниям платежи составляли от 11% до 76% чистой доходности. В среднем по 50 губерниям совокупность казенных, мирских и страховых сборов на одну десятину достигала 149 коп. в 1891—1895 гг. и 161 коп. в 1896—1900 годах ⁹⁰.

Что касается местных примеров доходности крестьянского хозяйства в натуральных и денежных величинах, то в Темниковском уезде Тамбовской губернии сбор крестьянского хлеба колебался от 11,5 пуд. ржи на наличную душу в урожайный 1900 г. до 4,6 пудов в неурожайный 1901 г. при среднем сборе в 10 пудов. Исходя из того, что средней минимально необходимой нормой было 14 пуд., возникал дефицит зерна, который надо было докупать. И это притом, что на каждый двор в среднем ложилась денежная налоговая повинность в размере 10 руб., которая покрывалась только подсобными промыслами и занятиями ⁹¹.

В Минском уезде в 1900 г. на продовольствие крестьян, прокорм скота, хозяйственные расходы и уплату повинностей в среднем на одну душу приходилось 25,5 пуд. всех хлебов, а также картофеля при продовольственной норме в 13—19 пудов. Прямая налоговая нагрузка на каждую десятину наделной земли вместе с требами, но без учета дорожной и полицейской повинности, в среднем составляла 2 руб. 28 копеек ⁹².

В 1901 г. в Корочанском уезде Курской губернии на 1 десятину надельной земли только прямых и косвенных казенных налогов приходилось 5 руб. 50 коп. при средней доходности десятины в 11 рублей. Комментируя такие катастрофические результаты хозяйственной деятельности, помещик М.С. Балабанов указывал: «Надо просто удивляться, как мог наш крестьянин выносить подобные налоги (в среднем до 50 руб. на двор...), не обладая достаточным количеством земли, совершенно не зная рациональной техники земледелия, не зная даже простой грамотности, почти не обучаясь никаким ремеслам и не занимаясь никакими кустарными промыслами, которые позволяли бы ему с большой пользой утилизировать продолжительный зимний досуг...»⁹³

В Ветлужском уезде Костромской губернии в 1901 г. каждый крестьянский двор за год в среднем уплачивал прямых и косвенных налогов 27 руб. 41 коп., то есть 35% оценки личного труда крестьянина. При этом акциз на вино составлял 14 руб. 69 коп., выкупные платежи — 6 руб. 55 коп., земский сбор — 3 руб. 5 коп., мирской сбор — 3 руб. 3 коп., государственный поземельный налог — 9 копеек⁹⁴.

В Нижегородской губернии весь валовой доход среднего крестьянского двора от полеводства и скотоводства за вычетом продуктов, идущих на обсеменение полей, прокорм скота и аренды земли равнялся в переводе на деньги 99 руб. в год. На содержание семьи в год нужно было потратить 158 руб. 88 копеек. К этому следует прибавить сумму налогов и недоимки по ним, которые составляли около 64 руб. на двор. В итоге видно, что «крестьянский надел в Нижегородской губернии, даже при дополнении его арендой, не обеспечивает крестьянскую семью»⁹⁵. Это приводило к огромному дефициту крестьянского бюджета, покрыть который без посторонних заработков было невозможно. В Горбатовском уезде этой губернии средняя доходность надельных земель составляла 3 руб. 61 коп. на 1 десятину, или 13 руб. 12 коп. на все угодья, а налоговая нагрузка на двор — 4,6—5,0 руб. прямых налогов и 10—11 руб. всех налогов⁹⁶. В Нижегородском уезде чистая доходность надельной земли средней крестьянской семьи (6,25 дес.) была равна 16 руб. 85 копейкам. Окладные сборы составляли 19 руб. 18 коп. на двор, недоимки — 6 руб. 61 коп., расходы на продовольствие — 57 рублей. Следовательно, у двора не хватало 65 рублей⁹⁷. Дефицит в крестьянском бюджете в Семеновском уезде Нижегородской губернии был еще больше — 125 рублей⁹⁸.

В Московской губернии крестьянская семья со среднего надела в 9 дес. получала 45 руб. чистого дохода. На уплату прямых налогов у нее уходило 22 руб. 50 коп., а всех налогов, считая и косвенные, — около 70 рублей⁹⁹. Таким образом и здесь «крестьянские надельные земли обременены платежами значительно выше той меры, которая может быть допущена без ущерба для успешности сельскохозяйственного производства»¹⁰⁰.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в хозяйствах крестьян Средне-Земледельческого и Восточного районов. Именно здесь в 1890-х гг. начался стремительный рост недоимок по окладным сборам: в Средне-Земледельческом (Центрально-Черноземном) в 1891—1895 гг. он составил 122% к окладу, в 1896 г. — 127, в 1897 г. — 161, в 1898 г. — 177%; в Восточном в 1891—1895 гг. — 236% к окладу, в 1896 г. — 201,

в 1897 г. — 190, в 1898 г. — 232%. Во всех других районах недоимки составляли от 7 до 86% к окладу ¹⁰¹. Кроме того, государственных расходов на 1 жителя в этих регионах меньше всего приходилось: в Средне-Земледельческом районе — 40 коп., а в Восточном — 49 копеек. При этом государственные доходы с губерний Средне-Земледельческого района превышали государственные расходы на эти территории в 2,5 раза, уступая по нагрузке только Прибалтийскому району (в 2,6 раза) ¹⁰².

Реализацию данной тенденции проследим на примере Орловского уезда. По данным экономической комиссии местного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в 1901 г. чистый доход крестьян Орловского уезда со своих земель был равен 1 258 512 рублям. При этом по ведомостям Казенной палаты следовало заплатить налоги и другие платежи в размере 415 017 руб. или 33% от чистого дохода. Из них: государственный поземельный налог — 10 703 руб., выкупные платежи — 237 676 руб., земский сбор — 56 589, волостные сборы — 37 998, сельские сборы — 58 634, страховые платежи — 13 417 рублей. Вместе со всеми косвенными налогами налоговая нагрузка на крестьян составляла почти 70% от чистой доходности их земли ¹⁰³.

Самой тяжелой нагрузкой были выкупные платежи крестьян, так как, с одной стороны, они изначально не соответствовали стоимости земли, а с другой стороны, возрастали за счет уплаты процентов на ссуду государству ¹⁰⁴. В начале 1870-х гг. платежи крестьян за землю составляли 94 млн 681 тыс. 111 руб. (49% всех сборов с крестьян) ¹⁰⁵. В 1902 г. выкупные платежи составили 90 млн руб. — более трети тех денег, которые крестьяне получали от экспорта хлеба. «За 25 лет, протекших со времени освобождения, — писал М.М. Ковалевский, — русский крестьянин уплатил в виде податей в несколько раз больше того дохода, который давал ему его надел» ¹⁰⁶. В 1894 г. крестьянские платежи составляли 55,1%, а в 1904 г. — 41,2% всех поступлений в Департамент окладных сборов ¹⁰⁷. В Суджанском уезде Курской губернии все податное обложение крестьянского хозяйства составляло от 27,4 до 43,1% от доходности с десятины, причем на долю выкупных платежей приходилось от 16,3 до 25,7% ¹⁰⁸. В Московской губернии доля выкупных платежей составляла около 60% от всех прямых налогов на крестьянство. Это — в среднем, но были уезды с гораздо более высокими показателями. Например, в Серпуховском уезде на долю выкупных платежей приходилось 73% от всех прямых налогов. При этом надо учитывать, что тяжесть этой выплаты усиливалась несправедливым и неравномерным, вследствие различия в сроках выхода на выкуп, обложением. Для одних общин выкуп земли уже закончился, а для других начался лишь 20 лет назад, приводя к большой переплате последних ¹⁰⁹.

Сильный удар по благополучию крестьян наносила вынужденная товарность их хозяйств, когда для уплаты податей крестьянин осенью продавал свой хлеб кулаку и скупщику по дешевой цене, а зимой и весной обратно покупал его, но уже гораздо дороже. В результате, на этой залоговой операции крестьяне теряли около 20% средств. Например, в 1885 г. потери составили от 90 до 135 млн рублей ¹¹⁰. Конкретный механизм данной операции раскрыл минский уездный предводитель дворянства Н.Г. Матвеев: «Большинство крес-

трян продают осенью и зимою требующийся на обсеменение хлеб по низким ценам, вырученные деньги расходуют на повинности, а весною сами покупают, платя несравненно дороже; затем обращаются к ссудам хлеба из запасных магазинов и к займам из мирских запасных капиталов, а когда хозяйство обременено этими ссудами, то к частным займам за высокие проценты. Норма последних зависит от того, насколько состоятелен крестьянин: чем беднее, тем % выше. Объясняется это тем, что займодавец, в виду воспрещения законом продажи, при известном экономическом состоянии крестьянского хозяйства, имущества должника, рискует своим капиталом и за этот риск берет лихвенный %» ¹¹¹.

Анализируя сложившуюся ситуацию, Особое совещание предположило: «очевидно, что постоянный рост недоимок, на который не действовали ни лучшие урожаи, ни двукратное понижение окладов, нельзя объяснить временными причинами; очевидно, что самый хозяйственный организм постепенно истощался и оказался не в силах противодействовать бедствию 1891—1892 годов». «Исходя из этого положения, Совещание обратилось к исследованию изменений, которые могли произойти в главной основе всего экономического строя жизни крестьянского населения этой местности — в размере землепользования и в главнейших результатах земледелия» ¹¹².

Итак, если в среднем на каждого едока по 50 губерниям Европейской России в 1891—1895 гг. было высеяно 65% от уровня 1861—1865 гг., то в Средне-Земледельческом районе — 56%. Если в среднем на каждого едока по 50 губерниям Европейской России в 1891—1895 гг. было собрано 88% от уровня 1861—1865 гг., то в Средне-Земледельческом районе — 63%. «Эта убыль в продуктах питания, — читаем мы в Трудах Особого совещания, — не пополнена избытком потребления мяса, овощей и т.п., а составляет действительную убыль, которая была разложена между населением в виде сокращенного питания и между хозяйственным скотом частью тоже ухудшением его корма (замена хлебного корма соломой), частью же просто распродажей скота». Данные военно-конских переписей показывают, что с 1888—1891 гг. по 1893 г. убыль лошадей в Средне-Земледельческом районе составила 931,1 тыс. голов, в Восточном районе — 462,3 тыс., тогда как в Прибалтийском и Северо-Западном — всего по 700 голов, Юго-Западном — 70 тыс., Малороссийском — 56,6 тыс. голов ¹¹³.

Сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать на примере Суражского уезда Черниговской губернии. Валовой сбор ржи составлял здесь 1 916 000 пуд., а за вычетом на посев — 1 580 000 пудов. Потребности населения уезда были равны 1 810 000 пудов. В итоге недочет — 230 000 пуд., а с расходом на винокурение — 480 000 пудов. И это без учета налогов и затрат на корм скоту ¹¹⁴.

В Ветлужском уезде Костромской губернии в 1900 г. при самом хорошем за 10 лет урожае население земледельческого района уезда (бывшие государственные крестьяне) получило после всех расходов только 94 679 руб., то есть по 2 руб. чистого дохода на наличную душу, а в районе с лесными промыслами у бывших помещичьих крестьян возник дефицит в размере 288 860 руб. 20 коп. на продовольствие и 163 830 руб. 31 коп. на уплату повинностей, а всего — 452 690 руб. 51 коп., или около 6 руб. на наличную душу ¹¹⁵.

Таким образом, как писал один корреспондент, «нужда заставляет нашего крестьянина заподряжаться...»¹¹⁶ «Поставленный такой жалкой обстановкой в самое крайнее положение, — указывал еще Н. Флеровский, — работник решается на последнее средство, он бросает свой дом и свою семью и идет за тысячи верст отыскивать средства уплатить свои подати и оброки»¹¹⁷. То есть «работник пускается в промышленную арену не с тем, чтобы приобрести выгоды, в угнетенном жалком своем положении, он и мысли об этом возыметь не может»¹¹⁸.

На наш взгляд, этот процесс давления нужды на мотивацию перехода крестьянства к промысловой деятельности преломлялся через его социальное расслоение. То есть нужда одновременно дифференцировала крестьян и гнала их на заработки. Это подтверждается тем фактом, что процент промысловых крестьянских хозяйств падает пропорционально их лошадности. Так, в Камышинском уезде Саратовской губернии среди хозяйств без рабочего скота насчитывалось 90,9% промысловых хозяйств, с 1 головой рабочего скота — 70,8%, с 2 головами — 61,5%, с 3 головами — 55%, с 4 головами — 58,6%, с 5 и более головами — 46,7%. В трех уездах Нижегородской губернии безлошадные давали 54,5% дворов с отхожими заработками, а все остальные — по 21—23%¹¹⁹.

Однако зависимость отхода от материальной необеспеченности крестьян не была однозначной. В промышленно неразвитых районах, в бедных хозяйствах с одним работником у них часто не было физической возможности убыть в отход без трагических последствий для семьи¹²⁰. Семья считалась обеспеченной, если было «кому идти на сторону»¹²¹. И как указывал в своем докладе П.Д. Хорьков, «в конце концов безлошадник становится совершенным бобылем, настолько бедным, что не имеет возможности работать в холодную зимнюю пору, за неимением одежды»¹²². И.О. Костин также писал, что в Макарьевском уезде Костромской губернии на заработки работники уходили только «при остающемся в доме отце». «Обыкновенным последствием [семейного] раздела, — отмечал корреспондент этнографического бюро А. Мирец-Имшенецкий, — является обеднение всех или некоторых членов семейства, вследствие того, что одному с женой и малыми детьми, за которыми часто еще нужен присмотр, трудно бывает справляться с домашними работами. Об отходе же на сторону, являющемся одним из главных средств к благосостоянию, не может быть и речи»¹²³.

Авторы записки Московского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности зафиксировали интересную зависимость отхода крестьян от их обеспеченности землей: «Отведенный на долю 3-х лиц надел в 9 дес. дает возможность использовать на нем силу только одного лица мужского пола и в то же время не позволяет прокормиться на нем тому составу семьи, для которого предназначен. А в таком случае и этим семьям необходимо, чтобы кто-либо из членов семьи имел сторонние заработки в течение всего года»¹²⁴. При двухдушевом наделе, если семья не бросала обработку земли, она попадала в ловушку: не могла кормиться с такого надела и не могла отпустить кого-либо на сторонние заработки, ибо тогда было бы некого оставлять при земле¹²⁵. Отсюда следует, что нуждающиеся крестьяне уходили на заработки не всегда, а только при сочетании

определенных обстоятельств: при бедности, избытке рабочих рук и возможности покинуть свое домохозяйство.

Итак, в крестьянской экономике России конца XIX — начала XX в. возник крайне сложный и противоречивый комплекс факторов аграрного производства, низкий уровень развития которых препятствовал становлению эффективного сельского хозяйства и, одновременно с этим, приводил к возникновению депрессивной модели экономических отношений в русской деревне. Итоги хозяйствования большинства крестьян в целом сводились к их материальной необеспеченности, то есть к ситуации, при которой расходная часть крестьянских бюджетов намного превышала доходы земледельцев от ведения хозяйства на надельной и арендованной земле. Все это приводило к таким маргинальным по отношению традиционной крестьянской экономике явлениям, как вынужденная товарность и промысловая деятельность крестьян, прежде всего в виде отходничества.

Примечания

1. ПЕШЕХОНОВ А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. СПб. 1906; ЛЕНИН В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М. 1952, с. 126—206; СКВОРЦОВ П. Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе. — Юридический вестник. 1891, т. VIII, кн. 1—2, с. 157—186.; МАСЛОВ П.П. Аграрный вопрос в России. СПб. 1905—1908; МАСЛОВ С.Л. Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. М. 1915; ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ А.Ю. Современное хозяйство России (1890—1910 гг.). СПб. 1911, с. 109—131, 420—471; КАУФМАН А.А. Переселения и колонизация. СПб. 1905; КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Экономический строй России. СПб. 1899, с. 46—85; КАБЛУКОВ Н.А. Лекции по экономии сельского хозяйства. М. 1897, с. 163—190.
2. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., СЕЛУНСКАЯ Н.Б., ЛИТВАКОВ Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М. 1982; АНФИМОВ А.М. Неоконченные споры. — Вопросы истории. 1997, № 9, с. 82—93; РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (К проблеме взаимоотношения укладов в капиталистической России). В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972, с. 69.
3. GERSHENKRON A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861—1917. In: The Cambridge Economic History of Europe. L.-N.Y. 1965, v. 6, pt. 2.
4. GREGORY P.R. Some Empirical Comments on the Theory of Relative Backwardness: the Russian Case. — Economic Development and Cultural Change. 1975, v. 22, № 4, p. 654, 662—663; EJUSD. Russian National Income, 1885—1913. Cambridge. 1982, p. 78, 175—177, 192—194; ГРЕГОРИ П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М. 2003, с. 13—57.
5. GOLDSMITH R. The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860—1913. — Economic Development and Cultural Change. 1961, April, vol. 9, № 3, p. 441—475.
6. SIMMS J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View. — Slavic Review. 1977, vol. 36, p. 377—398.
7. WHEATCROFT ST. Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia. In: Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton. 1991, p. 128.
8. WHEATCROFT ST. *Op. cit.*; ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 34.
9. SIMMS J. *Op. cit.*
10. PLAGGENBORG S. Tax Policy and the Question of Peasant Poverty in Tsarist Russia 1881—1905. — Cahiers du Monde Russe. 1995, vol. 36, p. 53—69.

11. ХОК С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861—1914 гг. — Отечественная история. 1996, № 2, с. 35.
12. SMITH R., CHRISTIAN D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge. 1985, p. 287.
13. МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М. 2010, с.621—628; ДАВЫДОВ М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М. 2003, с. 197—209; КАРПАЧЁВ М.Д. Воронежская деревня в начале XX в.: социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений — Вопросы истории. 2016, №7, с. 3—27.
14. SHANIN T. Russia as a «Developing Society». London. 1985; ШАНИН Т. Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. — 1917—1922 гг. М. 1997; ОСТРОВСКИЙ А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб. 2013; ЕГО ЖЕ. Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб. 2014.
15. ЧАСЛАВСКИЙ В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. СПб. 1875, с. 15; МЕЕРКОВ А.Н. К вопросу об отхожих промыслах, переселенческом и богомольческом движении в Воронежской губернии за 1911 год. — Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. Воронеж. 1914, с. 23; Записка членов Кирсановского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности С.И. Ерофеева и З.Ф. Журавлёва по п.п. А и П. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLI. Тамбовская губерния. СПб. 1903, с. 194; Записка М.М. Устинова о малоземелье, как одном из факторов обеднения крестьян — Там же, с. 374—378; Доклад А.Д. Брюхатова об основных причинах, тормозящих рост и развитие крестьянской сельскохозяйственной политики. — Там же, с. 461; Свод мнений уездных комитетов — Там же, т. XIX. Курская губерния, с. 44—45; Записка податного инспектора Р.П. Прокофьева об улучшении сельского хозяйства в связи с вопросом «о золотой валюте». — Там же, с. 146; Записка крестьянина села Денисьева-Знаменского И.Г. Крюкова о причинах упадка сельскохозяйственной кустарной промышленности. — Там же, т. XXIII. Московская губерния, с. 306.
16. СВИДЕРСКИЙ Ф.И. Народные скитания. — Земские сборник Черниговской губернии. 1890, № 2, с. 36—37; АЛЕКСАНДРОВ Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века. Ярославль. 2007, с. 15.
17. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб. 1903, ч. III, с. 212. Исчисления на основании данных А.В. Островского показали, что прирост рабочего скота с 1888 по 1912 г. составил всего 6,48%. ОСТРОВСКИЙ А.В. Животноводство, с. 140.
18. Материалы высочайше учрежденной..., ч. III, с. 267.
19. Там же.
20. Там же, с. 268.
21. Там же, с. 164—165.
22. РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Утверждение капитализма в России. М. 1978, с. 92.
23. Доклад комиссии о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XLI, с. 397.
24. Доклад Ветлужского уездного комитета в Костромской губернский комитет. — Там же, т. XVII. Костромская губерния, с. 255.
25. ОСТРОВСКИЙ А.В. Животноводство, с. 56.
26. Доклад комиссии по экономическим вопросам. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXIII, с. 390.
27. ОСТРОВСКИЙ А.В. Животноводство, с. 144, 149—150.
28. Население Европейской России с 1863 г. по 1891 г. возросло с 61,176 млн до 86,2 млн чел., то есть на 25,024 млн или 40,9%; с 1891 г. по 1915 г. — с 86,2 млн до 130,7 млн чел., то есть на 44,5 млн или 51,6%, а с 1863 г. по 1915 г. — на 69,563 млн чел. или 113,7%. РАШИН А.Г. Население России за сто лет. 1811—1913 гг. Стати-

- стические очерки. М. 1956, с. 28—29; ОСТРОВСКИЙ А.В. Зерновое производство, с. 53—54.
29. ОСТРОВСКИЙ А.В. Зерновое производство, с. 70.
 30. Доклад уездной управы. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXIV. Нижегородская губерния, с. 429.
 31. Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии. — Там же, т. XXVII. Оренбургская губерния, с. 114.
 32. ОСТРОВСКИЙ А.В. Зерновое производство, с. 102—104; ЕГО ЖЕ. Животноводство, с. 47—51.
 33. ЕГО ЖЕ. Животноводство, с. 84—86.
 34. ЕГО ЖЕ. Зерновое производство, с. 105.
 35. Доклад уездной управы, с. 428.
 36. Доклад комиссии по экономическим вопросам, с. 390.
 37. ЛОХТИН П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку. СПб. 1901, с. 159.
 38. ГРЕГОРИ П. Ук. соч., с. 247—248; WHEATCROFT ST. Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia — Kingston; Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton. 1991, p. 128, 147—153.
 39. ЗЕНКЕВИЧ И. О различных системах хозяйства. По поводу бесед в Императорском Московском Обществе Сельского Хозяйства. — Труды императорского Вольного экономического общества. 1866, т. IV, с. 112.
 40. Краткий перечень причин упадка крестьянского хозяйства и главнейших мер улучшения его. Записка управляющего государственными имуществами Минской губернии И.Г. Базилевича. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXI. Минская губерния, с. 21.
 41. КАЩЕНКО С.Г. Отмена крепостного права в столичной губернии: Из истории государственных реформ в России 2-ой половины XIX века. СПб. 2002, с. 268—269.
 42. Доклад Ветлужского уездного комитета, с. 253.
 43. ЛЯЩЕНКО П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1948, с. 479—480.
 44. ЧАСЛАВСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 5—8; ОСТРОВСКИЙ А.В. Зерновое производство, с. 61—105.
 45. МИЛЮТИН В.П. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России. Пг. 1917, с. 34—37.
 46. ОСТРОВСКИЙ А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России. — Проблемы исторической географии России. Материалы второй Всесоюзной конференции по исторической географии России. Москва, 25—26 ноября 1980 г. М. 1982, выпуск II. Формирование экономических районов России, с. 183.
 47. Обзор Тульской губернии за 1901 год. Тула. 1902, с. 11.
 48. Обзор Нижегородской губернии за 1901 год. Нижний Новгород. 1902, с. 7.
 49. Записка 19 членов губернского комитета — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXIII, с. 45.
 50. МЕЕРКОВ А.Н. Ук. соч., с. 21.
 51. ФЛЁРОВ Н. Земледельческие рабочие в России. М. 1906, с. 10.
 52. НЕЙМИТЦ М. Отчет о деятельности Никитовского ночлежно-продовольственного пункта в 1912 г. — Врачебно-Санитарная Хроника Екатеринославской губернии. Екатеринослав: Екатеринославская губернская земская управа. — Санитарное отделение. 1913, № 9—10, с. 947—952.
 53. Материалы высочайше учрежденной..., ч. III, с. 174—175.
 54. Доклад уполномоченного министерства земледелия П.Н. Соковнина. Мера действительной помощи малоземельным крестьянам и средство к образованию правильно организованных мелких хозяйств. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XIX, с. 183—184.
 55. АНФИМОВ А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (конец XIX — начало XX в.). М. 1969, с. 24.
 56. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М. 2004, с. 145.
 57. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб. 1999, с. 409.

58. Записка крестьян села Сотницкого о малоземелье и тяжелых условиях аренды. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XIX, с. 716.
59. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Ук. соч., с. 404.
60. Доклад курского губернского агронома В.Г. Франковского о крестьянской аренде в Курском уезде. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XIX, с. 367—368.
61. Там же, с. 367.
62. С—КИЙ П. Упадок крестьянского хозяйства в общинном землевладении. — Северный вестник. 1886, май, с. 49—52.
63. ЧАСЛАВСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 14.
64. Свод заключений Оренбургского губернского комитета, составленный на основании протоколов его заседаний. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXVII. Оренбургская губерния, с. 84—85.
65. Доклад крестьянской комиссии об арендах — Там же, т. XIX, с. 532—533.
66. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Ук. соч., с. 470.
67. Доклад податного инспектора П.П. Пустовитова о положении крестьянского хозяйства в связи с лежащими на них платежами. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XIX, с. 619—620.
68. КЛИНГЕН И. Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в сельскохозяйственно-статистическом отношении. Харьков. 1882, с. 165.
69. С—КИЙ П. Ук. соч., с. 53.
70. СКВОРЦОВ П. Ук. соч., с. 169.
71. КЛИНГЕН И. Агрономическая помощь удельным арендаторам. — Сельскохозяйственный сборник Удельного ведомства. СПб. 1905, вып. 1, с. 78.
72. СКВОРЦОВ П. Ук. соч., с. 175.
73. Там же, с. 176.
74. Материалы высочайше учрежденной..., ч. III, с. 175—194.
75. Там же, с. 272—273.
76. С—КИЙ П. Ук. соч., с. 54.
77. Доклад курского губернского агронома В.Г. Франковского, с. 368—369.
78. Записка М.М. Устинова, с. 375.
79. Записка члена Высочайше учрежденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности П.П. Семёнова о мелком кредите. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XLI, с. 451—452.
80. Записка кн. Н.С. Волконского о нуждах сельскохозяйственной промышленности и мерах к удовлетворению их. — Там же, т. XLI, с. 243; Доклад С.А. Салова об урегулировании цен на хлеб. — Там же, т. XIV, с. 20; Доклад управляющего имением Шорсы Э.М. Кондрацкого по пункту Е. — Там же, т. XXI, с. 281; Записка В.Р. Лопотта. — Там же, с. 68.
81. Например, в Курской губернии только 54,1% общин имели всю надельную землю на расстоянии не более 3 верст от усадьбы и не испытывали в этом отношении хозяйственных неудобств. Земельные угодья 52,4% общин находились в состоянии межобщинной чересполосицы. См.: Доклад уполномоченного министерства земледелия П.Н. Соковнина, с. 191, 205. Широко была распространена и внутриобщинная чересполосица, причем как в передельных, так и в подворных общинах. Например, у четвертного крестьянина Курской губернии И.П. Волкова 33 десятины земли состояли из 171 куска. См.: Там же, с. 212; Доклад крестьянской комиссии о формах крестьянского землевладения. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XIX, с. 530; Доклад податного инспектора П.П. Пустовитова. — Там же, с. 609; Докладная записка крестьянина Т. Гридина о нуждах крестьян. — Там же, с. 714; Докладная записка крестьянина А.Ф. Сушкова о раздробленности земельных участков. — Там же, с. 715; Доклад земского статистика В. Троицкого об экономическом положении крестьянского населения Горбатовского уезда. — Там же, т. XXIV, с. 301; Записка 19 членов губернского комитета. — Там же, с. 31; Журнал заседания комиссии по правовым вопросам 22 ноября 1902 г. — Там же, с. 411.

82. Краткий перечень причин упадка крестьянского хозяйства. — Там же, с. 21; Доклад Минского уездного предводителя дворянства о нуждах крестьянского сельского хозяйства Н.Г. Матвеева о нуждах крестьянского сельского хозяйства. — Там же, с. 226; Доклад А.А. Скирмунта 2-го по вопросу об облегчении способа обмена земельных участков для устранения чересполосицы. — Там же, с. 322—323; Записка податного инспектора Р.П. Прокофьева. — Там же, с. 150, 153; Доклад податного инспектора П.П. Пустовитова. — Там же, с. 616; Доклад И. Кутлубицкого о нуждах сельскохозяйственной промышленности на надельных землях. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXIV, с. 193; Записка Аксиньинского волостного писаря С.П. Матвеева об упадке сельского хозяйства у крестьян Аксиньинской волости. — Там же, т. XXIII, с. 354.
83. ЛЯЩЕНКО П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Л. 1925, с. 244—246.
84. Доклад Высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. СПб. 1873, с. 35.
85. Доклад земского статистика В. Троицкого, с. 294—295.
86. Доклад Ветлужского уездного комитета, с. 253, 256—257.
87. Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXVII, с. 125, 127.
88. Доклад Высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. комиссии, с. 35—36. См. также: КЛИНГЕН И. Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в сельскохозяйственно-статистическом отношении. Харьков. 1882, с. 134—147; СВИДЕРСКИЙ Ф.И. Ук. соч., с. 32—33.
89. РЯЗАНОВ В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб. 1998, с. 192—193.
90. Материалы высочайше учрежденной ..., ч. III, с. 208, 244.
91. Доклад комиссии о нуждах сельскохозяйственной промышленности, с. 399, 402.
92. Доклад Минского уездного предводителя дворянства, с. 221—223.
93. Доклад землевладельца М.С. Балабанова о мерах и способах поднятия крестьянского сельскохозяйственного промысла. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XIX, с. 291.
94. Доклад Ветлужского уездного комитета, с. 256.
95. Записка бывшего уполномоченного по сельскохозяйственной части Нижегородской губернии В. Садовень о главнейших нуждах крестьянского хозяйства Нижегородской губернии и мерах к их удовлетворению. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXIV, с. 62—63, 72.
96. Доклад земского статистика В. Троицкого, с. 294—295.
97. Записка А.А. Остафьева о главнейших нуждах сельскохозяйственной промышленности (к журналам комитета 25 октября и 6 ноября 1902 г.) — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXIV, с. 473.
98. Доклад Семёновской уездной земской управы. Итоги крестьянского хозяйства по Семёновскому уезду. — Там же, с. 549.
99. Записка 19 членов, с. 37.
100. Там же, с. 33.
101. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899—1901 гг. М. 1901, с. 6.
102. Там же, с. 42.
103. Доклад экономической комиссии Орловского уездного комитета. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXVIII, с. 720—721.
104. ИВАНОВА Н.А., ЖЕЛТОВА В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М. 2004, с. 136.
105. Доклад Высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. комиссии, с. 35.
106. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Экономический строй России. СПб. 1899, с. 68.
107. Департамент окладных сборов, 1863 — 15.IV.1913. СПб. 1913, диаграмма 11.
108. Доклад податного инспектора П.П. Пустовитова, с. 610.
109. Записка 19 членов, с. 648.

110. ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Положение рабочего класса в России. М. 1938, с. 251; ГОЛУБЕВ П.А. Подать и народное хозяйство. — Русская мысль. 1893, кн. VII, с. 20; ТРИРОГОВ В. Община и подать. СПб. 1882, с. 191; Выписка из записки Нижегородской губернской управы в Нижегородский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, с. 53; Записка бывшего уполномоченного по сельскохозяйственной части Нижегородской губернии В. Садовень, с. 70; Доклад земского статистика В. Троицкого, с. 298.
111. Доклад Минского уездного предводителя дворянства, с. 225.
112. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899—1901 гг. М. 1901, с. 8—9.
113. Там же, с. 12, 17.
114. СВИДЕРСКИЙ Ф.И. Ук. соч., с. 32.
115. Доклад Ветлужского уездного комитета, с. 255.
116. НЕРУЧЕВ М.В. Рабочий вопрос в его современном виде. — Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1877, март, с. 136.
117. ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Ук. соч., с. 397.
118. Там же, с. 218.
119. ЛЕНИН В.И. Ук. соч., с. 65, 89.
120. Записка члена Комитета А.А. Филиппова. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. ХLI, с. 364; Доклад управляющего имением Щорсы. — Там же, с. 281.
121. АЛЕКСАНДРОВ Н.М. Ук. соч., с. 12.
122. Доклад П.Д. Хорькова. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. ХIII, с. 133.
123. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 1. СПб. 2004, с. 294, 450.
124. Записка 19 членов, с. 29.
125. Там же, с. 28.

Золотая Орда и народы Северного Кавказа

Х.-М.А. Сабанчиев

Аннотация. В публикации рассматриваются реалии позитивного влияния золотоордынской цивилизации на экономическое, политическое, социальное и культурное развитие народов Северного Кавказа в XIII—XIV вв., характер их взаимодействий. Показаны специфика этнического состава населения, своеобразие золотоордынских городов региона, последствия исламизации северокавказского населения Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, монголы, турки, аланы, черкесы, кипчаки, дагестанцы, экономическое и политическое развитие, христианство, мусульманство, города.

Abstract. We consider the realities of the positive influence of the Golden Horde civilization on the economic, political, social and cultural development of the peoples of the North Caucasus in the XIII—XIV centuries and the nature of their interactions. The specificity of the ethnic composition of the population, the peculiarity of the Golden cities in the region, the consequences of Islamization of the North Caucasian population of the Golden Horde are shown.

Key words: Golden Horde, the North Caucasus, the Mongols, the Turks, Alans, Circassians, Kipchaks, Dagestani, economic and political development, Christianity, Islam, cities.

Обычно создание Золотой Орды как автономного государства внутри Монгольской империи связывают с именем хана Бату, сына Джучи¹. Золотая Орда — общепринятое обозначение северо-западного удельного владения монгольской империи, а также государства, возникшего на основе данного улуса. Это понятие появилось на страницах русских документов в XVI веке. Официальным же наименованием было «Улус Джучи» — по имени первого правителя. Владения Золотой Орды простирались от устья Дуная и Карпат до верховья Иртыша и Алтая. Во второй половине XIII и первой половине XIV в. Золотая Орда становится крупнейшим государственным образованием средневековой Евразии².

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru.

Sabanchiev Khadzhi-Murat A. — doctor of historical sciences, professor of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru.

Основу населения Золотой Орды составляли покоренные монголами тюрко-финно-угоро-славянские народы Средней Азии и Восточной Европы. На юге империи было немало представителей кавказско-иберийских и ираноязычных народов. Среди полиэтничного населения Золотой Орды доминирующее положение занимали тюркоязычные этносы — носители кипчакских и частично огузских наречий³.

За период своего существования Золотая Орда оказала значительное влияние на политическое, экономическое, культурное и этническое развитие входивших в ее состав народов.

Профессор М. Крамаровский писал: «Определяющей тенденцией развития Золотой Орды оказалось стремление к объединительным процессам, часто насильственным. Шли они внутри разных этнических групп одновременно на нескольких уровнях: консолидация, ассимиляция, интеграция. В процессах консолидации участвовали родственные по языку и культуре народности преимущественно тюрко-монгольской группы. В ассимилятивных процессах преобладающее значение получили кипчаки европейской зоны степей. Интеграция различных по своим языковым и культурным признакам этносов привела к появлению в Дешт-и-Кипчак новой этнополитической общности — золотоордынской. Речь при этом идет не о едином этносе, а об этническом конгломерате, собирательном образе “огосударственного” населения. Монголы составили в этой среде этническое меньшинство: в Дешт-и-Кипчак пришла армия, а не народ»⁴. Особенностью становления и развития Золотой Орды как империи было то, что она, являясь объединенным силой оружия союзом различных народов, имевших свои культурно-исторические традиции, по прошествии определенного времени создала особую цивилизационную модель, с общим историко-культурным наследием которой многие народы современности связывают свое прошлое⁵.

Земли Северного Кавказа после монгольских походов 20—30-х гг. XIII в. вошли в состав Золотой Орды. Только территории к югу от Дербента (Южный Дагестан) попали под власть ильханов — Хулагуидов.

По своему этническому составу население Северного Кавказа было довольно пестрым. Наиболее многочисленными этническими группами были аланы, адыги, дагестанцы (лестги), вайнахи и тюркоязычные кипчаки, обитавшие на обширных пространствах Дешт-и-Кипчака, в том числе в степях Северного Кавказа. В социальном отношении эти народы находились на разных уровнях развития: одни — на догосударственном с институтами военно-демократического характера, другие — в процессе создания ранней государственности⁶. Они занимались скотоводством, земледелием, охотой, ремеслом и торговлей. В золотоордынских владениях на Северном Кавказе встречались армяне, грузины, евреи, выходцы из Руси и кочевое население (монголы, черные клобуки, борганы). Оседлые и кочевые жители городов и поселений стали активными участниками этнокультурных и этнополитических процессов, определивших тенденции дальнейшего развития края⁷.

Основой административно-территориального деления золотоордынского государства была улусная система. «Сущность ее составляло право феодалов на получение от хана определенного удела — улу-

са, за что владелец его принимал на себя определенные военные и экономические обязательства»⁸. Согласно сведениям итальянского монаха Плано Карпини, Северный Кавказ в 40-х гг. XIII в. представлял собой седьмой улус Золотой Орды, который был отдан Бату-ханом под управление своего брата Берке⁹. Территория его находилась в северокавказских степях, где лежал торговый караванный путь — через дербентский проход на Средний Восток. Во главе улуса стоял наместник хана, обладавший всей полнотой исполнительной и судебной власти. В обязанности чиновников рангом ниже входило проведение переписей населения для налогообложения, контроль за лояльностью местных правителей, надзор за поведением подчиненного населения и сбор его в ополчение по приказу из центральной ставки хана. Размеры и сроки взимания налогов и дани, распределение пастбищ и прочие хозяйственные вопросы тщательно фиксировались в особых книгах, которыми ведали специальные чиновники. Ордынский чиновник Аргун в 1256 г. произвел первую перепись населения Северного Кавказа¹⁰.

Главной статьей доходов в Золотой Орде были торговля и таможенный сбор, который не превышал пяти процентов от стоимости товаров. Но казна пополнялась и за счет налогов. Так, «татарская десятина» — это минимальная налоговая ставка, десятая часть скота, зерна, а потом и денег, которую следовало отдавать в общегосударственную казну. Было несколько видов дани: «дань кровью», то есть людьми, в виде девушек для гаремов, отработочной ренты и других¹¹. Кроме того, местное население облагалось повинностью, включавшей предоставление лошадей для нужд почтовой станции¹².

По требованию золотоордынских ханов, покоренные народы предоставляли им войска для службы. Современники отмечали, что в золотоордынских войсках находились русские, аланские, черкесские и кипчакские отряды, участвовавшие в военных походах. Полководцы и воины из их среды стали одной из самых боеспособных сил Золотой Орды¹³.

Жизнь государства и общества регулировала Великая Яса (в дословном переводе — «Великий» или «Основной Закон»), представлявшая собой свод законов и воинский устав и являвшаяся важным идеологическим документом. Она состояла из двух частей — собственно Ясы и Билика. Яса включала 58 статей административного, уголовного, гражданского и семейного права с установлением соответствующего наказания за их неисполнение. Билик (мудрость) представлял собой сборник изречений и воззрений Чингисхана, составлявших теоретическую часть свода из 30 статей¹⁴. Чингисхан лично продиктовал все пункты этого свода законов и повелел: «Знай и делай!» В Ясе содержалось узаконение о том, что все веры без различия должны быть терпимы и что служители всех религий, как посредники в общении с Всевышним, должны быть освобождены от всяких податей и налогов.

Большинство жителей Золотой Орды в XIII в. оставались язычниками и исповедовали веру в Тенгри. Ордынский хан Берке получил мусульманское воспитание и при нем была предпринята первая попытка внедрения в Золотой Орде ислама. В 1314 г. хан Узбек объявил ислам официальной религией своего государства. Новые каноны

утверждались различными способами, включая и меры исключительные. Так, Узбек-хан «умертвил нескольких эмиров и знатных лиц и убил множество вельмож», отказавшихся принимать ислам. Исламизация осуществлялась и через среднеазиатских переселенцев — духовных лиц, проповедников, знатоков права. Благодаря их активной деятельности создавалась разветвленная сеть мусульманских учреждений, строились мечети и формировались религиозные общины. В результате Улус Джучи превратился в мусульманский султанат¹⁵. Единая религия сплотила подданных вокруг хана, приобщила тюрко-монголов к достижениям мусульманской науки¹⁶. Хан Узбек высоко ценил ученых, строил мечети и медресе, тратил большие средства на благотворительность. Вместе с мусульманской религией правящий двор Золотой Орды воспринял и восточную городскую культуру.

Оказавшись оторванными от метрополии, правители Золотой Орды считали необходимым ограничить произвол и дать возможность оседлому населению и жителям городов накопить имущество, восстановить хозяйство, создав таким образом основу для систематического налогового обложения¹⁷. Власть монголов над населением в большинстве покоренных земледельческих областей в конце концов оказалась опосредованной местной феодальной верхушкой. По словам египтянина ал-Омари, на Северном Кавказе монголы сохранили «местных царей... у алан и черкесов», признавших их власть.

Проживавшие в горах и предгорьях аланы и черкесы, хотя и были включены в состав Золотой Орды, но имели некоторую автономию и постоянно тревожили набегами близлежащие золотоордынские владения. В течение многих лет монголы были вынуждены держать «на земле асов» свои гарнизоны. Посол французского короля в Монголии Гильом де Рубрук, посетивший в 1253 г. владения Бату, писал: «Аланы на этих горах все еще не покорены. Так что из каждого десятка людей Сартаха (сына Бату-хана и наследника трона Золотой Орды. — *Х.-М.С.*) двоим надлежало караулить ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»¹⁸. Если же учесть, что Северный Кавказ при Бату-хане стал частью личного домена золотоордынских ханов, то правители Золотой Орды были заинтересованы в установлении здесь спокойствия¹⁹. Ханская администрация добивалась лояльности местных правителей в обмен на признание их сословных привилегий, но исключительно на правах сюзеренитета-вассалитета. Процесс сохранения, а затем и формирования прозолотоордынской социальной элиты на Северном Кавказе был призван гарантировать стабильность политической обстановки в регионе. С помощью правителей — аланов и черкесов — монголы влияли на других горцев Северного Кавказа; пытались через них опосредовать свою власть в приграничье с хулагуидскими владениями²⁰.

Улусы Джучи и Хулагу почти столетие (1262—1357 гг.) вели между собой ожесточенную борьбу за контроль над Восточным Кавказом и Закавказьем. Ее прямым следствием было установление Золотой Ордой тесных связей с мамлюкским Египтом. Свою роль в этом сыграли принятие ислама в Орде и сильные позиции в этом государстве кипчаков и черкесов-бурджитов, выходцев из Северного Кавказа²¹. Начиная с 1261 г., стороны обменивались посольствами, а в 1263 г. султан Бейбарс и хан Берке заключили первый альянс против хулагуидского Ирана²².

Укрепившаяся местная аристократия Северного Кавказа, поддерживавшая Золотую Орду, при случае предпочитала становиться союзником ее противников — Хулагуидов Ирана. В 1278 г. Хулагуиды вступили в тайный сговор с горцами Восточного Кавказа и аланами, спланировав совместный поход через Дербентский и Дарьяльский проходы вглубь Северного Кавказа. По мнению Е.И. Нарожного, штурм, захват и грабеж ханом Менги-Тимуром в феврале 1278 г. города Дедякова был не только упреждающим ударом, но и показательной-устрашающей акцией против своеволия аланской аристократии ²³.

В Улусе Джучи выходцы из Северного Кавказа жили и за пределами родных гор. Магрибский путешественник Ибн Баттута сообщает о кварталах асов и черкесов в столице Золотой Орды — Сарае. Известно об аланских и черкесских общинах в подвластном Улусу Джучи Крыму. В их среде сформировалась определенная чиновничья прослойка, возвысившаяся на золотоордынской службе. Плано Карпини в 1246 г. побывал в русском селении, где начальником был алан Михай. Черкес Зихабей являлся наместником в Тане ²⁴.

В условиях относительно мирной обстановки второй половины XIII и первой половины XIV в. возобновилась хозяйственная жизнь. Согласно арабскому летописцу ал-Омари, черкесы и асы (аланы) — это «жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (то есть водится скот. — *Х.-М.С.*), текут реки и добываются плоды...» ²⁵

На Северном Кавказе золотоордынского времени основным занятием населения оставались земледелие и скотоводство. Источники свидетельствуют, что сельское хозяйство в некоторых районах Северного Кавказа было высокопродуктивным, в особенности производство зерновых. Зерно стало одной из важнейших статей торговли с причерноморскими итальянскими колониями, через Кафу вывозилось в Трапезунд и Самсун, реализовывалось в Крыму ²⁶.

Оживление экономики равнинной и предгорной зон Северного Кавказа происходило в первой половине XIV века. Регион стал второй после Поволжья хлебной житницей Золотой Орды, активно развивалось скотоводство. Горцы разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз. Северный Кавказ, славившийся своими аргамаками, был одним из коневодческих районов Золотой Орды. Пастбища Северного Кавказа использовались ордынцами под зимние стойбища. Здесь устанавливались хозяйственно-культурные и экономические взаимоотношения с местным населением. Горцы и степняки обменивались знаниями, опытом ведения хозяйства, делились достижениями в улучшении пород скота, его скрещивании. На наличие на Кавказе особой породы скаковых лошадей, возникшей в результате скрещивания местной и знаменитой среднеазиатской ахалтекинской породы, указывает Ю.А. Прокопенко ²⁷.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство дополнялось домашними промыслами. Ремесленное производство продолжало традиции домонгольского периода. Больших успехов достигла обработка металла, дерева, кожевенное и шерстяное производство. Значительное место отводилось ювелирному и оружейному делу. Интересно свидетельство Рубрука об аланах, как искусных ремесленниках и оружейниках: «И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих

оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами»²⁸.

Изделия прикладного творчества горцев представляли собой причудливое сочетание разных культур. Поразителен серебряный кубок из Белореченского кургана Кубани. Внутри него над дном находится ажурная решетка с возвышающейся посередине фигуркой птицы. Когда в кубок наливалась жидкость, создавался эффект плывущей по воде птицы, а мелкий орнамент серебряной сетки вибрировал под колеблющейся поверхностью вина²⁹.

Широкое распространение получило мастерство камнетесов. До наших дней в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Балкарии, Карачае и Осетии сохранились памятники каменного зодчества: башни, крепости, мавзолеи и надмогильные сооружения.

С установлением стабильности и спокойствия в Улусе Джучи возобновился торговый путь через Дербент на Ближний Восток. На Северный Кавказ товары направлялись по Чёрному, Азовскому и Каспийскому морям, Волге и сухопутными путями. В конце XIV в. хан Менгу-Тимур позволил итальянским коммерсантам из Генуи обосноваться в Крыму, и там поднялись их торговые города. Только на восточном побережье Чёрного и Азовского морей в XIV в. существовало 39 таких поселений. Административным центром всех мелких факторий был город Кафа. Отсюда вывозилось в Италию различное продовольствие и сырьё, а в обмен итальянцы предлагали ткани и ремесленные изделия из стекла, металла, кожи. Крупная итальянская торговая колония Тана располагалась в устье Дона у золотоордынского города Азака. Здесь сходились водные и караванные пути из столицы Золотой Орды, Руси и Северного Кавказа³⁰. Предметами вывоза с Северного Кавказа были самшит, скот, лошади, мех, шерсть, различные сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия. Рабы и, в особенности, рабыни являлись немалой ценностью для ордынских хозяев и перепродавались ими с большой выгодой купцам-работорговцам³¹. Большинство невольников продавались в мусульманские страны, преимущественно в Египет, где многие из мужчин становились воинами-мамлюками в гвардии султана³².

Международная торговля приносила ханам огромный доход, поэтому они старались сделать дороги и рынки безопасными для купцов. Территорию страны монголы связали почтовой связью (ямная служба), учредили новую торговую пошлину — тамгу и получали немалые доходы с покоренного населения. Для иностранных купцов, торговавших с Золотой Ордой, был составлен даже специальный словарь — «Кодекс Куманикус». Он содержал параллельный перевод слов и фраз на персидский, латинский и половецкий языки. Торговые доходы и налоговые поступления обеспечили приток серебра для денежной реформы 1310—1311 гг., в ходе которой в Золотой Орде впервые была введена единая собственная монета — сарайский дирхем³³.

Нашествие монголов нанесло страшный удар по людским ресурсам края. В результате значительно возросла хозяйственно-экономическая роль зависимых людей и рабов-пленников. Плано Карпини сообщает в своих записках, что при взятии осажденного города «тата-

ры спрашивают, кто из них (жителей) ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают»³⁴.

Мастера различных специальностей нужны были Орде для строительства городов, зданий, для изготовления оружия, украшений, керамики — всего того, чем впоследствии был знаменит Улус Джучи. В создании урбанистических центров Золотой Орды, ее пестрой и яркой материальной культуры был использован способ принудительной концентрации ремесленников из разных стран³⁵.

Кроме того монголы использовали пленных мужчин, годных к военной службе. Плано Карпини писал, что «люди собираются на войну со всякой земли державы татар»³⁶. По требованию золотоордынских ханов покоренные народы предоставляли им воинов. Многие из них оседали в золотоордынских городах.

Захваченных в рабство использовали и для домашних работ, здесь особенно ценились черкешенки и русские женщины. В 1465 г. некая флорентийская синьора писала сыну: «Раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню:... какую-либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся здоровьем и силой, или русскую, которые выдаются красотой и сложением»³⁷.

Сразу же после стабилизации политической ситуации правители Золотой Орды стали проводить активную градостроительную политику. Заметное оживление в этой области произошло при хане Берке. Города, разрушенные в период военных действий в оседло-земледельческих районах, были восстановлены. Взлет золотоордынского градостроительства и архитектуры произошел в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке³⁸. Наиболее урбанизированными областями являлись Хорезм, Поволжье, Северный Кавказ и Крым.

Появление городов у монголов явилось следствием образования государства и формирования его внутренней политической и экономической структуры. Изменения в жизни кочевого общества требовали создания стационарных центров, где сосредоточивался управленческий чиновничий аппарат, связанный со сбором налогов и дани, приемом многочисленных послов, ведением дипломатической переписки и т.п. Развитию городов в Золотой Орде способствовало также принятие новой религии — ислама. Развернулось возведение различных культовых сооружений и духовных школ³⁹.

В домонгольский период единственным городом на Северном Кавказе был Дербент. При господстве Золотой Орды появились крупные города и целые оседлые районы. На первом этапе города строились как центры региональной власти для обслуживания интересов кочевой элиты и богатого купечества⁴⁰.

Своего рода административным центром всего северокавказского региона был город Маджар. Он располагался на реке Куме, на месте нынешнего г. Буденновска. Город был построен в первой половине XIV в. на пересечении торговых путей, соединявших центр Золотой Орды с Кавказом и западными районами, Азаком и городами Крыма. Наивысшего расцвета Маджар достиг во время правления Узбека и Джанибека. Ибн Баттута описывал Маджар как «город большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами»⁴¹. Население было полиэтничным и поликонфессиональным, но основными жителями являлись кипчаки. Кроме

того, здесь проживали монголы, выходцы из Средней Азии, Ирана, Руси, Волжской Булгарии. Значительную часть жителей составляли мусульмане, многочисленным было и христианское население. Результатом полиэтничности явилось смешение культурных традиций и возникновение новой синтетической городской культуры, характерной для большинства городов Золотой Орды ⁴².

В Маджаре, как и в других золотоордынских городах, было множество культовых и общественных зданий — мавзолеев, мечетей, церквей и жилых домов, сооруженных из жженого кирпича и камня, украшенных разноцветными изразцами. Жители города занимались ремеслом и сельским хозяйством. Было развито гончарное производство, резьба по камню, металлообработка, кожевенное производство и обработка шерсти ⁴³.

На высоком уровне находилось городское хозяйство. Археологами выявлены остатки ремесленных мастерских, общественной бани и водопровода, снабжавшего население водой по керамическим трубам.

Город был крупным торговым центром, стоявшим на шелковом пути, проходившем через Северный Кавказ в богатую Византию. О развитии внешней торговли свидетельствуют находки монет из русских княжеств, Византии, Закавказья, Ирана, Средней Азии, Китая и Индии ⁴⁴. На базары Маджара свозились продукты экспорта со всего Северного Кавказа. О важном политическом и экономическом значении города свидетельствует то, что он имел право чеканить свои монеты.

Маджар также являлся центром мусульманской культуры. Здесь было множество культовых зданий. Ибн Баттута посетил в Маджаре соборную мечеть и скит. Для захоронения наиболее знатных жителей возводились мавзолеи (около 50). Архитектурные формы некрополя характерны для различных регионов Средней Азии. На тесную связь с другими мусульманскими странами указывает распространение арабской письменности, образцы которой прослеживаются на многочисленных эпиграфических памятниках ⁴⁵.

У балкарцев и осетин-дигорцев были популярны этногенетические предания, согласно которым их предки являются выходцами из местности Маджар. Причем в этих преданиях они связывали с маджарцами не только предков, но и родоначальников феодальных династий балкарцев и дигорцев — братьев Басията и Бадината. Исследователи маджарского цикла балкарского и осетинского фольклора полагают, что, поскольку ассимилировавшие алан кипчаки были выходцами из Предкавказской степи, главным городом которой стал к тому времени Маджар, то закономерным следствием этномиксации явилось появление нового «проэтноса», известного в устной традиции народов региона под именем «маджары» ⁴⁶. Но это было не единственным наименованием рассматриваемой общности. Некоторые авторы склонны полагать, что понятие «маджар» и «малкъар» этимологически равнозначны. При этом они исходят из того, что один из легендарных предков балкарцев по имени Малкъар фигурирует в преданиях как пришелец с равнины, из местности Маджар. Но в XIV столетии оба эти наименования могли обозначать одну и ту же общность — смешанное алано-кипчакское население плоскостной Алании.

Судя по преданиям, продвижение маджарцев в горы было постепенным. Вначале они пришли из степи в предгорья, где обитали вплоть

до появления кабардинцев на Центральном Кавказе, а затем стали продвигаться в высокогорную зону, где ассимилировали остатки горных алан. Арабский географ XIV в. Абу-л-Фида называл алан «народом тюркской расы», а по словам Иоганна Шильтбергера, побывавшего в городе Татартупе в самом начале XV в., местные христианские священники проводили богослужение на «татарском» языке ⁴⁷.

В золотоордынское время на берегу р. Терек близ нынешнего г. Майского появился город Нижний Джулат. Он возник на месте небольшого аланского поселения более раннего времени. Одним из основных факторов, способствовавших интенсивному развитию и росту Нижнего Джулата явилось его выгодное географическое положение близ места пересечения важнейших военно-торговых путей из Приазовья и Восточного Причерноморья в Дербент и из Юго-Восточной Европы через Дарьял в Закавказье. Основу хозяйства жителей как в домонгольский, так и в золотоордынский период составляли земледелие и скотоводство. Нижний Джулат входил в систему поселений, которая к XIV в. превратилась в один из крупнейших земледельческих районов Северного Кавказа ⁴⁸.

Город являлся центром керамического производства. Существовали металлургические и металлообрабатывающие мастерские. О ткачестве свидетельствуют находки различных пряслиц. В золотоордынское время усовершенствовалась техника металлургического производства, прядение и ткачество получили дальнейшее развитие. Наличие импортных предметов и нумизматический материал свидетельствуют о широких торговых связях. Некоторые из монет были отчеканены в Крыму и Сараях ⁴⁹.

В конце XIII—XIV в. религиозным и административным центром стала территория цитадели Нижнего Джулата. Здесь находились мавзолеи и крупнейшая на Северном Кавказе соборная мечеть. Свод мечети поддерживался 48 колоннами, стоявшими в четыре ряда. Под полом строения находился подземный склеп-мавзолей, где было погребено несколько знатных людей ⁵⁰. Мечеть являла собой типичный образец культовых построек Золотой Орды. Нижний Джулат был одним из опорных пунктов распространения ислама, центром ремесла и торговли.

Третьим крупным городом золотоордынского времени являлся Верхний Джулат или Татартуп (Татарский стан). Он располагался близ современного с. Эльхотова. Верхний Джулат стал быстро разрастаться на основе крупного аланского городища. Здесь продолжали проживать кавказские народы и сохранялась местная традиционная культура. На небольшой площади археологами выявлены остатки трех мусульманских мечетей с минаретами и трех христианских храмов, сложенных из квадратного кирпича стандартных размеров ⁵¹. Церкви размещены на окраинах города, тогда как мусульманские памятники тяготеют к центральной городской площади, вымощенной булыжником. Это свидетельствует о том, что центр города был заселен господствующей мусульманской прослойкой золотоордынцев ⁵². Одна из мечетей была открыта у основания известного татартупского минарета — единственного историко-архитектурного памятника XIV в. эпохи Золотой Орды на Северном Кавказе. О выдающемся значении Верхнего Джулата в средневековой истории народов Центрального

Кавказа говорит и то, что его развалины являлись местом особого почитания и суеверного поклонения балкарцев, кабардинцев, ногайцев, осетин⁵³. В XIV в. Верхний Джулат стал крупным экономическим центром Северного Кавказа. Одновременно город был опорным пунктом для монгольского гарнизона, охранявшего выход на равнину из Дарьяльского ущелья, а также Эльхотовские ворота⁵⁴.

Северокавказские города являются ярким отражением различных вариантов возникновения и развития урбанистических центров в Золотой Орде. Ордынцы объективно способствовали их росту. Города обеспечивали возможность политического и идеологического воздействия со стороны Золотой Орды на местное население⁵⁵.

Все золотоордынские города Северного Кавказа располагались близ трассы крупного торгового пути, шедшего из Грузии к золотоордынским центрам Поволжья и Сараю — столице монгольских ханов. Поэтому Орда была заинтересована в росте и укреплении своих опорных пунктов в Предкавказье.

Города Маджар, Нижний и Верхний Джулат, Азак, Кафа стали местами концентрации, переработки и перераспределения основной массы продуктов и товаров дальнего импорта.

Отличительная особенность всех золотоордынских городов — это этническая пестрота населения. В 30-х гг. XIV в. в столице Золотой Орды существовали черкесский, аланский и кипчакский кварталы. Наряду с ними в золотоордынских городах проживали русские, армяне, персы, а также выходцы из Западной Европы, Хорезма и арабских стран. М. Крамаровский указал на важную особенность — отсутствие в городах империи расовой или религиозной сегрегации⁵⁶. Естественно, в этих условиях происходило взаимообогащение культурных традиций.

Господствующим классом в Золотой Орде являлись монгольские феодалы и военно-служилая знать кипчаков. Собственно монголы в Орде оказались в меньшинстве и растворились в преобладающей массе кипчаков, о чем достаточно красочно в 40-х гг. XIV в. писал ал-Омари: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кипчаки»⁵⁷. Возможно речь идет и об изменении физического облика монголов под влиянием кипчаков, во внешности которых преобладали европейские черты.

Процесс этномиксации затронул и Северный Кавказ. Поскольку основным населением Орды были половцы, то начался неизбежный процесс кавказско-кипчакского этнического симбиоза и синтеза. Мощная миграция кипчаков с предгорной равнины в горы после нашествий монголов и Тимура была последним импульсом в тюркизации части автохтонов Северного Кавказа.

В XIV в. основным языком общения в степи и городах Золотой Орды были различные диалекты кипчакского языка. Этот язык, известный под названием «тюрки», стал деловым, политическим и официальным литературным языком государства⁵⁸. Ордынская духовная элита обращала особое внимание на развитие тюркского языка и письменности. Самыми значительными тюркоязычными литературными

памятниками XIII—XIV вв. являются «Мухаббат-намэ» ал-Хорезми и «Китаби Гюлистан» Сейфа Сараи. Достаточно полные сведения о кипчакском языке содержатся в половецко-персидско-латинском словаре «Кодекс Куманикус». Тот факт, что при хане Тохтамыше кипчакский язык стал официальным языком Улуса Джучи, имел чрезвычайно важное значение в судьбах тюркоязычных народов. Это привело к унификации и своеобразной нивелировке всех тюркских языков и наречий⁵⁹.

Все это способствовало окончательной тюркизации предков современных тюркских народов Северного Кавказа, говорящих на языках кипчакской группы: карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев. Неудивительно, что языки этих народов состоят в близком родстве с языком кипчаков. Об этом свидетельствует и «Кодекс Куманикус», составленный в 1303 г. и предназначенный для европейских купцов, торговавших с Ордой. Кипчакские слова и выражения обнаруживают большое сходство с языком карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев. О том же говорит и сам факт принадлежности этих языков к кипчакской группе тюркских языков⁶⁰. Этнографический материал позволяет констатировать наличие тюркских элементов почти во всех сферах материальной и духовной культуры этих этносов — жилищном зодчестве, национальном костюме, быту, декоративно-прикладном искусстве, языческом пантеоне, фольклоре и т.д.

В золотоордынскую эпоху был дан импульс возникновению на Северном Кавказе новых этнополитических сообществ. Рассмотренные выше этнокультурные и этноязыковые процессы привели к образованию балкарцев и карачаевцев. В XIII—XIV вв. окончательно оформился этнический тип и основные черты культуры и быта осетин и вайнахов. После нашествия Тимура начался процесс обособления восточных адыгов в отдельную народность — кабардинцы⁶¹.

Золотоордынский период был временем распространения исламской религии, обрядности и культуры среди горцев Северного Кавказа. До прихода монголов мусульманство в регионе присутствовало только в Дагестане. В XIV—XV вв. ислам стал распространяться на Центральном и Северо-Западном Кавказе, где до этого господствовали языческие культы и христианство православного толка. Аланская епархия действовала на Кавказе до 1366 г., а зихская — до 1398. Хан Узбек не был религиозным фанатом и демонстрировал толерантность к различным религиям. Об этом свидетельствуют археологические и письменные источники, описывающие наличие православных церквей в Маджаре, Верхнем Джулате, Азаке и на Тамани.

Правители Золотой Орды поддерживали мусульманское духовенство Северного Кавказа, жертвовали средства на строительство зданий для религиозной практики и обучения, обеспечивали их исламскими учеными. Ибн Баттута упоминает соборную мечеть г. Крыма, которую хан Узбек построил в 1314 г., рассказывает об ученых, читавших проповедь, включая юриста и профессора из алан. В Азаке он встречал религиозного судью и студентов, в Маджаре остановился в странноприимном доме шейха из Ирака⁶². Некоторые из священнослужителей принадлежали к местным этническим группам, получившим образование в мусульманских центрах прибрежной полосы Се-

верного Кавказа ⁶³. В XIV в. были сооружены мечети в Маджаре, местности Татартуп, в городище Нижний Джулат и других местах.

Исламизация края сопровождалась формированием новых социальных прослоек и групп населения. В источниках упоминаются эмиры, шейхи, муфтии, кади и т.д. В золотоордынское время суд стал носить прецедентный характер. Высшей судебной инстанцией при рассмотрении уголовных, административных и религиозных правонарушений являлись кади (судья) и эмир. Ибн Баттута сообщает о разделении обязанностей между участниками суда: «Что касается к делам религиозным, то решает кади, другие же [дела] решают эти эмиры» ⁶⁴.

В Золотой Орде и на подвластных территориях существовала практика приспособления монгольского закона Ясы к мусульманскому праву — шариату. В нем были кодифицированы нормы построения жизненного пути мусульманина от рождения до смерти и даны нормы права, морали, религии и т.д. На Северном Кавказе получила распространение практика разделения компетенции шариата и правовых обычаев, к которым при некоторых условиях можно отнести и Великую Ясу. Примерно с середины XIV в. мусульманское право вытеснило монгольское, и основным источником права стал Коран. Е.И. Нарожный, анализируя сложившуюся ситуацию, писал: «Усиление роли ислама в государственной жизни, активное расширение мусульманской элиты, особенно на местах, вероятно, приводило и к увеличению роли мусульманского права и судопроизводства, естественно, вытеснявшего старые, монгольские принципы системы организации и управления обществом, на новые. Преобладающая роль ислама, вероятно, должна была означать полное вытеснение или же — утрату опоры на “Великую Ясу”» ⁶⁵.

Общественную жизнь мусульман наряду с шариатом регулировали нормы обычного права — адата. Поэтому в монгольское время получил развитие правовой плюрализм, то есть одновременные действия в едином правовом пространстве шариата и обычного права. На практике шариатский суд старался не вмешиваться в решения, принятые по обычному праву ⁶⁶.

В новые времена у народов Северного Кавказа имена эпических героев связывались с историческими персонажами века: Чингисханом — крылатый Хьандзаргас, Бату-ханом — Сайнаг (от Саин-хан), Берке-ханом — Балгеа, темником Ногаем — Нокай. В Ногайской орде сложилось сказание об Идиге — Едигее, «татарском хане» ⁶⁷. Но главным было сохранение лучшего из богатого устного наследия, созданного в домонгольский период, и, прежде всего, основных циклов нартского эпоса.

Особый след в устном творчестве горцев оставили опустошительные нашествия монголов и Тимура. До сих пор народная память хранит предания о борьбе с чужеземными поработителями, конкретно привязывая отдельные события прошлого к той или иной местности ⁶⁸.

Влияние Золотой Орды отчетливо прослеживается и в генеалогических преданиях горцев о происхождении влиятельных фамилий. Значительная часть феодальной элиты народов Северного Кавказа ведет свое происхождение от выходцев из Орды и деятельностью выдающихся предков объясняет разделение общества на сословия, обосновывая политические функции аристократических фамилий ⁶⁹.

Существовавшие у тюрко-монголов обычаи не отпускать на сторону вдову с сыновьями, заботиться о них, традиция совместного проживания постаревших родителей с младшим сыном, которому и доставался дом и двор, — о чем писал Рубрук, — находит аналогии и в семейном быту народов Северного Кавказа⁷⁰.

Таким образом, помимо разрушительных последствий монгольского завоевания, вхождение Северного Кавказа в состав Золотой Орды имело и определенные положительные стороны. В истории народов Северного Кавказа это был первый опыт многовекового общежития в составе мировой империи. В XIII—XIV вв., несмотря на разорительное нашествие монгольских феодалов и их гнет, шел постепенный процесс экономического и культурного возрождения народов региона и развития феодальных отношений. Введение ислама благотворно отразилось на общем уровне культурной жизни. Золотоордынские города края стали крупными культурными центрами, средоточием исламской учености и премудрости. Многонациональный состав населения, обширные международные связи Золотой Орды способствовали тому, что культура народов Северного Кавказа испытала на себе влияние культур народов Поволжья, Средней Азии, Закавказья, Ирана. Значимы последствия золотоордынской эпохи в этнической и политической истории Северного Кавказа. Мощь централизованного и сильного золотоордынского государства, развитая система управления, общеизвестная веротерпимость — все это способствовало политической и экономической стабильности в регионе, подъему производительных сил, развитию торговли и ремесел. Однако процесс политико-экономического возрождения Северного Кавказа в золотоордынский период был прерван вторжением среднеазиатского эмира Тимура.

Примечания

1. РАХМАНАЛИЕВ Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. М. 2015, с. 338.
2. ГРЕКОВ Б.Д., ЯКУБОВСКИЙ Я.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950.
3. ЕГОРОВ В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 1985, с. 155.
4. КРАМАРОВСКИЙ М. Великая Орда Златая. Улус Джучи как цивилизация. — Родина. 2003, № 11, с. 62.
5. СИБАГАТУЛЛИН Ф.С. Татары и евреи. Казань. 2013, с. 349.
6. КАДЫРБАЕВ А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в эпоху Золотой Орды. В кн.: История татар с древнейших времен. Т. 3. Казань. 2009, с. 486.
7. НАРОЖНЫЙ Е.И. Северный Кавказ в XIII—XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Владикавказ. 2007, с. 32.
8. ЕГОРОВ В.Л. Ук. соч., с. 163.
9. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М. 1957, с. 117.
10. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л. 1941, с. 22.
11. История Осетии. Т. 1. Владикавказ. 2012, с. 310.
12. ГМЫРЯ Л. Восточное Предкавказье в XIII—XIV вв. — История татар..., т. 3, с. 499.
13. ВЕРНАДСКИЙ Г. Монголы и Русь. Тверь. 1977, с. 298.
14. ХАРА-ДАВАН Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста. 1991, с. 136—145.
15. ТРЕПАВЛОВ В.В. Золотая Орда в XIV—XV веках. — Преподавание истории в школе. 2004, № 2, с. 26.

16. АЛИ-ЗАДЕ А. Хроника мусульманских государств I—VII веков хиджры. М. 2007, с. 376.
17. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973, с. 87.
18. Путешествия в восточные страны..., с. 186.
19. ЕГОРОВ В.Л. Ук. соч., с. 194.
20. НАРОЖНЫЙ Е.И. Ук. соч., с. 17.
21. КАГАЗЕЖЕВ Ж.В. Черкесия в эпоху князя Инала и его ближайших потомков (XIV — первая половина XVI в.). Нальчик. 2013, с. 60.
22. Золотая Орда в мировой истории. Казань. 2016, с. 335.
23. НАРОЖНЫЙ Е.И. Ук. соч., с. 22.
24. КАДЫРБАЕВ А. Ук. соч., с. 491.
25. Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Т. 1. М. 2003, с. 103.
26. ГУТНОВ Ф.Х. Монгольские походы на Северный Кавказ. — Кавказский сборник. Т. 6 (38). М. 2010, с. 40.
27. ПРОКОПЕНКО Ю.А. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье. — Из истории земли Ставропольской. Ставрополь. 1996, с. 31.
28. Путешествия в восточные страны..., с. 165.
29. ГОРШКОВА В. «Клейменный» Фёдор князь. — Родина. 1997, № 3—4, с. 68.
30. ЕГОРОВ В. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... — Там же, с. 76.
31. ПУШКАРЁВА Н. Полонянки. — Там же, с. 59.
32. История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1988, с. 204.
33. ТРЕПАВЛОВ В.В. Ук. соч., с. 25.
34. Путешествия в восточные страны..., с. 54.
35. ПОЛУБОЯРИНОВА М. Русские в Золотой Орде. — Родина. 1997, № 3—4, с. 53—54.
36. Путешествие в восточные страны..., с. 55.
37. ЛУЧИЦКИЙ И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV—XV вв. Киев. 1886, с. 41.
38. ЕГОРОВ В.Л. Историческая география..., с. 78.
39. Там же, с. 168—169.
40. КРАМАРОВСКИЙ М. Город и городская жизнь в Золотой Орде. — История татар..., т. 3, с. 575.
41. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб. 1884, с. 287.
42. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик. 2015, с. 60.
43. Там же, с. 35—38.
44. ПАЧКАЛОВ А.В. Иноземные монеты на Маджарском городище. — Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа»). Тезисы докладов. Владикавказ. 2008, с. 78.
45. Маджар и Нижний Джулат, с. 60.
46. См.: БАТЧАЕВ В.М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? — Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск. 1988, с. 160—177; ЕГО ЖЕ. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа истории Северного Кавказа). — Проблемы этнографии осетин. Владикавказ. 1992, с. 86—99; ГУТНОВ Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе. 1988; МАЛКОНДУЕВ Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV—XVIII века). Нальчик. 2015.
47. ШИЛЬТБЕРГЕР И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку. 1984, с. 34.
48. Маджар и Нижний Джулат, с. 140.
49. Там же, с. 139.
50. История Северного Кавказа..., с. 200.
51. КУЗНЕЦОВ В.А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик. 2014, с. 7.
52. История Осетии, т. 1, с. 314.
53. История Северного Кавказа..., с. 201.
54. История Осетии, т. 1, с. 314.

55. Маджар и Нижний Джулат, с. 178—179.
56. КРАМАРОВСКИЙ М. Город и городская жизнь..., с. 589.
57. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Ук. соч., т. 1, с. 235.
58. ХАЛИКОВ А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань. 1978, с. 90; Золотая Орда в мировой истории, с. 218.
59. УЛАКОВ М.З. Очерки истории карачаево-балкарского языка. Нальчик. 2005, с. 58.
60. БАСКАКОВ Н.А., БАСКАКОВ А.Н. Современные кыпчакские языки. Нукус. 1987, с. 8.
61. ГОЛУБЕВ Л.Э. Социально-экономическое и политическое развитие адыгов в XIII—XV вв.: дисс. канд. ист. наук. Майкоп. 2004, с. 103.
62. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Ук. соч., т. 1, с. 322.
63. ШАМИЛЬОГЛУ Ю. Высокая исламская культура Золотой Орды. — История татар..., т. 3, с. 594.
64. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Ук. соч., т. 1, с. 311—312.
65. НАРОЖНЫЙ Е.И. Ук. соч., с. 33.
66. ДУЛИМОВ Е.И., ЦЕЧОЕВ В.К. Происхождение государства и права у народов Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 2006, с. 320, 322.
67. КРАМАРОВСКИЙ М. Великая Орда Златая..., с. 73.
68. ХАМИЦАЕВА Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе. 1973; ДАХКИЛЬГОВ И.Л. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный. 1978; МАЛКОНДУЕВ Х.Х. О нашествии Тимура на Центральное Предкавказье по данным фольклора и топонимики. — Исторический вестник. 2005, с. 345—361; ЕГОЖЕ. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV—XVIII века). Нальчик. 2015.
69. БАРАЗБИЕВ М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII — начале XX века. Нальчик. 2000, с. 84—89.
70. СМИРНОВА Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М. 1983.

Экономические основы иезуитской миссионерской деятельности в Новой Франции в первой половине XVII в.

А.В. Федин

Аннотация. Экономическое обеспечение иезуитской миссионерской деятельности в Новой Франции являлось одним из существенных факторов, влиявших на ее эффективность и достигнутые результаты. Представляется, что в первой половине XVII в. существовало, по крайней мере, четыре источника материального обеспечения иезуитской миссии: государственные и колониальные дотации, пожертвования частных лиц и организаций, сеньориальная рента и мехоторговля, первые два из которых были основными.

Ключевые слова: Новая Франция, иезуиты, миссионерская деятельность, колониальная экономика, сеньориальная рента, мехоторговля.

Abstract. Economic maintenance of Jesuit missionary activity in New France was one of the essential factors influencing its efficiency and reached results. It is represented that in first half 17th century existed, at least, four sources of material maintenance of Jesuit mission: the state and colonial grants, donations of private persons and the organisations, seigniorial rent and fur-trade, first two of which were the cores.

Key words: New France, Jesuits, missionary activity, colonial economy, seigniorial rent, fur-trade.

Вопрос материального обеспечения миссионерской деятельности Общества Иисуса в Новой Франции оставался одним из самых болезненных на протяжении всей ее истории XVII—XVIII веков. По мнению многих исследователей, именно финансово-экономическая деятельность ордена на миссионных территориях послужила одной из главных причин (и поводов) к его запрещению во второй половине XVIII века. В течение предыдущего столетия, особенно его первой половины, большинство трудностей и проблем, с которыми столкнулись иезуитские миссионеры в Канаде, были порождены недостаточной, или даже полностью отсутствовавшей, материальной базой их деятельности. Ведь орден оставался монашеской организацией, ограниченной и общей традицией и собственным уставом в любой дея-

Федин Андрей Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета. E-mail: avfedin@yandex.ru.

Fedin Andrey V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Bryansk State University. E-mail: avfedin@yandex.ru.

тельности, направленной на приобретение и распоряжение материальными благами (обет нестяжания). Кроме того, с начала XVII в. Общество Иисуса находилось в перманентном экономическом кризисе, что вело к сокращению количества и финансирования коллежей и резиденций, в том числе и миссионерских¹.

Однако, находясь на миссионерской территории, особенно такой, как Новая Франция, где просто не существовало никакой инфраструктуры, способной материально поддерживать духовную деятельность монаха-миссионера, как это было в Европе или даже Иberoамерике, миссионеры были вынуждены вступать в те или иные экономические отношения, что, в свою очередь, порождало новые проблемы.

«Нет никакой вины в приятии [материальных] благ от Господа Бога и в их распределении, когда кто-либо призван Господом Богом к такому служению, — писал Игнатий Лойола в «Духовных упражнениях». — Все же в том, что касается определения количества и меры того, что мы используем для себя из тех благ, которые предназначены для раздачи другим, скрывается возможность злоупотребления и вины»². Здесь основатель ордена, с присущим ему рационализмом, признает необходимость материального обеспечения духовной деятельности, но, при этом, предупреждает о возможности искажения первоначальных сакральных целей сиюминутными профанными интересами. Миссионерский орден не мог существовать вне экономических реалий раннего Нового времени, эпохи колониальной экспансии, порожденной и направленной на удовлетворение, прежде всего, материальных потребностей становящегося капиталистического общества. Миссионер был частью этой экспансии, но, в идеале, должен был руководствоваться как раз совершенно иными интересами. История иезуитской миссии в Новой Франции в первой половине XVII в. в какой-то мере демонстрирует это внутреннее противоречие и пути его преодоления, выбранные ее членами.

Несомненно дефицит в обеспечении материальных потребностей препятствовал работе первых канадских миссионеров и беспокоил их. В 1637 г. отец-настоятель Квебекской миссии Поль Лежён дважды поднимал данный вопрос на страницах своей Реляции: «Это, действительно, позор, что недостаток материальных средств столь действительно замедляет духовный [прогресс]. И ниже: «Нехватка запасов продовольствия на этой неосвоенной земле препятствовала тому, чтобы... помогать возможным новообращенным»³. В результате, иезуиты были вынуждены приспособляться не только к труднейшим условиям этнокультурного контакта, но и к тому, что его реализация осложнялась хроническим дефицитом материальных и людских ресурсов. На просьбу Лежёна о присылке подкреплений в 1634 г. провинциал осведомился: «... у меня, в самом деле, достаточно людей, но где пища, чтобы кормить их». Когда Лежён получил письмо, он честно признался: «На это у меня нет ответа»⁴.

Иезуиты Новой Франции использовали четыре основных источника ресурсов: государственные и колониальные пособия, дотации частных благотворителей и религиозных организаций, сеньориальные ренты и мехоторговлю.

В отличие от иберийских восточных и американских миссий ордена, канадская миссия финансировалась не короной, а коммерчес-

кими структурами, такими, как Компания Новой Франции (или Ста акционеров) и подобными ей. Французская монархия в первой половине XVII в. принимала минимальное участие в материальном обеспечении иезуитского апостолата: Генрих IV предоставил миссионерам в 1608 г. ежегодную дотацию в 2000 ливров, которая так никогда и не была полностью выплачена⁵. После гибели короля в 1610 г. и начавшихся смут во Французском государстве, продолжавшихся всю первую половину столетия, корона была просто не в состоянии следить за материальным состоянием не только миссионеров, но и колонии в целом, отдав ее в руки частных торговых компаний. Тем не менее, современники-иезуиты сохранили о Генрихе IV воспоминания как о главном инициаторе и спонсоре их миссии в Северной Америке. Известный теолог ордена Луи Ришом (1544—1625) заявлял, что именно Генрих «послал» иезуитов в миссии в Константинополь и Канаду, «чтобы принести свет веры тем бедным людям, все еще блуждающим во мраке язычества». Для Этьена Бине он являлся «основателем веры в Новом Свете»⁶.

Хотя хартии, предоставленные компаниям, предусматривали содержание определенного количества священников в колонии и обеспечение их деятельности, ни компания де Канов, ни компания Монморанси, ни даже Компания Новой Франции этих условий не выполнила совсем или выполнила крайне недостаточно. Условием монополии Компании Ста акционеров было ежегодное предоставление на содержание колонии суммы, оцененной в четверть доходов от торговли. В число этих расходов входили и миссии иезуитов. В результате, с 1635 г. колониальная администрация должна была выплачивать иезуитам 5000 ливров в год, отчисленных из доходов мехоторговли⁷.

По мере развития кризиса, в котором пребывала меховая торговля с 30-х гг. XVII в., Компания Новой Франции все сильнее залезала в долги, сумма которых достигла 350 тыс. ливров, что привело к сокращению ее влияния в Канаде. В 1643 г. компания, фактически, обанкротилась. В результате, сотня акционеров передала жителям Квебека (абитанам) свою монополию на мехоторговлю вместе со всеми долгами и другими обязательствами, сохранив за собой лишь сеньориальные права. Так, к 1645 г. возникла Компания абитанов, взявшая на себя, помимо прочего, материальные обязательства по обеспечению религиозной деятельности в Новой Франции. Иезуиты сыграли ключевую роль в ее создании, организовав влиятельное лобби при дворе Анны Австрийской, и, тем самым, еще сильнее упрочив свое положение в колонии⁸.

Например, осенью 1645 г., по возвращении отряда солдат из Гуронской миссии с грузом мехов «на сумму 30 или 40 тысяч франков», Компания абитанов «согласилась использовать доходы для постройки Церкви и дома для священника [в Квебеке], для чего специально были выделены шесть тысяч ливров». Кроме того, она оплатила миссионерам «содержание этих солдат, которое составило приблизительно 200 ливров за каждого». Правда, «они дали нам только тридцать экю за каждого, включая в эту [сумму] все другие расходы, как то — ремонт оружия, помощь больным, и т.д.», тем самым причинив иезуитам убыток более, чем в 2500 ливров⁹.

В 1647 и 1651 гг. иезуитская рента была подтверждена Анной Австрийской и Людовиком XIV. Декрет 1647 г. также предоставлял

им 30 бочек продовольствия в год — количество, равное содержанию правительства и гарнизона Монреаля¹⁰. На первый взгляд, эта сумма кажется значительной, но ассигнования иезуитов по-прежнему зависели от прибыли мехоторговли. Также иезуиты были вынуждены делить средства Компании с Обществом Нотр-Дам де Монреаль, получившим свою долю для содержания священников в поселении, хотя собственно миссионерская деятельность оставалась на попечении Общества. Учитывая нерентабельность мехоторговли в течение всего периода, очень часто иезуиты оказывались перед проблемой изыскания средств (денег и вещей) для развития миссии собственными силами.

Функцию материального обеспечения миссий традиционно в Обществе Иисуса выполняли прокураторы (*procureurs des missions*). Их обязанностью было находить источники финансирования миссионерской деятельности, предоставляемые, как правило, в виде милостыни богатыми частными лицами или организациями, связанными с церковью. На эту должность, сопряженную с мирскими проблемами, традиционно назначались коадьюторы, но если профессор сам выражал желание или не имел иных способностей, необходимых для работы на миссионерском поле (например, к изучению языков или к физическим нагрузкам), он мог быть назначен прокуратором. В период генералитета Вителлески был отмечен рост позиций профессоров в делах, до того являвшихся сферой деятельности коадьюторов: административной работе, торговле, производстве и обучении¹¹.

Первым официально назначенным прокуратором миссии Новой Франции в 1639 г. стал о. Шарль Лалеман¹². До него функции прокуратора канадской миссии выполняли, часто добровольно, те или иные ее члены, совмещавшие это служение с другими обязанностями (Ж. дю Те, Ф. Нуаро, К. Кантен, Ш. Реймбо и сам Лалеман). Как правило, они уже были прокураторами своих коллег в Франции, прежде всего, Клермона или резиденции Дьеппа, связанной с миссией коммуникационными функциями. О. Лалеман, официально занимавший эту должность в 1639—1649 гг., весьма соответствовал этому назначению, оказавшись более способным администратором, нежели миссионером. Пользуясь личными связями, прежде всего, дружбой с Жаном де Лозоном, интендантом Компании Новой Франции, или принцем Конти, Лалеман добился многого в защите и обеспечении иезуитской миссии и освоении Канады в целом. Например, основание Монреаля во многом произошло по его протекции¹³.

Не последнюю роль в привлечении помощи благочестивых спонсоров в миссионерской работе сыграли и «Иезуитские реляции». Помимо рекламы, которую они обеспечивали канадской миссии, тем самым привлекая милостыни, реляции приносили и прямой доход от продажи их большими тиражами, расхвалившимися по всей Европе¹⁴.

На протяжении всей истории иезуитской миссии в Новой Франции в первой половине XVII в. именно этот источник ее финансирования (пожертвования) будет основным. Без набожного рвения маркизы де Гершевиль, материальным эквивалентом которого выступила милостыня иезуитам в 4 тыс. ливров, не состоялась бы миссия в Акадию в 1611—1613 гг., а без дотации маркиза де Гамаша, предоставленной в 1626 г. для основания коллежа в Квебеке, — восстановление Квебекской миссии в 1632 году. Без щедрого вспоможения ко-

мандора де Силлери не возникла бы в 1637 г. первая Лаврентийская индейская редукция, названная в его честь, а без дотации Сен-Жилей, родственников знаменитого суперинтенданта финансов Франции Н. Фуке, Гуронская миссия вряд ли достигла бы столь впечатляющих успехов. Возможно, даже кардинал Ришелье участвовал в подобных благодеяниях для канадской миссии¹⁵.

Иногда дотации приходили от родственников миссионеров. Так, например, Маргарита Тьерсо, мать канадского миссионера Жозефа-Антуана Поне, в августе 1642 г. предоставила ежегодную ренту в 150 ливров в пользу миссии Новой Франции¹⁶. Еще чаще их предоставляли члены семей новичиев и будущих иезуитов, отдававших своих родственников в коллежи, сопровождая это щедрыми дарами. Самые известные дотации (Гамашей, Сен-Жилей и др.) были приобретены именно этим путем. Почин в этом принадлежал Луи, герцогу Энгинскому, старшему сыну принца Конде, который обучался в коллеже Св. Марии в Бурже, когда в 1636 г. прочитал в Реляции Лежёна о нуждах канадской миссии¹⁷. Необходимо заметить, что одним из его наставников был о. Поль Рагено, будущий суперитор Гуронской миссии и всей Новой Франции, тогда только собиравшийся в путешествие к этому миссионерному полю¹⁸.

В основном предоставление милостынь инспирировалось религиозным рвением, хотя ему могли сопутствовать и меркантильные интересы. Однако даже предполагаемая коммерческая прибыль от финансирования иезуитских предприятий как правило вкладывалась в их дальнейшее развитие.

Деньги могли предоставляться разово, для конкретного дела. Значительно чаще основывались фонды с ежегодным отчислением фиксированной суммы. Причем и в том, и другом случае размеры милостыни могли варьироваться от 10—15 экю до нескольких тысяч ливров¹⁹. Часто вклады делались анонимно, что подчеркивало их религиозную сущность, как христианской милостыни, о которой должно быть известно только Богу²⁰.

Иезуиты всячески поощряли праведное рвение. «Благословенны те, кто вносит вклад из своих средств в это щедрое предприятие, — писал Поль Лежён в Реляции 1636 г. — В мире есть много богатых людей, но немногие из них избраны для этих великих трудов. Иметь богатство земли является благословением земли; использовать их ради Неба есть благословение Неба. Чтобы так использовать их, должно участвовать в заслугах Апостолов, стать самому в числе самых близких друзей Иисуса Христа»²¹. В этом пассаже видна идея сопричастности донатора и миссионера в общем религиозном действе, добром деле, дарующем заслугу для собственного спасения («не оставляя Франции, можно стать миссионером в сердце варварской страны»²²).

Получению милостыни способствовали и письма с благодарностью, направляемые донаторам во Францию от имени самих индейских неофитов, написанных с помощью миссионеров²³. Написанные нарочито в примитивистском стиле (или даже на туземных языках с последующим переводом), они публиковались наряду с отчетами священников и как доказательство целевого использования предоставленных средств, и как еще одна форма привлечения новых инвесторов. Иногда такие призывы сопровождались скрытой критикой фран-

цузского нобилитета, не участвовавшего в спасении ближнего и своем собственном: «Увы! сколько душ могло быть спасено в этой стране с помощью того, что тратится ради одного обеда в Париже, или ради единственного балета, который длится два или три часа!»²⁴

Направление дотации Гамаша отражало приспособление миссионерской структуры Новой Франции к особенностям ее обеспечения. Конституции ордена определяли два типа домов, как мест обитания его членов: професский дом, без фиксированных доходов и милостынь, и коллеж, пользующийся устойчивыми доходами, необходимыми для обучения студентов²⁵. Между тем посты, в которых монахи осуществляли свое апостолическое служение, не подходили ни к одной из этих категорий. Их называли резиденциями. Юридический статус резиденций оставался неопределенным, но по роду связанной с ними деятельности, он был близок к статусу професского дома. С другой стороны, так как они нуждались чаще всего в каких-либо доходах, их присоединяли к коллегам, которые могли управлять фондами и пользоваться доходами. Так, в 1632 г. миссионерский пост иезуитов в Квебеке был назван резиденцией Новой Франции (*residentia Novae Franciae*), а дотация с 1635 г. принадлежала коллежу Квебека²⁶. Похожая ситуация сложилась и в 1646 г. с дотацией Сен-Жилей для Гуронской миссии²⁷. Как правило, такие дотации обращались в ренты, то есть выплачивались не в полном объеме, а в виде годовых отчислений, которыми ведали те или иные французские коллежи (так, рента Гамашей была привязана к коллежу в Ё, а рентой Ж. Бардена распоряжался коллеж в Клермоне). Исключением стала судьба дотации Сен-Жилей: после разрушения Гуронской миссии она была передана Квебекскому коллежу, оставшись, таким образом, под контролем канадских миссионеров²⁸.

Средства, привлекаемые иезуитами для своей миссионерской деятельности, одновременно становились и инвестициями в развитие колониального предприятия, иллюстрируя ту связь, которая в первой половине XVII в. существовала между духовной и светской колонизацией Новой Франции. Именно благодаря дотациям на религиозно-миссионерскую деятельность в Канаде были основаны первые школы, больницы, осваивались новые территории и расширялась география торговых и политических контактов французов²⁹.

В качестве сеньоров, обладавших в первой половине XVII в. семью большими фьефами, иезуиты могли пользоваться феодальной рентой. Изначально миссионеры стремились обладать земельной собственностью в Новой Франции для реализации собственных проектов создания поселений христианских индейцев — с одной стороны, и создания прочной экономической основы своей деятельности — с другой. 1 сентября 1639 г. иезуиты Квебека направили генералу Вителлески прошение о разрешении передавать полученные от Компании Новой Франции земли в концессию цензитариям и пользоваться рентой с них. К этому их подталкивали и светские колониальные власти, стремящиеся всеми способами расширять культивацию земли и увеличивать земледельческое население колонии³⁰.

Тем не менее иезуитские власти в Риме, в тот период решавшие непростой вопрос юрисдикции канадской миссии, не спешили с окончательным решением. Более того, следуя каноническим правилам,

всеми церковными землями мог распоряжаться только Св. Престол ³¹. Наконец, 20 декабря 1640 г. Вителлески передал окончательное решение по вопросу о концессиях провинциалу Франции о. Жаку Дине, рекомендуя при этом не преследовать мимолетные интересы ³². Дине или из-за своей принципиальной оппозиции заморской миссии, или в силу иных причин, так и не дал никакого ответа в течение всего своего супериората (до 1642 г.). Ситуация не прояснилась и в дальнейшем. Официальное разрешение генерала ордена на предоставление концессий колонистам было дано лишь в 1647 году ³³.

Поэтому в тот период иезуиты почти не распределяли земельные концессии. Этому способствовал также фактор слабого заселения колонии и малой стоимости этих земель, поскольку они не были распаханы ³⁴. Единственное, что было предпринято, — это уточнение земельных границ собственных владений, проведенное в феврале 1645 г., видимо в связи с созданием Компании абитанов ³⁵. Но даже небольшое количество земли, предоставленной с 1647 г. колонистам в Нотр-Дам-дез-Анж, Труа-Ривьер или Бопоре в среднем за 100 экю в год ³⁶, порой плохо обрабатывалось, что являлось нарушением условий такой субинфеодации. Поскольку культивация земли была общим условием владения сеньорией в Новой Франции, иезуиты «тогда были вынуждены возделывать земли сами» ³⁷. В результате, когда в 1663 г. колония переходила под непосредственное управление короля, и от иезуитов потребовали отчета об их сеньориальных владениях, из шести концессий вне поселений, предоставленных иезуитам до 1650 г., три не были освоены ³⁸.

При этом иезуитский орден оставался крупнейшим земельным собственником в колонии в течение всей первой половины столетия. К 1650 г. в его владении находилось более 750 тыс. арпанов (ок. 255 тыс. га) ³⁹. В своих владениях иезуиты стремились развивать не только земледелие, но и другие отрасли хозяйства. По видимому, уже к середине 1630-х гг. миссия обладала своим крупным рогатым скотом. По крайней мере, предоставленный иезуитам Компанией Новой Франции в январе 1638 г. в сеньорию о. Рюо на р. Св. Лаврентия близ Квебека (ок. 250 арпанов), предназначался именно «для выпаса скота» ⁴⁰. К середине 1640-х гг. крупное скотоводческое хозяйство возникло в Пуэнт-о-Льевр, близ Нотр-Дам-дез-Анж. Оно было способно обслуживать не только близлежащие миссии, но и резиденцию Сент-Мари в далекой Гуронии ⁴¹.

В Силлери коадьютор Фотэ и донне Аш с помощью неофитов активно занимались промыслом угря и лосося. Например, в 1646 г. было добыто 40 000 угрей, которых продали за 200 экю (то есть более 600 ливров), и 7 бочонков лосося (до 200 шт.), «четыре из которых были пойманы нами», два — монтанье Тадуссака, а один предоставлен губернатором ⁴². В иезуитском фьефе в Бопоре было организовано производство кирпича, в основном для строительства каминов и печей. До этого строительные материалы доставляли на кораблях из Франции ⁴³. Из него в 1646 г. были построены пивоваренный завод и большая печь в Силлери. Первое пиво сварил в марте 1647 г. брат Амбруз Кове из ячменя, выращенного в Нотр-Дам-дез-Анж ⁴⁴. В итоге, к 1663 г. эти владения давали ордену 60% церковных авуаров ⁴⁵. Тем не менее, очевидно, что земельная собственность не могла стать

экономической основой миссионерской деятельности иезуитов в первой половине XVII в. в силу слабой концессионной активности и дорогостоящей культивации.

Наибольшую дискуссию и среди современников миссии в Новой Франции, и у историков последующих столетий вызвал вопрос о связи иезуитских миссионеров с мехоторговлей. Уже в самом начале их апостолата иезуиты столкнулись с обвинениями в том, что они прибыли в Канаду «обращать бобров»⁴⁶. Как правило, эти обвинения выдвигались либо протестантскими, либо янсенистскими критиками ордена, часто при поддержке светских колониальных властей (особенно с конца XVII в.). В дальнейшем, они были восприняты и историками XIX—XX вв., сохранявшими тот же полемический подход⁴⁷.

Действительно, иезуиты принимали участие в мехоторговле не только косвенно, обеспечивая контакты между французскими торговцами и их индейскими поставщиками, но и непосредственно, заключая коммерческие сделки как во французских поселениях, так и в отдаленных индейских миссиях. Формально, эта деятельность шла в разрез с постановлениями папского престола о границах операций с собственностью миссионерских орденов. Общество Иисуса не было нищенствующим орденом, как реколлекты, и могло пользоваться сеньориальными рентами и другими доходами, так же как дотациями короля и компаний. Тем не менее, они оставались монахами, а это означало запрет на торговлю, как деятельность по получению прибыли. Буллой *Ex debito pastoralis officii* от 22 февраля 1633 г. папа Урбан VIII запретил торговлю миссионерам всех орденов⁴⁸. Высшее руководство Общества Иисуса также энергично боролось с подобными недуховными явлениями среди своих членов. Еще в 1615 г. VII Генеральная конгрегация ордена приняла декрет (№ 84), включавший пространный список коммерческих операций, в которых иезуитам было запрещено участвовать⁴⁹. Применительно к Новой Франции Вителлески направил в январе 1637 г. инструкции французскому провинциалу Э. Бине, где подчеркивал, что миссионеры не должны участвовать ни в торговле, ни в иных коммерческих предприятиях, в том числе в поисках и разработке рудников: «Прибавление душ, а не золота, вот что мы ищем на самом деле»⁵⁰. Но объяснялось это нарушение не стремлением к наживе, а использованием единственно возможного средства для развития и расширения миссии в Канаде.

Если в Квебеке или Труа-Ривьер, то есть непосредственно в зоне французской колонизации, миссионеры еще могли наладить или использовать экономическую инфраструктуру для своего апостолата, то в таких отдаленных миссиях, как Гурония или, позднее, Ирокезия, такой возможности у них не было. До того, как Гуронская миссия перешла на самообеспечение, миссионеры не могли добыть для себя даже пропитания. Пищу они были вынуждены приобретать у индейцев, которые, особенно в ранний период миссии (1634—1640), отнюдь не были позитивно настроены не только по отношению к удовлетворению потребностей миссионеров, но даже к их присутствию в селениях. При отправлении миссионерской партии в Гуронию в 1634 г. Лежён отмечал, что «деньгами, на которые они будут покупать продовольствие, дрова, дом из коры и другие вещи, являются маленькие бусинки или стеклянные трубки, ножи, шила, одеяла, котлы, топоры

и тому подобное; это — деньги, которые они должны нести с собой»⁵¹. Со временем эти запасы неизбежно исчерпывались, особенно с конца 1630-х гг., когда ирокезы перерезали коммуникации между гуро-нами и Квебеком.

К этому необходимо добавить многочисленные подарки, которые часто были единственным стимулом для взрослых туземцев оставить свои дела, чтобы послушать проповеди пришельцев, или для детей, чтобы заучивать вместе с «черной одеждой» непонятные молитвы. Летом 1637 г. Лежён не решался начать проповедь перед представителями «семи или восьми народов», пришедших в Квебек на торги, так как у него «не было ничего, чтобы сделать для них праздник»⁵². Одновременно частые подарки поддерживали социальный престиж миссионеров. В таком ориентированном на коммерцию обществе, как, например, гуронское, за все надо было платить. Собственно, вся социально-политическая система кочевых и раннеземледельческих сообществ строилась на разного рода дарах, с помощью которых решались почти все дела и конфликты. Чтобы достичь своих апостольских целей, миссионер должен был сначала заинтересовать потенциальную паству ножами, иглами, кольцами, стеклянными изделиями, топориками, домашней утварью и другими европейскими товарами. Все это он мог приобрести только у французских торговцев или на складах компаний.

Но единственным денежным эквивалентом в колонии на протяжении всего XVII в. оставалась пушнина. «Поэтому, — писал Лежён в 1636 г., — если иногда одна из [шкур] попадает в наши руки, мы не усомнимся приобрести ее, прежде всего как одежду для маленьких Дикарей, или сделаем для себя обувь из шкуры лося. Мы посылаем также некоторые старые кожи лося нашим Отцам у гуронов, и немного фарфора [то есть, вампума], когда он у нас есть; это — лучший род денег, и им они платят за скромные запасы маиса и копченой рыбы, как и за материалы и строительство своих дворцов из коры. Это, воистину, вся прибыль, которую мы получаем здесь от шкур и других редких вещей этой страны, и вся выгода, которую мы извлекаем из них»⁵³.

Таким образом, квебекский супериор или миссионеры на местах приобретали меха и использовали их, чтобы изготавливать одежду и обувь, покупать у французских торговцев предметы первой необходимости, вооружение, утварь и т.д., либо изделия, полезные или приятные индейцам в уплату их услуг и в качестве подарков⁵⁴. «Даже если Ваше Преподобие сочтет, что лучше всего отказаться от всего этого, — заключал Лежён свое послание провинциалу Франции в 1636 г., — чтобы никого не оскорбить, мы все готовы полностью бросить это. Если несколькими клеветникам так хочется заставить нас оставить эту невинную практику, они должны открыть свою собственную мощь, чтобы помочь нам в этих отдаленных странах, после того, как из-за своего каприза они отняли часть того, в чем мы так нуждались»⁵⁵.

Однако миссионеры, появившись в индейских селениях, первым делом давали понять своим туземным хозяевам, что они прибыли к ним «не из-за мехов, но с целью объявить им об истинном Боге и его сыне, Иисусе Христе, всеобщем Спасителе наших душ»⁵⁶. Тем самым они старались провести четкое различие между собой и французски-

ми мехоторговцами. В этом они руководствовались идеями, высказанными еще в XVI в. Франсуа Ксавье: «туземцы смогут поверить нам настолько, насколько ясно увидят, что мы не руководствуемся никакими мирскими мотивами, а лишь желанием спасения их душ»⁵⁷. С другой стороны, иезуиты часто были вынуждены сталкиваться с отнюдь не христианским поведением своих соотечественников в канадской глуши, и это также заставляло их настаивать на своем отличии от других европейцев. Позднее, с развитием института светских слуг (*donnés*), миссионеры уже не так будут зависеть от своих индейских хозяев в обеспечении повседневных потребностей, отпадет необходимость непосредственно вступать в торговые отношения или иные коммерческие операции.

Светские колониальные власти поддерживали практику иезуитской мехоторговли, исходя из экономических и политических реалий, в которых пребывали и колония, и миссия. Так, в ноябре 1645 г. представитель Компании Новой Франции и главный клерк Компании абитанов Ноэль Жушери де Шателет прямо заявил, что запрещение частной торговли с индейцами не касалось иезуитов, и они могли спокойно продолжать ее⁵⁸.

В принципе, вовлечение канадских миссионеров в подобные отношения не вызывало особых нареканий со стороны высших руководящих органов ордена. Тем не менее, канадские миссионеры всегда соблюдали осторожность в этом вопросе, чтобы не дать лишних поводов для критики со стороны многочисленных противников Общества. Так, к Реляции 1643 г. прилагалась Декларация директоров и партнеров Компании Новой Франции, заверявшая общественность в непричастности иезуитов к мехоторговле и отсутствию у них меркантильных мотивов: «Иезуитские Отцы не участвуют в упомянутой Компании Новой Франции, ни прямо, ни косвенно, и не имеют никакой доли в торговле, которая ведется ею»⁵⁹. Обладая высшей церковной властью в колонии в первой половине XVII в., иезуиты также ограничивали возможности представителей других орденов в сфере торговли. Например, в 1640 г. урсулинская монахиня Мари Гине де Сен-Иньяс жаловалась, что иезуиты, по распоряжению прокуратора миссии о. Ш. Лалемана, запретили ей послать во Францию в подарок «волос», то есть, бобровый мех⁶⁰.

Таким образом, участие представителей ордена в меховой торговле в какой бы то ни было форме в рассматриваемый период (да и в последующие), как и земельная собственность, не обеспечивало иезуитской миссии никаких гарантированных и стабильных доходов и не могло являться экономической основой миссионерской деятельности. Представляется, что лишь государственные и частные дотации, наряду с финансированием торговых компаний, покрывали постоянно возрастающие расходы миссии.

Основной статьей расходов канадской миссии при этом было не содержание самих миссионеров. Уже к 40-м годам XVII в. иезуиты удовлетворяли собственные потребности, по крайней мере, в пище, не только в Квебеке, но и в Гуронии, к тому же предлагая помощь продуктами неофитам и французским колонистам. Они выращивали пшеницу, рожь, ячмень и маис, огородные культуры (бобы, турнепс, чечевицу), варили пиво, занимались ловлей рыбы, со временем по-

явился крупный и мелкий рогатый скот. С помощью индейских неофитов и *donnés* пользовались продуктами охоты и рыболовства. Повседневный рацион иезуитского миссионера был даже богаче его коллег во Франции: «у нас большие запасы от лова рыбы и охоты, — сообщал суперитор Гуронской миссии Поль Рагено в 1649 г.; — и мы [питаемся] не только рыбой и яйцами, но также свиной, молочными продуктами, и даже [мясом] коров»⁶¹.

Главными реципиентами иезуитских дотаций выступали индейские неофиты: подарки, «без которых в этой стране ничего нельзя сделать»⁶², всевозможный миссионерский инструментарий (четки, распятия, картины, медали и т.п.), раздаваемый обращенным, но главное — содержание редуций и светского персонала миссий, то есть слуг миссионеров (*domestics*). Последних (кирпичников или каменщиков, плотников, кузнецов, слесарей) за собственный счет перевозили из Франции вместе с инвентарем, необходимым им для их работы. Многие из них стали фермерами после завершения контракта; некоторые остались с миссионерами в качестве донне.

В результате, в разное время, в течение первой половины XVII в., иезуиты имели в Новой Франции от 10 до 40 чел. рабочего персонала различного статуса и оплаты. Обычно наемный рабочий получал от 50 до 100 ливров в год, часто дополняемых разными дотациями в виде одежды, мехов, вещей⁶³. «Эти расходы невероятны», — писала урсулинская мать Мари л'Энкарнасьон⁶⁴. К тому же миссионеры часто бывали недовольны профессиональными и моральными качествами своих слуг. В 1634 г. Лежён жаловался на жадность и нерадивость слуг, находящихся на попечении иезуитов в колонии, и просил провинциала прислать ему «хороших рабочих»: «Так как мы полностью зависим от них, мы не можем их уволить, когда они отлынивают от своих обязанностей, и, видя, что мы бессильны наказать их, им легче избежать неприятностей, чем в руках светских надсмотрщиков, которые заставили бы их работать без устали»⁶⁵.

Первоначально дороговизну наемных рабочих пытались снизить за счет использования светских коадьюторов, членов ордена, выполнявших функции обслуживающего персонала. «Было бы хорошо иметь здесь трех способных Братьев для выполнения незначительных обязанностей по дому, — писал Лежён провинциалу в 1634 г., — готовка еды, изготовление обуви, одежды, забота о саде, ризнице, уборка, ремонт, уход за скотом, молоко, масло и т.д. Все эти обязанности были бы разделены среди этих трех добрых Братьев, и таким образом мы освободимся от необходимости платить рабочим, которые заняты этими обязанностями, и которые жалуются, когда их заставляют делать другие вещи»⁶⁶. Однако коадьюторы тоже были монахами, принесшими обеты, и некоторые функции, особенно связанные с военной защитой, ремеслами и охотой, оставались для них недоступными. Ж. Лалеман, гуронский суперитор, писал: «светский помощник может сделать все, что может сделать Брат, но Брат не сможет сделать того, что может мирянин, например, носить тяжелые грузы и пользоваться оружием. Мы всегда колебались в принятии братьев-коадьюторов и предпочитали вместо этого нанимать мирян». Однажды один из коадьюторов в Гуронии отказался от зимовки с миссионером, если тот не возьмет слугу, чтобы рубить и носить дрова, «ибо Братья во

Франции не делают этого»⁶⁷. Квебекский супериор Б. Вимон прямо называл коадьюторов «дармоедами»⁶⁸.

В стремлении сократить расходы и расширить возможности самообеспечения, в 1638 г. иезуиты создали в Новой Франции уникальный институт «*donnés*», светских слуг, часто из бывших *domestics*, бескорыстно служащих миссионерам лишь за духовную помощь с их стороны. Как определил эту категорию о. Шарль Гарнье, они были «мирянами по платью, но священниками в душе»⁶⁹.

Эта категория рабочих оказалась, по сути, основой выживания иезуитов в Новой Франции. «В этой стране нет европейцев в трехстах лье в округе, — писали миссионеры генералу ордена Вителлески в 1644 г. — Туземцы, даже если бы они этого хотели, не могут помочь. Любая помощь, — продовольствие, одежда, лечение, защита, строительство и забота о часовнях, отопление, — должна исходить от дома [резиденции]. Нет скотоводства в стране. Только люди дома могут пахать, пастить животных, вести лодки..., покупать необходимое, помогать неофитам. В этой стране нет денег. Поэтому нуждаемся в слугах двадцати разных профессий и возрастов. Нет возможности найти столько коадьюторов. А если бы была, нет возможности управлять ими... Шестилетний опыт не позволяет ждать чего-то более счастливого, чем то, что есть еще этот род слуг, как залог будущего. В Парагвае есть вьючные животные, рабы и неофиты, которые помогают; у нас этого нет. И мы не можем надеяться на что-либо иное, чем на таких донне»⁷⁰.

Донне оказали огромное влияние на развитие и успех миссионерской деятельности иезуитов, особенно в Гуронии. Они построили гуронскую резиденцию Сент-Мари, заложили там пашню и сад, построили церкви в главных гуронских селениях. Они работали в поле, охотились и рыбачили, лечили и защищали миссионеров и их туземную паству. Теперь миссионеры уже не так зависели от своих индейских хозяев в обеспечении повседневных потребностей, отпала потребность непосредственно вступать в торговые отношения или иные коммерческие операции, запрещенные каноническими и орденскими правилами для иезуитов. Так, отправляясь с миссией к племенам Нейтральной конфедерации зимой 1640—1641 гг., иезуиты Жан де Бребёф и Пьер Шомоно взяли с собой двух донне, чтобы «с их помощью... сойти за коммерсантов... в случае, если без этого стимула двери хижин закроются перед ними»⁷¹.

Привлечение донне к середине 1640-х гг. сделало иезуитскую миссию экономически самостоятельной. Иезуиты теперь удовлетворяли собственные потребности, по крайней мере, в пище, не только в Квебеке, но и в Гуронии, к тому же предлагая помощь продуктами неофитам и французским колонистам.

Служение донне имело и непосредственный миссионерский эффект: миссионеры отмечали, что благочестие их слуг весьма способствовало привлечению туземцев к вере. «Пример наших светских французов, или слуг, — отмечал Ж. Лалеман в письме из Гуронии в 1639 г., — сослужил большую службу. Я не сомневаюсь, что дело, возможно, скорее продвинулось, если бы все французы, которые прибыли в эту страну, вели [столь] безукоризненную жизнь»⁷². «Эти слуги таковы, — вторил ему о. Ш. Гарнье, — что немногим понравится быть ими, то есть, благочестивейшими, самыми скорыми в по-

виновении и ярким примером для наших варваров»⁷³. Донне помогали миссионерам в их апостольских трудах в наставлениях в молитве и катехизисе. Мари де л'Энкарнасьон называла донне Жака Дуара «хорошим учителем»⁷⁴.

Сопровождая иезуитов в их путешествиях, донне сталкивались с теми же опасностями, которые подстерегали миссионеров в лесах Новой Франции. Они разделили со своими хозяевами не только их апостольские труды, но и страдания и смерть. Два донне, Рене Гупиль и Жан де Ляланд, казненные ирокезами в 1642 и 1646 гг. соответственно, были канонизированы в 1930 г. наряду с иезуитскими мучениками. Донне Жақ Дуар был убит гуронскими традиционалистами в 1648 г., Робер Лекок — ирокезами в 1650-м.

В связи с вышеизложенным возникает интересный вопрос о мотивации этих людей в их стремлении стать иезуитскими пожизненными слугами: что заставляло их покидать относительный комфорт и безопасность французских поселений и отправляться с миссионерами в глушь канадских лесов, навстречу голоду и холоду, трудностям и опасностям речных и лесных переходов, враждебным племенами или негостеприимным хозяевам.

Иезуитские писатели и те немногочисленные донне, которые оставили письменные свидетельства о своем служении, либо обходят этот вопрос молчанием, либо объясняют это стремлением к личному совершенствованию на пути к спасению души. В один голос все авторы утверждали, что эти юноши становились донне, исключительно «побуждаемые Богом», что «абсолютно не верно, что слуги привлечены сюда простой надеждой на какую-либо выгоду», но «обращаются к одному только Богу за наградой»⁷⁵. С точки зрения иезуитов, сильнейшим стимулом для этих мирян была возможность в дальнейшем вступить в их орден: «*Domestici perpetui cum spe ingrediendi in societatem*»⁷⁶. Например, будущий мученик Рене Гупиль был вынужден прервать новициат во Франции в связи с прогрессирующей глухотой (орденские правила не допускали присутствия физически неполноценных людей в Обществе) и именно с целью получения иезуитской сутаны отправился в канадскую миссию в качестве врач-донне. Религиозные основания этого служения видны и из того факта, что с 1645 (официального одобрения этого института) до 1650 г. (уничтожения Гуронской миссии) большинство работников, прибывших из Франции, сделали это именно с намерением стать донне. При этом, большинство наемных слуг были приняты в колонии⁷⁷.

Но, вероятно, существовали и другие мотивации для будущих донне. Это могли быть и жажда приключений, особенно для молодых людей, тяготившихся рутинным и тяжелым трудом во французских или колониальных поселениях, и стремление к большей свободе вдали от ограничений закона, как будущие вояжеры (*couveurs des bois*), и даже профессиональный интерес. Известно, что еще один врач-донне — Франсуа Жандрон — стремился в Новую Францию, так как надеялся найти новые лекарства и рецепты⁷⁸. Впрочем, когда гуронская миссия прекратила свою деятельность в 1650 г., некоторые донне полностью сменили деятельность и образ жизни. Некоторые выбрали сутану, другие основали семьи в колонии или стали торговцами⁷⁹.

Известно, в то же время, что с середины XVII в. формирование корпуса донне приобрело систематический характер. Миссионеры, по видимому, приступали к подготовке будущих донне с детства, вербуя их из той категории слуг, которая называлась *enfants* (мальчики, нанимаемые иезуитами для работы в миссиях с целью более эффективной адаптации к туземному образу жизни при сохранении христианского благочестия). Так, например, Журнал иезуитов сообщал, что 1 мая 1662 г. «Франсуа Пуассон, в возрасте 13 лет, был принят на испытание, желая стать донне нашего Общества»⁸⁰. Обеты донне можно было принести лишь после 20 лет, таким образом, в течение 7—8 лет Пуассон и подобные ему готовились к будущему служению, возможно, привыкая к этой мысли как к единственно возможной жизненной стезе.

Количество донне постоянно возрастало: если в 1638 г. шесть первых слуг заключили контракт о пожизненной службе в иезуитской миссии, то к 1650 г., концу существования Гуронской миссии, их было уже 25⁸¹. Вероятно, к этому времени наметилась тенденция привлечения в ряды донне и туземцев. Единственным ее свидетельством является запись в Журнале иезуитов о некоем гуроне Пьере Онаатишеаз, прозванном Сансуси, крещенном в Квебеке в июле 1648 г., который в августе того же года «поступил к нам на службу» и вручил Ж. Лалеману 9,5 кг бобровых шкур стоимостью 63 ливра, потому что Лалеман «был его Отцом». Лалеман говорит об обязательствах иезуитов перед Сансуси «за вышеупомянутые 63 ливра», видимо в случае, если тот оставит эту службу⁸². Эти обязательства весьма напоминают условия контракта с донне.

Несомненно, институт донне оказался одним из важнейших факторов развития иезуитского миссионерского предприятия на Североамериканском континенте. Обеспечивая материальные потребности миссионеров, донне, тем не менее, сами часто выступали в их роли, наставляя и крестя туземцев, когда рядом не оказывалось священника. Подавляющее большинство этих слуг проявили высокую духовность и жертвенность, не уступавшие их иезуитским нанимателям. Мученическая смерть Рене Гупиля от рук ирокезов, добровольное пожертвование Гийомом Кутюром свободой ради того, чтобы остаться вместе с о. И. Жогом в ирокезском плену, страдания и тяжелый труд, выпавшие на долю Робера Лекока и многих других донне, свидетельствовали о нечто большем, нежели простой меркантильный расчет или авантюризм, призвавшие их на это служение.

Таким образом, главными источниками материального обеспечения иезуитской миссионерской деятельности в первой половине XVII в. были колониальные акционерные компании, которым принадлежали торговые монополии (прежде всего, на пушнину), а также дотации частных лиц и организаций в виде милостыни. Это были относительно стабильные доходы, поступающие в руки иезуитских супериоров в колонии и метрополии и направляемые на реализацию миссионерских проектов. Что касается иезуитского землевладения, то доходы от его хозяйства и аренды достигли более-менее значительных размеров только к концу рассматриваемого периода и, за исключением последних лет существования Гуронской миссии, не являлись экономической основой миссионерской деятельности. Не

последнюю роль в этом сыграли донне, пожизненные слуги миссионеров, освоившие те виды экономической деятельности (земледелие, мехоторговля, охота и рыболовство, ремесла и пр.), которые ранее оставались недоступны для иезуитов по естественным или каноническим причинам. В целом, можно констатировать недостаточность экономической базы иезуитского апостолата в Новой Франции в первой половине XVII в., что существенно снижало миссионерскую активность и ограничивало (качественно и количественно) возможности расширения миссии.

Примечания

1. BANGERT W.V. A History of the Society of Jesus. St. Louis. 1972, p. 179—180.
2. ЛОЙОЛА И. Духовные Упражнения. — Символ. 1991, № 26, с. 114.
3. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610—1791. Cleveland. 1896 (JR)., vol. XI, p. 145; vol. XII, p. 165.
4. Ibid., vol. VI, p. 61.
5. Monumenta Novae Franciae. Roma-Québec-Montréal (MNF). 1967, vol. I, p. 21—22; vol. III, p. 413; JR, vol. II, p. 209; CHAMPLAIN S. de. The works of Samuel de Champlain. Toronto. 1922, vol. IV, p. 3.
6. Цит. по: WORCESTER T. Jesuit dependence on the French monarchy. The Cambridge Companion to the Jesuits. Cambridge. 2008, p. 109—110.
7. GRANT J.W. Moon of Wintertime: Missionaries and the Indians of Canada in Encounter since 1534. Toronto. 1984, p. 36.
8. АКИМОВ Ю.А. Очерки ранней истории Канады. СПб. 1999, с. 105; CAMPEAU L. The Jesuits and Early Montreal. Midland. 2002, p. 86—87. Компания Новой Франции насчитывала 104 акционера, каждый из которых внес около 3 тыс. ливров. Ее начальный капитал, в результате, насчитывал 382 тыс. ливров. Но в морских катастрофах и в безрезультатных экспедициях с 1628 по 1632 г. компания потеряла 338 488 ливров. Королевский Совет, кроме того, обязал ее в 1633—1634 гг. на компенсации почти в 155 тыс. ливров прежним владельцам монополий в Канаде (Монморанси, де Каны и др.) (MNF, vol. VII, p. 407). С другой стороны, в 1651 г. Совет директоров Компании утверждал, что они истратили более 1 млн 200 тыс. ливров с 1628—1629 гг. на «обращение наций той страны». JR, vol. XXXVI, p. 69.
9. JR, vol. XXVII, p. 89—91.
10. MNF, vol. VII, p. 14; Archives des colonies. Série C11A. Correspondance générale. Canada. 1651, vol. 1, folios 268—269.
11. ЛИ Г.Ч. Инквизиция. СПб. 1999, с. 396—397.
12. MNF, vol. IV, p. 184—187.
13. Ibid., vol. VII, p. 832; vol. IV, p. 49, 51, 132; ROCHEMONTEIX C. Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVII^{em} siècle d'après beaucoup de documents inédits. T. II. Paris. 1896, p. 199.
14. PARKMAN F. France and England in North America. N.Y. 1983, vol. 1, p. 510; ROCHEMONTEIX C. Op. cit., p. 171; MARTÍNEZ-SERNA J.G. Procurators and the Making of the Jesuits' Atlantic Network. Soundings in Atlantic history: latent structures and intellectual currents, 1500—1830. Cambridge. 2009, p. 181, 198, 201, 530n.
15. Вопрос о дотациях от имени Ришелье, предоставленных в апреле 1638 г. для развития иезуитской миссии в Новой Франции, до сих пор не решен. 1 сентября 1638 г. генерал Вителлески в письме провинциалу Бине дал согласие на принятие этих денег для «миссионеров Гуронии» (MNF, vol. IV, p. 67). В Реляции за 1639 г. супериор канадской миссии П. Лежён и в личном письме от 28 марта 1640 г. кардиналу глава Гуронской миссии Ж. Лалеман благодарили Ришелье за «его пожертвования для Гуронской миссии» и назначение им «фонда для поддержки тех из нашего Общества, кто работает здесь для обращения варваров». (JR, vol. XV, p. 217; vol. XVII, p. 219). Ши указывает, что эта дотация составила 1000 ливров (SHEA J.G.

- History of the Catholic Missions among the Indian tribes of the United States, 1529—1854. N.Y. 1855, p. 125). Однако нет никаких свидетельств о том, что миссионеры в Новой Франции действительно получили эти деньги (MNF, vol. IV, p. 67, 265). С другой стороны, известно, что Ришелье спонсировал в 1638 г. расширение так называемой «популярной миссии» иезуитов в народной среде Французского королевства, в частности, содержание 50 проповедников в течение полугода (FOUQUERAY H. Histoire de la Compagnie de Jesus en France: des origines a la suppression, (1528—1762). T. V. Paris. 1925, p. 164). Возможно, «гуронская дотация» Ришелье была использована для потребностей ордена в метрополии (к чему стремились многие представители иезуитского супериората Франции).
16. MNF, vol. VI, p. 477.
 17. JR, vol. VII, p. 255—261; vol. VIII, p. 225; vol. XI, p. 53, 145.
 18. GARRAD C. The Petun and the Princesse de Conde. — Petun Research Institute Bulletins. 1996, vol. III, p. 4.
 19. См., например: JR, vol. XXI, p. 137.
 20. Ibid., vol. XXXVII, p. 167.
 21. Ibid., vol. IX, p. 109.
 22. JR, vol. LI, p. 85. Эта идея имеет свое теологическое обоснование. См.: HUONDER A. Sermons and lectures on the missions. Techny. 1918, p. 68.
 23. JR, vol. XXIV, p. 39—43.
 24. Ibid., vol. XV, p. 233.
 25. Constitutions Societatis Jesu, anno 1558. London. 1838, p. 28—29.
 26. FOUQUERAY H. Op. cit., t. IV, p. 256; CLOSSEY L. Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions. Cambridge. 2008, p. 162; MNF, vol. II, p. 339; vol. IV, p. 238.
 27. CAMPEAU L. La Mission des Jesuites chez les Hurons, 1634—1650. Montréal. 1987, p. 265—266.
 28. MNF, vol. III, p. 6; DU CREUX F. The history of Canada or New France. Toronto. 1952, vol. II, p. 479.
 29. АКИМОВ Ю. А. Ук. соч., с. 103—104.
 30. MNF, vol. IV, p. 256.
 31. Ibid., p. 445—446.
 32. Ibid., vol. VI, p. 530—531.
 33. Ibid., p. 510.
 34. JETTEN M. Enclaves amerindiennes: les «reductions» du Canada 1637—1701. Sillery. 1994, p. 58.
 35. MNF, vol. VI, p. 240—244.
 36. JR, vol. XXXIV, p. 63—65.
 37. Ibid., vol. XXVII, p. 95.
 38. Как представлено в «Декларации Земель, которыми Иезуитские Отцы обладают в стране Новой Франции» (1663), опубликованной в: JR, vol. XLVII, p. 259—271.
 39. Необходимо отметить, что названная площадь иезуитских земель достаточно условна: большая часть не только не была освоена, но и не рассматривалась как сельскохозяйственные угодья даже в перспективе (например, острова Иисуса и Рюо, общая площадь которых составляет почти 72,5 тыс. арпанов, до конца XVII в. не были ни заселены, ни культивированы). В 1663 г. иезуиты обладали 851 679 арпанами, то есть почти 6,5% всех сеньориальных владений в Новой Франции. TRUDEL M. Les débuts du regime seigneurial au Canada. Montréal. 1974, p. 51, 53.
 40. MNF, vol. IV, p. 17—18, 239—240; BOIS L.-E. L'île d'Orléans: notes sur son étendue, ses premiers établissements, sa population, les moeurs de ses habitants, ses productions. Québec. 1895, p. 8. Сюльт ошибочно указывает дату 1 декабря 1637. SULTE B. Histoire des Canadiens-Français, 1608—1880. T. II. Montréal. 1882, p. 68—69.
 41. JR, vol. XXVIII, p. 187, 205.
 42. Ibid., p. 191, 227, 239.
 43. Ibid., vol. XXVI, p. 119.
 44. MNF, vol. VII, p. 820; JR, vol. XXVIII, p. 239, 247; vol. XXX, p. 159.
 45. HARRIS R.C. The Seigneurial System in Early Canada: A Geographical Study. Madison. 1966, p. 42—43; TRUDEL M. The Beginnings of New France, 1524—1663. Toronto. 1973, p. 246—56.
 46. CHAMPLAIN S. de. Op. cit., vol. VI, p. 137—138.

47. HALKETT J. Historical notes respecting the Indians of North America: with remarks on the attempts made to convert and civilize them. London. 1825, p. 34—35; ГРИЗИН-ГЕР Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. СПб. 1999, с. 309; ТИШКОВ В.А. Страна кленового листа: начало истории. М. 1977, с. 43. Иную точку зрения см.: PARKMAN F. Op. cit., p. 654.
48. ROCHEMONTAIX C. Op. cit., t. I, p. 348—349.
49. FOUQUERAY H. Op. cit., t. III, p. 361.
50. MNF, vol. III, p. 464.
51. JR, vol. VII, p. 223.
52. Ibid., vol. XII, p. 177.
53. Ibid., vol. IX, p. 175.
54. Ibid., vol. XLIII, p. 171.
55. Ibid., vol. IX, p. 175—177.
56. Ibid., vol. VIII, p. 143; vol. XXXIX, p. 153—155.
57. VENN H. The Missionary Life and Labours of Francis Xavier Taken from his own Correspondence. London. 1862, p. 18.
58. JR, vol. XXVII, p. 99, 103.
59. Ibid., vol. XXV, p. 77.
60. MNF, vol. IV, p. 761.
61. JR, vol. XXXIII, p. 255; vol. XXVIII, p. 191; vol. XXXIV, p. 49—51; MNF, vol. VII, p. 263.
62. MNF, vol. II, p. 169.
63. JR, vol. XXVII, p. 81—83, 91.
64. Lettres de la révérènde mère Marie de l'Incarnation: première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I. Paris. 1876, p. 74. Ежегодная зарплата в 100 ливров эквивалентна 20 000\$ в 2000 году. Если суммировать оплату всех слуг резиденции Сент-Мари в 1639—1644 гг., это должно было стоить миссионерам 5400 ливров (более миллиона долларов), хотя фактически за это время они выплатили только 1600 ливров (320 000\$), что, возможно, было связано с частыми пожертвованиями иезуитских слуг в пользу миссии, а также системой кредита. CÔTÉ J. The Donnés in Huronia. Midland. 2003, p. 195.
65. JR, vol. VI, p. 51.
66. Ibid., p. 51—53.
67. MNF, vol. VI, p. 22.
68. Ibid., vol. V, p. 281—282.
69. JR, vol. XX, p. 99. Термин «донне» (donné — данный, отданный) был французской калькой латинского «облат» (от oblatio — посвящение), обозначающего человека, посвященного Богу, отданного Ему в дар, то есть мирянина, присоединившегося к монастырской общине в соответствии с установленным чином, но без принесения монашеских обетов (Католическая энциклопедия. Т. 3. М. 2007, с. 963). В переписке с римским супериоратом, ведущейся на латинском языке, донне называли часто oblati, «облаты». См., напр.: MNF, vol. V, p. 561.
70. MNF, vol. VI, p. 21—24. Рошемонтё ошибочно датирует это письмо 1643 годом. ROCHEMONTAIX C. Op. cit., t. I, p. 392.
71. JR, vol. XXI, p. 205.
72. Ibid., vol. XVII, p. 45.
73. Ibid., vol. XXV, p. 85.
74. Lettres de la révérènde mère Marie de l'Incarnation... t. I, p. 372.
75. JR, vol. XXV, p. 85; vol. XXXIII, p. 75.
76. Ibid., vol. XXXV, p. 57.
77. CÔTÉ J. Op. cit., p. 139.
78. VALLEE A. François Gendron et Christoph Regnaut: deux voix données en Nouvelle-France. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures et postdoctorales de l'Université d'Ottawa. Ottawa. 2002, p. 90.
79. См.: CAMPEAU L. La Mission des Jésuites..., p. 336; TRIGGER B. G. The children of Aataentsic: A history of the Huron people to 1660. Kingston-Montreal. 1987, p. 667—668.
80. JR, vol. XLVII, p. 279.
81. CÔTÉ J. Op. cit., p. 99.
82. JR, vol. XXXII, p. 95, 99.

Советская дипломатия и «защитные мероприятия» ГДР в отношении Западного Берлина в 1968 г.

Р.В. Долгилевич

Аннотация. На рубеже 1967—1968 гг. возросла активность ФРГ в Западном Берлине. ГДР предприняла согласованные с СССР защитные меры на коммуникациях между Федеративной Республикой и этим городом. Они должны были помешать росту федерального присутствия в Западном Берлине. Западные державы и ФРГ выразили протест против этих мер, сочтя их противоречащими четырехсторонним соглашениям, заключенным между СССР, США, Англией и Францией. СССР отверг протесты западных держав. Предпринятые ГДР меры остались в силе.

Ключевые слова: СССР, ГДР, западные державы, коммуникации ФРГ с Западным Берлином, защитные меры ГДР, советская дипломатия.

Abstract. At the turn of 1967—1968 German increased its activity in West Berlin. The GDR made concerted with the USSR protection measures for communications between the Federal Republic and that city. They had to stop the growth of the federal presence in West Berlin. Western powers and Germany protested against these measures, considered them contrary to the quadripartite agreement concluded between the USSR, USA, England and France. The USSR rejected the protests of the Western powers. Measures, taken by the GDR, remained in force.

Key words: USSR, GDR, Western Powers, communications between the Federal Republic and West Berlin, protective measures by GDR, Soviet diplomacy.

Отдельные сюжеты, касающиеся обстановки в Западном Берлине и вокруг него во второй половине 1960-х гг., нашли отражение в трудах советских и российских историков¹, однако не все аспекты этой сложной и многогранной темы были в должной мере освещены. Это относится, в частности, к вопросу о роли СССР в проведении ГДР в 1968 г. «защитных мероприятий» на коммуникациях между ФРГ и Западным Берлином. Этот вопрос не был предметом специального исследования и в восточногерманской историографии, хотя некото-

Долгилевич Ростислав Владимирович — кандидат исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Управление персоналом» по международной проблематике. E-mail: schester40@mail.ru.

Dolgilevich Rostislav V. — PhD (History), professor, deputy chief editor of “Human Resource Management” on international issues. E-mail: schester40@mail.ru.

рые его аспекты затрагивались в монографии Г. Кайдерлинга и П. Штульца, посвященной Западному Берлину ².

В западногерманской (до 1990 г.) и современной немецкой историографии преобладает тезис, согласно которому СССР во второй половине 1960-х гг. действовал из-за кулис, выдвинув на авансцену ГДР. Хотя советское руководство по-прежнему придерживалось в западноберлинских делах наступательной тактики, Восточный Берлин проводил еще более жесткую линию и выглядел в глазах западной общественности «большим католиком, чем римским папа» ³.

Цель данной работы заключается в том, чтобы показать отношение СССР к заградительным акциям, предпринятым ГДР в 1968 г. на коммуникациях ФРГ с Западным Берлином, а также к проявлениям федерального присутствия в этом городе. Она написана на основе материалов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), документов для служебного пользования, опубликованных в СССР и ГДР ⁴, а также печати СССР, ГДР, ФРГ и Западного Берлина.

После вспышки напряженности весной 1965 г., вызванной проведением в Западном Берлине заседания Бундестага и контрмерами СССР и ГДР, обстановка вокруг этого города вошла в стадию «относительного успокоения», длившуюся почти до конца 1967 года. При этом ФРГ продолжала акции, призванные продемонстрировать федеральное присутствие в Западном Берлине, а ГДР резко протестовала против них и неоднократно подчеркивала, что Западный Берлин находится на ее территории.

На рубеже 1967—1968 гг. ГДР активизировала акции, направленные на дискредитацию политики ФРГ в Западном Берлине. 26 октября 1967 г. советское посольство в Берлине по просьбе «немецких друзей» передало в МИД СССР текст заявления, с которым намеревался выступить МИД ГДР. Заявление касалось предстоящего 1 ноября назначения нового правящего бургомистра Западного Берлина К. Шютца президентом западногерманского Бундесрата.

Это назначение характеризовалось как новой провокационный шаг правительства коалиции ХДС/СДПГ, с помощью которого, «грубо нарушая действующее право, Западный Берлин выдается за часть боннского сепаратного государства». Далее следовал тезис о том, что Западный Берлин не только находится в центре ГДР, но и, главное, расположен «на ее территории» ⁵. Этой фразы, заимствованной из времен хрущевского требования превратить Западный Берлин в вольный город, советская дипломатия второй половины 1960-х гг. старательно избегала.

МИД ГДР выражал «резкий протест против дальнейшего форсирования западногерманской экспансионистской политики в отношении Западного Берлина» и указывал, что «соответствующие органы ГДР сделают необходимые выводы для отпора подобного рода агрессивным шагам правительства Кизингера — Штрауса», которое несет «ответственность за все возможные последствия... противозаконных действий» ⁶.

2 ноября 1967 г. заместитель министра иностранных дел ГДР Г. Корт пригласил в МИД ГДР послов европейских социалистических стран и информировал их о решении своего правительства опуб-

ликовать заявление по вопросу о Западном Берлине. Подробно изложив оценку, данную правительством ГДР обстановке, складывавшейся вокруг Западного Берлина, Корт пояснил, что необходимость такого заявления вызвана «упорным продолжением враждебного в отношении ГДР политического курса боннского правительства, его заметно активизировавшихся в этой связи провокационных действий в вопросе о Западном Берлине» ⁷.

Проявлением этого курса ФРГ правительство ГДР считало также «недавнюю замену правящего бургомистра Западного Берлина, в результате чего у руководства оказался сторонник проведения более активного, жесткого в отношении ГДР курса Шютц, успевший уже выступить с рядом провокационных заявлений и действий в отношении ГДР». По мнению ее руководства, единственно возможным путем решения проблемы Западного Берлина, разрядки существовавшей в отношениях между двумя германскими государствами напряженности должно было стать «признание правительством ФРГ ГДР и переговоры между двумя суверенными германскими государствами». МИД ГДР выражал надежду на поддержку этого заявления «дружественными социалистическими странами» ⁸.

Советская дипломатия поддержала это заявление, но документы посольства СССР по Западному Берлину, направленные в конце 1967 г. в МИД, существенно отличались от заявлений руководства ГДР сдержанностью, осторожностью в суждениях и обоснованностью выводов. В них отсутствовал пропагандистский налет, а передаваемая информация отличалась полнотой изложения и объективностью.

Об этом свидетельствует, в частности, сообщение посольства, направленное в Третий европейский отдел МИД СССР 23 декабря 1967 года. В нем речь шла о выступлении В. Брандта 23 декабря на специально созванной в Западном Берлине пресс-конференции с заявлением об отношениях между ГДР и ФРГ, а также о положении в Западном Берлине. Показательно, что в этом сообщении отсутствовали стандартные фразы о «провокационном характере» визита Брандта в Западный Берлин, хотя он являлся вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ.

В сообщении выделялись его слова о том, что ГДР в последнее время «усилила линию на обострение отношений с ФРГ», но, несмотря на это, ФРГ будет продолжать «вовлекать другую часть Германии в свою политику мирного сотрудничества». Посольство обратило особое внимание на заверения Брандта в том, что ФРГ уважает «существующий статус Берлина» и что он «не будет изменен односторонним путем» ⁹.

В сообщении посольства говорилось: «Выступление Брандта очевидно связано с тем, что соответствующие заявления с советской стороны, а также со стороны ГДР в отношении агрессивного реваншистского курса ФРГ, проявляющегося также в усилившихся в последнее время незаконных притязаниях на Западный Берлин, вызывали определенную обеспокоенность у западных держав. Судя по всему, недавние визиты в Западный Берлин посла США Макги и посла Франции Сейду имели целью ближе ознакомиться с обстановкой здесь и предостеречь Шютца от непродуманных выступлений. Следует полагать, что Брандт сделал изложенное заявление по рекомендации

западных держав, чтобы произвести успокоительное впечатление в адрес Советского Союза и ГДР»¹⁰.

Однако советская дипломатия по-прежнему считала, что активность ФРГ в Западном Берлине — это проявление стремления окончательно интегрировать город в состав западногерманского государства и подорвать возможную разрядку напряженности в Центральной Европе. Именно в таком духе было выдержано письмо советского посла послам трех западных держав в ФРГ от 14 февраля 1968 года.

За последний год, отмечалось в нем, масштабы «незаконной деятельности» ФРГ в Западном Берлине систематически расширялись. Правительство ФРГ ввело в практику регулярное проведение в Западном Берлине «парламентских недель», созыв фракций и комитетов Бундестага. В городе стали проводиться заседания федерального правительства, устраиваться совещания высших чинов полиции земель ФРГ. Активно обсуждались планы перевода в Западный Берлин, где уже было занято более 20 тыс. федеральных чиновников, еще целого ряда западногерманских учреждений, в частности, создания в городе постоянной резиденции канцлера ФРГ¹¹.

Суть политики ФРГ в отношении Западного Берлина посол СССР П.А. Абрасимов сформулировал так: путем проведения акций явочного характера попытаться изменить в свою пользу существующий статус этого города. Провокационный характер такой политики «во много крат усугубляется тем, что правительство ФРГ пытается втянуть в ее проведение своих партнеров по НАТО»¹².

Ключевой фразой в письме было предупреждение о том, что «Советский Союз не допустит ни присоединения в какой-либо форме Западного Берлина к Федеративной Республике, ни его использования в целях, не совместимых с интересами нормализации обстановки в Европе, упрочения безопасности европейских народов»¹³.

Правительству ФРГ в связи с его действиями в Западном Берлине тоже было сделано соответствующее представление, равно как и западноберлинскому Сенату¹⁴.

Послы США, Англии и Франции в ФРГ ответили советскому послу в ГДР идентичными по содержанию короткими письмами, в которых подчеркивалось, что ФРГ «заботится о стабильности, благосостоянии и жизнеспособности Берлина, то есть проявляет заботу, которую мы не рассматриваем как противоречащую статусу города». Послы западных держав вновь заявили, что особый статус, на который ссылается советская сторона, «не имеет в виду лишь западные секторы Берлина, а распространяется на весь город Берлин»¹⁵.

В Бонне было официально объявлено, что в начале марта 1968 г. в Западном Берлине соберутся на «парламентскую неделю» все комитеты и фракции Бундестага. Одновременно намечалось созвать совещание правительства ФРГ. В связи с этим 4 марта, в день проведения «парламентской недели», Абрасимов передал представителям печати заявление по Западному Берлину.

«Налицо, — отмечалось в заявлении, — новая реваншистская демонстрация правящих кругов ФРГ, новая незаконная попытка положить руку на Западный Берлин. ФРГ никогда не удастся ни создать, ни подкрепить каких-либо прав на Западный Берлин. Незаконные действия от их повторения не перестают быть незаконными. Этого

не могут не понимать те, кто устраивает одну провокацию в Западном Берлине за другой»¹⁶.

Советский посол заявил также, что «посягательства ФРГ на Западный Берлин» лишний раз раскрывают суть ее «новой восточной политики»: на словах она за сотрудничество со своими соседями, на деле же покушается на их права и интересы, злоупотребляет своими связями с Западным Берлином. На словах выступает за разрядку в Европе, на практике ведет дело к обострению обстановки вокруг Западного Берлина, к созданию очага напряженности и конфликтов. В заключение Абрасимов подчеркнул, что «проходить мимо незаконных действий правящих кругов ФРГ в Западном Берлине значило бы поощрять их на дальнейшие реваншистские домогательства. Как и всякое проявление агрессивности, происки ФРГ в отношении Западного Берлина не могут не встретить надлежащего отпора»¹⁷.

Вскоре «надлежащий отпор» действиям ФРГ в Западном Берлине дала ГДР. Предпринятые ею меры были заранее согласованы с СССР.

В третьей декаде марта в Западном Берлине планировалось провести «генеральное собрание» западногерманской Национал-демократической партии (НДП), для участия в котором должны были прибыть многочисленные деятели этой партии, которая Советским Союзом, ГДР, другими социалистическими странами, а также значительной частью общественности западных государств рассматривалась как неонацистская. Оккупационные власти трех держав и западноберлинский сенат не препятствовали проведению этой акции. Для ее осуществления члены НДП намеревались использовать коммуникации ГДР, связывавшие Западный Берлин с ГДР.

В этих условиях 10 марта 1968 г. министр внутренних дел ГДР Ф. Диккель издал распоряжение о защите ГДР и ее граждан от происков «неонацистских сил Западной Германии и Западного Берлина»¹⁸. В нем указывалось, что гражданам ФРГ и Западного Берлина, являвшимся членами НДП или занимавшимся неонацистской деятельностью, запрещается въезд в ГДР или проезд через территорию ГДР. Запрет распространялся и на проезд членов НДП из Западного Берлина и в Западный Берлин.

Лица, нарушившие этот запрет, должны были немедленно высылаться из ГДР, если только, в соответствии с ее уголовным законодательством, не требовалось проведения следствия. Впервые это распоряжение было применено пограничными властями ГДР 18 марта, когда члену НДП был запрещен проезд из ФРГ в Западный Берлин через государственную границу ГДР у Хиршберга¹⁹.

Важную роль в борьбе против неонацистской деятельности в Западном Берлине сыграло также письмо Абрасимова послам трех держав в Бонне от 13 марта 1968 года. Некоторые средства массовой информации ФРГ восприняли его как требование пресечь деятельность НДП в Западном Берлине.

11 апреля 1968 г. во время столкновений молодежи с праворадикальными экстремистами в Западном Берлине был убит один из руководителей внепарламентской оппозиции и Социалистического союза немецких студентов Р. Дучке. Это преступление вызвало в Западном Берлине волну протестов. Для того, чтобы помочь Сенату

взять ситуацию под контроль, в Западный Берлин был направлен министр внутренних дел ФРГ Э. Бенда.

13 апреля 1968 г. министр внутренних дел ГДР Ф. Диккель отдал распоряжение, согласно которому министрам и другим руководящим чиновникам федерального правительства впредь, до особого распоряжения, не разрешался проезд в Западный Берлин через территорию ГДР. Отмечалось, что оно было связано «... с незаконным вмешательством министра внутренних дел ФРГ» во внутренние дела самостоятельной политической единицы — Западного Берлина — и применением федеральным правительством чрезвычайных мер против демократических сил города ²⁰.

Правительство и средства массовой информации ФРГ сразу же сосредоточили свои усилия на том, чтобы доказать, что распоряжение МВД ГДР от 13 апреля — это «нарушение статуса Берлина» и свободы доступа в город. Вскоре в западноберлинской печати были опубликованы заявления послов трех западных держав в Бонне, в которых предпринималась попытка взять под защиту действия ФРГ в Западном Берлине и выражался протест против мероприятий, осуществленных правительством ГДР ²¹.

Посольство СССР в ГДР 9 мая 1968 г. передало представителям печати заявление, в котором подчеркивалось, что обстановка в Западном Берлине «все в большей мере характеризуется превращением города в арену неофашистской, реваншистской и милитаристской деятельности, направляемой из Бонна, и связанным с этим разгулом полицейского террора против демократических организаций и граждан. За всем этим скрывается стремление правящих кругов ФРГ включить Западный Берлин в состав ФРГ в качестве ее земли» ²². Посольство еще раз заявило, что Советский Союз категорически отвергает «незаконные посягательства» ФРГ на Западный Берлин.

Что касается распоряжений министра внутренних дел ГДР о запрете на транзит по коммуникациям, пролегающим через территорию ГДР, для членов НДП, министров и чиновников, прибывающих в Западный Берлин для демонстрации притязаний ФРГ на этот город, то, подчеркивало советское посольство, «данный вопрос относится к компетенции Германской Демократической Республики, что вытекает из договора об отношениях между СССР и ГДР от 20 сентября 1955 г.» ²³

В зависимости от того, какой характер принимала «дипломатическая перестрелка», вызванная решением МВД от 13 апреля 1968 г., действовали и компетентные органы ГДР. Так, в конце апреля восточногерманские пограничники воспрепятствовали попытке Шютца проехать на автомашине из Западного Берлина в ФРГ через территорию ГДР. Средства массовой информации ГДР делали ударение на том, что эта попытка имела «явно вызывающий характер», так как Шютц предстал перед пограничными властями ГДР не просто как правящий бургомистр города, но и как председатель Бундесрата ФРГ ²⁴. Она стала «очередной демонстрацией противоречащих международному праву притязаний ФРГ на Западный Берлин» ²⁵.

Несмотря на предостережения СССР и ГДР, в мае 1968 г. активность ФРГ в Западном Берлине не только не снизилась, но и, наоборот, возросла. Там состоялись заседания ряда комиссий Бундесрата,

которые были созданы Шютцем как председателем верхней палаты западногерманского парламента. Эти акции, заявил МИД ГДР 20 мая, являются новым доказательством того, что правительство ФРГ и западноберлинский Сенат предпринимают все новые шаги с целью обострения напряженности и прокладывают пути для осуществления аннексионистской политики ФРГ в отношении Западного Берлина. ГДР «оставляет за собой право в соответствии с интересами европейской безопасности принять все меры, необходимые для отпора аннексионистской политике ФРГ и для защиты интересов ГДР»²⁶.

Возросла и активность Национал-демократической партии. На 18 мая было назначено проведение в Западном Берлине «Дня НДП». Это вызвало серьезный протест населения города. Сенат, опасаясь волнений, запретил мероприятие национал-демократов. Однако высший административный суд Западного Берлина, куда обратилась НДП, объявил этот запрет незаконным и предписал предоставить ей помещение. Далее события приняли неожиданный поворот. Здание, в котором национал-демократы намеревались провести «День НДП», было полностью оцеплено демонстрантами. Высший административный суд после пятичасового заседания вынужден был приостановить решение, позволявшее проведение мероприятия²⁷. Средства массовой информации ГДР, говоря о «срыве неонацистского шабаша» в Западном Берлине, отмечали, что это важный успех прогрессивных сил города, но одновременно подчеркивали ненормальность и опасность положения в Западном Берлине²⁸.

Вопрос о ситуации в Западном Берлине и вокруг него всесторонне обсуждался во время визита в СССР 29—31 мая 1968 г. партийно-правительственной делегации ГДР во главе с Первым секретарем ЦК СЕПГ В. Ульбрихтом. В коммюнике об этом визите вновь отмечалось, что отказ ФРГ от «посягательств на Западный Берлин» является одним из условий обеспечения прочного мира и безопасности на европейском континенте. Стороны предупредили, что «проводимая западногерманскими правящими кругами линия на незаконное включение Западного Берлина в состав ФРГ и связанные с этим постоянные провокации против социалистических стран по-прежнему будут встречать решительный отпор». Важное значение имело включение в коммюнике положения, согласно которому «защитные мероприятия, которые были недавно предприняты правительством ГДР на коммуникациях между Западным Берлином и ФРГ²⁹, находятся в полном соответствии с правами и обязательствами ГДР по действующим международным соглашениям»³⁰. Можно предположить, что это являлось предупреждением о возможности новых мероприятий ГДР.

В ФГГ, вероятно, не до конца поняли поступивший из Москвы сигнал: ее активность в Западном Берлине не снижалась. Еще не стихли комментарии по поводу «Дня спорта» ФРГ, проведенного в Западном Берлине 28 мая — 2 июня 1968 г. под патронатом президента ФРГ Г. Любке, как федеральный президент вновь появился в этом городе — на этот раз с целью участия в заседании Союза западногерманских промышленников. «Провокационный характер этого заседания в Западном Берлине руководящих представителей западногерманских монополий, — заявил представитель МИД ГДР 10 июня 1968 г., — еще более заостряется тем обстоятельством, что на нем

обсуждаются мероприятия по увеличению производства западногерманской военной продукции и... по дальнейшему вовлечению западноберлинской промышленности в боннскую индустрию вооружений»³¹.

Представитель МИД ГДР осудил также открытие в Западном Берлине «бюро Европейского Экономического Сообщества», которое выполняло здесь функции представительства «бюро ЕЭС» в Бонне. «Этот шаг, — заявил восточногерманский дипломат, — является еще одним выражением стремления правительства Кизингера — Штрауса вовлечь государства этого тесно связанного с НАТО объединения... в аннексионистскую политику по отношению к Западному Берлину»³².

Но заявление МИД ГДР, ровно как и комментарии к нему восточногерманских средств массовой информации, были лишь «артиллерийской подготовкой» к новому удару ГДР по курсу ФРГ в отношении Западного Берлина. 11 июня 1968 г. Народная палата ГДР приняла ряд решений. Восточногерманский парламент утвердил мероприятия Совета Министров ГДР, предусматривавшие введение паспортно-визового режима для всех граждан ФРГ и Западного Берлина, следовавших в этот город и из него в Федеративную Республику. Запрещалось перевозить через территорию ГДР неонацистские материалы. Кроме того, вводился ряд таможенных мер, обычных для практики международных контактов³³.

С введением паспортно-визового режима отменялось действовавшее до тех пор предварительное частное урегулирование в области передвижения западногерманских граждан из ФРГ в Западный Берлин и обратно, согласно которому для этого достаточно было внутреннего паспорта. Теперь гражданин ФРГ, следовавший транзитом через территорию ГДР в Западный Берлин или из него, должен был предъявлять действительный заграничный паспорт и получать в пунктах пересечения границы ГДР ее транзитную визу. В случае проезда жителя Западного Берлина через территорию ГДР он обязан был предъявлять действительное западноберлинское удостоверение личности и так же, как и граждане ФРГ, получать транзитную визу ГДР³⁴.

Таможенные органы ГДР отныне пропускали в Западный Берлин и из него лишь такой транспорт, в препроводительных документах к которому Западный Берлин не определялся как город, принадлежащий ФРГ. Кроме того, не признавались больше действительными западногерманские таможенные документы, содержание которых отражало «посягательства ФРГ на единоличное представительство»³⁵.

Обосновывая эти мероприятия, министр внутренних дел ГДР Диккель заявил, что они направлены не против поездок западногерманских и западноберлинских граждан или экономических и культурных связей Западного Берлина. «Предусмотренные урегулирования, — отметил он, — должны помочь воспрепятствовать нарушениям суверенитета ГДР и преднамеренному использованию ее территории в агрессивных и опасных для дела мира целях. Это отвечает интересам наших граждан, а также миролюбивых граждан Западной Германии и Западного Берлина»³⁶.

Народная палата ГДР одобрила также мероприятия, касавшиеся введения специального компенсационного сбора с западногерманских и западноберлинских предпринимателей за перевозки по дорогам и водным путям ГДР. Разъясняя смысл этого решения, первый заме-

стителю министра финансов ГДР Х. Камински заявил в Народной палате, что западногерманские финансовые органы незаконно присвоили себе право взимать налоги за перевозку грузов в и из ФРГ по путям, проходящим по территории не только ФРГ, но и ГДР. По указанию федерального правительства, подобным же образом действовали и западноберлинские финансовые органы, взимавшие налоги с предпринимателей за использование путей сообщения ГДР. Все это делалось со ссылкой на то, что сфера применения правовых норм ФРГ определялась якобы границами 1937 г., поэтому пути сообщения ГДР — это не что иное, как «федеральные пути сообщения». Камински сообщил, что с помощью этих приемов, основывавшихся на доктрине единоличного представительства, правительство ФРГ к концу 1967 г. незаконно получило более 120 млн западных марок, а западногерманский Сенат — более 110 млн ³⁷.

Введенный ГДР компенсационный сбор составлял при использовании автомашин 3 пфеннига за каждую тонну перевозимого груза и за каждый километр пути. При перевозках пассажиров на автомашинах компенсационный сбор был равен 0,8 пф. за каждого пассажира и за каждый километр пути. Однако провоз пассажиров в легковых машинах и на мотоциклах сбором не облагался. Компенсационный сбор за перевозки грузов по водным путям устанавливался в зависимости от типа путей в размере от 35 до 70 пф. за каждую тонну груза. Компенсационный сбор не распространялся на перевозки, связанные с экспортом и импортом товаров для предприятий ГДР ³⁸.

Одновременно Народная палата одобрила мероприятия, предусматривавшие повышение с 20 июня 1968 г. минимальной квоты обмена иностранной валюты на марки ГДР для въезжавших по личным мотивам в ГДР граждан Западного Берлина, ФРГ и других несоциалистических стран ³⁹. Если для поездок этих граждан в ГДР требовалась ее въездная виза, то они обязаны были ежедневно менять на марки ГДР как минимум 10 марок ФРГ. До этого минимальная обменная квота составляла 5 марок ФРГ. Обмен западногерманских марок на марки ГДР осуществлялся, как и раньше, из расчета 1:1 ⁴⁰. Повышение минимальной обменной квоты укрепляло позиции валюты ГДР и сокращало возможности различных валютных спекуляций.

Сразу же после того, как стало известно о мероприятиях правительства ГДР, канцлер ФРГ Кизингер созвал срочное совещание кабинета министров для обсуждения создавшегося положения. Затем он нанес блиц-визит в Западный Берлин, где провел закрытое совещание с руководителями Сената. Выступая 17 июня 1968 г. по западногерманскому радио и телевидению, а затем, 20 июня, в Бундестаге, Кизингер резко критиковал СССР и ГДР, обвиняя их в нарушении международных обязательств и стремлении «задушить» Западный Берлин. Он подчеркнул, что действия СССР и ГДР могут значительно усилить напряженность вокруг Берлина ⁴¹. Одновременно правительство ФРГ апеллировало к западным державам, призывая их «не ограничиваться бумажными протестами».

Дипломаты и военные разных рангов трех западных держав неоднократно выступали с заявлениями, в которых выражался протест против действий ГДР. Военные власти США, Англии и Франции в Западном Берлине заявили, что они введут новый налог на выдачу

виз гражданам ГДР, направляющимся в страны — члены НАТО. На сессии совета НАТО, проходившей в Рейкьявике в конце июня 1968 г., ФРГ удалось убедить западные державы выступить с «Заявлением о гарантиях» для Берлина, к которому, не без колебаний, присоединились остальные государства НАТО.

В заявлении Государственного совета ГДР от 21 июня 1968 г. указывалось, что введение паспортно-визового режима для граждан ФРГ и Западного Берлина и другие принятые ГДР меры являются выражением обычного суверенного права любого государства⁴². 2 июля представитель МИД ГДР охарактеризовал выпады западных держав против ГДР как «во всех отношениях необоснованные, противозаконные и наглые». Страны НАТО, указал он, «ни в коей мере не компетентны высказываться о мероприятиях, которые проводятся исключительно для защиты суверенных прав ГДР и для того, чтобы воспрепятствовать использованию ее суверенной территории в целях, опасных для дела мира»⁴³.

27 июня 1968 г. СССР на правительственном уровне заявил о своей полной поддержке мероприятий ГДР. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, выступая на сессии Верховного Совета СССР, отметил, что линия ФРГ в отношении Западного Берлина остается прежней и сводится к попыткам аннексии этого города. Стоит же социалистическому государству принять соответствующие меры по ограждению своих суверенных прав, как это сделала недавно ГДР перед лицом усиливавшихся притязаний ФРГ на Западный Берлин, как следует настоящий пропагандистский взрыв, направленный на то, чтобы очернить внешнюю политику ГДР. Все это, сказал Громыко, необходимо учитывать и учитывается в нашей внешнеполитической деятельности. Он подчеркнул, что провокации в отношении Западного Берлина «встречают и будут встречать должный отпор со стороны Советского Союза, ГДР, Организации Варшавского Договора»⁴⁴.

3 июля 1968 г. отношение СССР к мероприятиям ГДР сформулировал Л.И. Брежнев. Он заявил, что они направлены на укрепление суверенитета ГДР, а раздражение, с которым они были встречены в ФРГ и некоторых других странах, лишь свидетельствует о том, что «там никак не могут примириться с тем, что Германская Демократическая Республика, как и любое суверенное государство, имеет полное право охранять свои границы, свою территорию. Там никак не хотят понять, что реваншистский курс Бонна, даже облаченный в одежды “новой восточной политики”, обречен на провал. Но как ни трудно кое-кому осознать этот факт, это придется все-таки сделать»⁴⁵.

Диаметрально противоположная характеристика содержания и направленности мероприятий ГДР была дана в нотах правительств трех западных держав правительству СССР от 3 июля 1968 года. Введение с 12 июня паспортно-визового режима и с 1 июля дополнительных сборов на товары, ввозимые в Восточную Германию, по мнению западных держав, затрагивало доступ в Берлин и поэтому противоречило обязательствам, взятым на себя Советским правительством в соответствии с коммюнике четырех держав от 20 июня 1949 года. Согласно этому документу, четыре державы обязались «принимать необходимые меры для обеспечения нормального функционирования и использования железнодорожного, водного и дорожного транспорта», для

«передвижения лиц и товаров... между западными зонами и восточной зоной, а также между Берлином и зонами». С точки зрения западных держав, ответственность, взятая тем самым на себя Советским Союзом, оставалась в силе, и на нее не могли повлиять какие-либо соглашения, которые СССР заключал с восточногерманскими властями ⁴⁶.

Западные державы подчеркнули, что введение паспортов и виз для передвижения немецких граждан внутри их собственной страны, противоречит позиции, которой они всегда придерживались как в отношении принципа свободного перемещения внутри Германии, так и в отношении того, «чтобы рассматривать Германию как единое целое. Внутри Германии не существует государственных границ» ⁴⁷.

Больше всего западные державы были возмущены требованием к жителям Западного Берлина именоваться в анкетах для получения виз «гражданами самостоятельной политической единицы Западный Берлин». В нотах трех держав говорилось, что в соответствии с действующими международными соглашениями, участником которых является СССР, «не существует самостоятельной политической единицы Западного Берлина, а имеется особый район Берлина, включающий все четыре сектора, который должен управляться как единое целое... Ограничения в отношении свободы передвижения в пределах Берлина являются нарушением международных соглашений».

Западные державы подчеркивали, что мероприятия ГДР противоречат интересам разрядки, «чреваты усилением напряженности и наносят ущерб делу достижения более тесного сотрудничества между Восточной и Западной Европой». США, Англия и Франция заявили протест Советскому Союзу «против ограничений на передвижение лиц и товаров внутри Германии» и призвали Советское правительство «выполнять свои международные обязательства по обеспечению свободы доступа в Берлин» ⁴⁸.

Ответная нота МИД СССР была передана посольствам трех западных держав в Москве 26 июля 1968 года. В ней указывалось, что меры по упорядочению транзита пассажиров и грузов из ФРГ в Западный Берлин и в обратном направлении через территорию ГДР «относятся к компетенции правительства ГДР, и обращение к Советскому Союзу по этому вопросу не имеет под собой оснований» ⁴⁹. С точки зрения СССР, ничего не меняла в этом отношении и ссылка на коммюнике Совета министров иностранных дел четырех держав от 20 июня 1949 г., относившееся к оккупационному периоду, когда еще не образовалось ни одного из двух германских государств и, естественно, не возникали и не могли возникнуть паспортно-визовые и другие вопросы государственного регулирования передвижения и транзита граждан и товаров ГДР, ФРГ и Западного Берлина. Кроме того, в соответствии с договором об отношениях между СССР и ГДР от 20 сентября 1955 г., вопросы транзитного передвижения гражданских лиц и грузов по территории ГДР регулировались властями ГДР.

Советское правительство также обратило внимание правительств США, Англии и Франции на то, что мероприятия ГДР «не затрагивают существующий порядок доступа трех держав в Западный Берлин. Они не сказываются на объеме транзитного передвижения гражданских лиц и грузов по территории ГДР и не наносят ущерба нормальным связям Западного Берлина с внешним миром» ⁵⁰.

Наиболее важным компонентом советской ноты стало несогласие с заявлением западных держав о том, что мероприятия ГДР чреваты усилением напряженности. ГДР, говорилось в ноте, последовательно проводит политику, направленную на укрепление мира и европейской безопасности, развитие равноправного международного сотрудничества. Если же вокруг Берлина время от времени и происходят обострения обстановки, отмечало Советское правительство, то ответственность за это полностью ложится на правительство ФРГ, которое, выдвигая незаконные притязания на Западный Берлин, продолжает попытки использовать его для разного рода провокационных акций.

Советское руководство подчеркнуло, что считает меры, принятые правительством ГДР, полностью правомерными, отвечающими интересам оздоровления обстановки в центре Европы. Более того, оно призвало западные державы использовать имевшиеся у них возможности «для того, чтобы со стороны ФРГ не предпринималось в отношении Западного Берлина каких-либо шагов, противоречащих целям ослабления напряженности»⁵¹.

Советская нота от 26 июля 1968 г. вызвала резкую критику как средств массовой информации, так и многих руководящих политических деятелей западных держав и ФРГ. Но это не повлияло на позицию СССР. Она по-прежнему сводилась к тому, что меры, принятые ГДР, вполне оправданы и правомерны, а обострение обстановки вокруг Западного Берлина связано исключительно с действиями ФРГ. Выступая 3 октября 1968 г. на пленарном заседании XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Громыко отметил, что посягательства ФРГ на Западный Берлин не прекращаются. Наш ответ на это, продолжал он, ясен: Западный Берлин «не принадлежал, не принадлежит и принадлежать ФРГ не будет. Если тут возникают временные обострения, то ответственность ложится на правительство ФРГ»⁵².

Результат «защитных мер» ГДР, согласованных с СССР и полностью поддержанных им, сводился к следующему. Проезд через территорию ГДР западногерманским министрам, чиновникам, депутатам «всех мастей» был закрыт. Паспортно-визовый режим на коммуникациях, проходящих по территории ГДР и ведущих в Западный Берлин, несмотря на возмущение ФРГ и «бумажные протесты» западных держав, остался в силе и неукоснительно соблюдался. Не менее строго исполнялись решения, касавшиеся введения специального компенсационного сбора за перевозки по дорогам и водным путям ГДР. Полностью выполнялось также решение о повышении минимальной квоты обмена иностранной валюты на марки ГДР для въезжавших по личным мотивам в ГДР граждан Западного Берлина, ФРГ и других несоциалистических стран.

Поддержанные Советским Союзом мероприятия ГДР имели значительные последствия и для западноберлинской организации НДП. Распоряжение министра внутренних дел ГДР от 10 марта 1968 г. о защите республики от «происков неонацистских сил» и письмо Абраимова от 13 марта 1968 г. послам трех западных держав в ФРГ об активизации неонацистов в Западной Берлине поставили ряд серьезных вопросов как перед НДП, так и перед западноберлинским Сенатом. Третий европейский отдел МИД СССР рассматривал решение МВД ГДР и письмо советского посла в тесной связи. В справке отде-

ла от 4 июня 1968 г. подчеркивалось, что беспокойство западноберлинской общественности активностью неонацистов в городе усилилось «после обращения в марте 1968 г. посла СССР в ГДР к послам трех держав в Бонне с требованием принять “необходимые меры в отношении неонацистской НДП в соответствии с известными международными актами по Германии и Берлину” и распоряжения МВД ГДР “О защите ГДР и ее граждан от происков неонацистских сил”, запретившего транзит в Западный Берлин членам НДП и действующим в неонацистском духе лицам»⁵³.

По мнению Третьего европейского отдела, оккупационные власти трех держав по сути дела были вынуждены в какой-то степени признать правомерность шагов СССР и ГДР, и этот факт не остался незамеченным населением Западного Берлина. Неопределенность употребленной в документах ГДР формулировки относительно «лиц, действующих в неонацистском духе», и опасения лишиться права на проезд по наземным коммуникациям Восточной Германии заставили отмежеваться от НДП многих из тех, кто ранее сотрудничал с нею. Показательно, что после публикации письма советского посла и постановления МВД ГДР из западноберлинской НДП вышло около 20% ее членов. Попытки восполнить уменьшение численного состава партии за счет усиленной вербовки новых членов, в том числе на промышленных предприятиях города, успеха не имели⁵⁴.

Сенат пришел к выводу, что продолжение деятельности НДП в Западном Берлине может быть использовано социалистическими странами в качестве «предлога для нового нажима на Западный Берлин»⁵⁵. Как заявил западноберлинский бургомистр К. Нойбауэр, Сенат считал целесообразным поставить вопрос о запрещении НДП, «исходя из особого положения города и вытекающих из него вопросов внешней политики»⁵⁶.

20 сентября 1968 г. находившееся под контролем СДПГ западноберлинское правление Объединения немецких профсоюзов (ОНП) приняло решение обратиться к оккупационным властям с требованием запретить НДП. Правление «напоминало союзнической комендантуре об ее обязанностях воспрепятствовать возрождению национал-социалистических объединений»⁵⁷. Западноберлинский Сенат поддержал эту инициативу и в свою очередь обратился 2 октября 1968 г. в комендатуру с официальным ходатайством о запрещении НДП⁵⁸.

Советские дипломаты считали, что в результате этого шага Сената НДП оказалась в трудном положении. Несмотря на активную поддержку со стороны ХДС, руководство партии не было уверено, что комендатура не удовлетворит просьбу Сената. В этом случае запрет был бы окончательным, и пересмотреть его с помощью немецких судов было бы невозможно. Запрет НДП в Западном Берлине негативно сказался бы и на деятельности этой партии в самой ФРГ⁵⁹.

По мнению Третьего европейского отдела, западные державы не спешили принимать решение по этому вопросу, являвшемуся острой проблемой внутривосточной борьбы в ФРГ и затрагивавшему интересы главных западногерманских политических партий. Это дало возможность правлению НДП избежать запрета своей западноберлинской организации с помощью заявления о ее самороспуске, сделанного 16 октября 1968 года⁶⁰.

Руководство НДП не скрывало, что «самороспуск» был чисто тактическим приемом, и что западноберлинская организация партии должна была сохраниться. Один из ее руководителей в интервью журналу «Шпигель» так объяснил побудительные мотивы решения о самороспуске: «Мы убедились в том, что беззащитны перед лицом предпринимаемых Сенатом попыток запретить нас. Решение союзников о запрете было невозможно отменить. И до тех пор, пока положение вещей в Бонне не ясно, мы не хотели рисковать в Берлине... С помощью этого ухода под воду мы должны, так сказать, сохранить для себя свободу действий, пока ни Бонн, ни Карлсруэ ⁶¹ не занялись будущим нашей партии. Но этой свободы действий мы бы лишились, если бы со стороны союзников имелось решение о запрете... Если итог парламентских выборов будет для нас в какой-то степени сносным и если процесс в Карлсруэ закончится в нашу пользу или вообще не будет начат, тогда для нас вновь сложится в Берлине действительно совершенно иная ситуация» ⁶².

С точки зрения советской дипломатии, этот маневр устраивал и Сенат, и оккупационные власти, надеявшиеся таким способом на время как бы заморозить вопрос о незаконной деятельности НДП в Западном Берлине. Однако уже несколько месяцев спустя, 7 января 1969 г., 8-я палата по гражданским делам западноберлинского суда по жалобе группы членов западноберлинской НДП приняла решение о незаконности самороспуска НДП в Западном Берлине и запретила ликвидировать ее организации, закрывать ее банковские счета и т.д. После этого руководство партии не поднимало больше вопрос о самороспуске, однако рекомендовало своим членам в Западном Берлине в течение некоторого времени «воздерживаться от политической активности» ⁶³.

В создавшихся условиях национал-демократы перешли к конспиративным методам работы, избегая шумных публичных демонстраций и выступлений. Внимание западноберлинской организации НДП сосредоточилось в основном на содействии своей партии в предвыборной кампании в ФРГ перед выборами в Бундестаг, которые должны были состояться в сентябре 1969 года.

Вместе с тем НДП продолжала работу по укреплению своих позиций в Западном Берлине. 29 января 1969 г. руководство НДП Западного Берлина приняло решение о «нормализации и активизации» работы парторганизации. «Партия продолжает делать свою каждодневную работу», — заявил председатель западноберлинского филиала НДП Р. Кендция, подводя итоги деятельности парторганизации ⁶⁴.

21 марта 1969 г. Сенат повторно обратился к оккупационным властям с просьбой запретить НДП, но западноберлинский филиал партии продолжал действовать. Сами западноберлинские власти не делали тайны из того, что в ближайшее время против него никаких мер приниматься не будет ⁶⁵.

Что касается военной администрации трех держав, то она ограничилась «изучением практической деятельности и сбором фактов об ее антиконституционной деятельности в Западном Берлине». Представители оккупационных властей указывали, что деятельность НДП ввиду ее малочисленности не представляет опасности для внутренней жизни Западного Берлина. Вместе с тем в неофициальном по-

рядке сотрудники военной администрации США, Англии и Франции в Западном Берлине высказывались в том плане, что каких-либо мер против НДП в Западном Берлине тремя державами, видимо, принято не будет, поскольку «этот вопрос может рассматриваться только во взаимосвязи с существованием НДП в ФРГ»⁶⁶.

В целом защитные меры, осуществленные в 1968 г. ГДР при активной поддержке СССР, стали успехом, хотя и ограниченным, «восточного блока». Июньские мероприятия ГДР — установление паспортно-визового режима, введение компенсационного сбора за использование коммуникаций Восточной Германии и увеличение квоты обмена иностранной валюты на марки ГДР — «сработали» полностью, а реакция на них трех западных держав, по сути, свелась лишь к формальным протестам. Мартовский удар по западноберлинской НДП, хотя и не стал для нее ни нокаутом, ни даже нокдауном, тоже можно назвать успехом, хотя и половинчатым, — партия в Западном Берлине не была запрещена, но ее позиции в городе оказались существенно ослабленными.

Мероприятия ГДР нельзя считать «мини-блокадой» Западного Берлина, хотя именно так они характеризовались некоторыми западногерманскими авторами еще в конце 1960-х — начале 1970-х годов⁶⁷. Эти мероприятия не затрагивали права трех держав в Западном Берлине. Порядок транзита военных грузов и персонала их гарнизонов в городе оставался прежним. Коммуникации ГДР оставались открытыми для транзита грузов и пассажиров из ФРГ и Западного Берлина, за исключением членов НДП и лиц, поддерживавших эту партию. Но порядок использования восточногерманских коммуникаций для гражданских перевозок существенно изменился. Это был политический удар по интересам западных держав и ФРГ. Одна из его целей — оказать на них давление в вопросе о международно-правовом признании ГДР. Тем не менее это не дает оснований говорить о полублокаде, частичной блокаде или «мини-блокаде» Западного Берлина. Конечно, введя при поддержке СССР «заградительные меры» на коммуникациях с Западным Берлином, ГДР получила определенные выгоды — и политического, и финансово-экономического характера. Но «мини-блокада» Западного Берлина не только не вводилась, но и в сложных международных условиях 1968 г. — война во Вьетнаме, ситуация в Чехословакии и отношения между СССР и КНР — вряд ли могла планироваться.

Вместе с тем позиция СССР в берлинских делах была более умеренной, чем позиция ГДР. Восточный Берлин считал, что любое проявление присутствия ФРГ в Западном Берлине и использование для этого восточногерманских коммуникаций должны повлечь за собой «решительный протест» Москвы. Руководство СССР рассматривало этот вопрос по-другому. Заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семёнов отмечал, что было бы неверно реагировать протестами на мелочи, но «при действительно серьезных случаях надо и соответствующим образом хлопнуть по столу»⁶⁸. Однако в главных вопросах — о непринадлежности Западного Берлина ФРГ и необходимости прекращения враждебной деятельности из этого города против социалистических стран — СССР и ГДР были едины. Укрепление внутренней стабильности в ГДР и упрочение ее позиций на международ-

ной арене соответствовало национальным интересам СССР. Это и предопределило позицию советской дипломатии в вопросе о защитных мерах ГДР на коммуникациях между ФРГ и Западным Берлином.

События марта-июня 1968 г. показали, что Западный Берлин по-прежнему оставался серьезным очагом международной напряженности. Но и в Москве, и в столицах западных держав росло понимание ненужности конфронтации в бывшей германской столице. Это и стало причиной того, что уже в конце 1969 г. правительства СССР, США, Англии и Франции приняли решение начать четырехсторонние переговоры по Западному Берлину.

Примечания

1. ФИЛИТОВ А.М. Советский Союз и «новая восточная политика» ФРГ. В кн.: Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. М. 2003; ЕГО ЖЕ. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. М. 2009; БЕСПАЛОВ В.А. Западноберлинский транзит (1945—1971): дипломатия холодной войны. М. 2015. См. также: ВЫСОЦКИЙ В.Н. [БЕЛЕЦКИЙ В.Н.]. Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М. 1971; АКОПОВ Г.М. Западный Берлин. Проблемы и решения. М. 1974; АБРАСИМОВ П.А. Западный Берлин вчера и сегодня. М. 1980.
2. KEIDERLING G., STULZ P. Berlin 1945—1968. Zur Geschichte der Hauptstadt der DDR und der selbstständigen politischen Einheit Westberlin. Berlin. 1970; КАЙДЕРЛИНГ Г., ШТУЛЬЦ П. Берлин 1945—1976. М. 1976.
3. DEUERLEIN E. Deutschland 1963—1970 und völkerrechtliche Aspekte der Berlin — Regelung. Frankfurt a. M. 1972; HERZFELD H. Berlin in der Weltpolitik 1945—1970. Berlin-New York. 1973; MAHNKE D. Berlin im geteilten Deutschland. München-Wien. 1973; GROSSER A. Geschichte Deutschlands seit 1945: eine Bilanz. München. 1974; HILGRUBER A. Deutsche Geschichte 1945—1972. Die «deutsche Frage» in der Weltpolitik. Frankfurt a. M. 1974; KUNZE G. Grenzerfahrungen. Kontakte und Verhandlungen zwischen dem Land Berlin und der DDR 1949—1989. Berlin. 1999; ALISCH S. Berlin — Politik der SED zwischen Bau und Fall der Mauer. München. 2004.
4. Министерство иностранных дел СССР. Третий европейский отдел. Историко-дипломатическое управление. Для служебного пользования. Сборник основных документов по вопросам отношений СССР с ГДР и ФРГ и германской проблематике (1967—1971 гг.). 1972 (Сборник основных документов); Die Westberlinfrage. Dokumentation. Potsdam-Babelsberg. 1971.
5. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 742, оп. 12, п. 41, д. 18, л. 145.
6. Там же, л. 146.
7. Там же, л. 154.
8. Там же, л. 154—155.
9. Там же, л. 178.
10. Там же, л. 178—179.
11. Сборник основных документов, с. 173—174.
12. Там же, с. 174—175.
13. Там же, с. 175.
14. Там же.
15. Там же, с. 176.
16. Там же.
17. Там же, с. 182.
18. Gesetzblatt der Deutschen Demokratischen Republik. 1968, Teil II, № 25, S. 110.
19. Neues Deutschland. 20.III.1968.
20. Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 414—415.
21. Сборник основных документов, с. 201.

22. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1968 г. М. 1969, с. 108.
23. Там же, с. 109.
24. Должность председателя Бундесрата К. Шютц занял 1 ноября 1967 года.
25. Neues Deutschland. 29.IV.1968.
26. Цит. по: Правда. 22.V.1968.
27. Die Wahrheit. 18.V.1968.
28. Neues Deutschland. 18.V.1968.
29. Имелись в виду распоряжения МВД ГДР от 10 марта и 13 апреля 1968 года.
30. Сборник основных документов, с. 208.
31. Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 422.
32. Ibidem.
33. Gesetzblatt der Deutschen Demokratischen Republik. Teil II, № 58, 11 Juni 1968, S. 331f.
34. Ibidem.
35. Ibidem.
36. Stenographische Niederschrift der Volkskammer der DDR. 5. Wahlperiode, 9. Sitzung, 10 und 11 Juni 1968, S. 393f.; Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 427.
37. Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 432.
38. Ibid., S. 434.
39. Минимальная квота обмена иностранной валюты на марки ГДР была введена в целях борьбы с валютными спекуляциями в декабре 1964 года.
40. Stenographische Niederschrift der Volkskammer der DDR. 5. Wahlperiode, 9. Sitzung, 10 und 11 Juni 1968, S. 399.
41. Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung. 20, 22.VI.1968.
42. Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 439 — 441.
43. Цит. по: Правда. 3.VII.1968.
44. Там же. 28.VI.1968.
45. Там же. 4.VII.1968.
46. Сборник основных документов, с. 275.
47. Там же, с. 276.
48. Там же.
49. Там же, с. 273.
50. Там же, с. 274.
51. Там же, с. 274—275.
52. Правда. 4.X.1968.
53. АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 99.
54. Там же.
55. Там же, л. 100.
56. Der Tagesspiegel. 4.X.1968.
57. Telegraph. 21.IX.1968
58. АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 100.
59. Там же, л. 101.
60. Там же.
61. В Карлсруэ находился Конституционный суд ФРГ.
62. Der Spiegel. 21.X.1968, № 43.
63. АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 102.
64. Там же.
65. Там же, л. 102—103.
66. Там же, л. 103.
67. HERZFELD H. Op. cit., S. 466; DEUERLEIN E. Op. cit., S. 148—149.
68. Цит. по: ФИЛИТОВ А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941—1990, с. 283.

США и албанское национальное движение 1878—1918 гг.

П.А. Искендеров

Аннотация. Работа посвящена развитию ситуации на Балканах в конце XIX — начале XX в. в контексте позиции и интересов США. На основе анализа неопубликованных архивных материалов и публикаций в американских средствах массовой информации автор прослеживает основные тенденции в динамике изменения отношений ключевых общественно-политических институтов США к балканской проблематике — в первую очередь, к развитию албанского национального движения.

Ключевые слова: Россия, США, Балканы, Сербия, Албания, Черногория, Косово, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность, средства массовой информации.

Abstract. The work is devoted to the US approach towards Balkan events in 1878—1918. Author pays particular attention to the role of American media in the context of Albanian national movement pattern in the USA. International dimension of the process of creating Albanian state is also under examination.

Key words: Russia, USA, Balkans, Serbia, Albania, Montenegro, Kosovo, Great Powers, international relations, inter-ethnic conflicts, theory of conflicts, statehood, media, public relations.

Проблема взаимоотношений США и албанского национального движения в рассматриваемый период имеет несколько плоскостей. Первая из них относится к политике Вашингтона в регионе Балкан в целом и применительно к ситуации в албанонаселенных областях Османской империи — в частности в данном отношении конец XIX — начало XX в. можно охарактеризовать как период «узнавания» и анализа складывавшейся военно-политической ситуации — в том числе в контексте места балканского региона в системе международных отношений в Европе. Это относилось как к внешней политике США, так и к публикациям на страницах американской печати. Последняя, как правило, либо вообще игнорировала албанские сюжеты, либо при-

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher of the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

давала им преувеличенное значение в плане озвучиваемых оценок и прогнозов.

Так, газета «The Washington Times» в октябре 1908 г. даже сообщила своим читателям о том, что Албания «сбросила иго» и «провозгласила независимость», хотя провозглашение независимости лидерами албанского национального движения во главе с Исмаилом Кемали произойдет еще только четыре с лишним года спустя — 28 ноября 1912 года. «Эта гористая страна в Европейской Турции, омываемая Адриатикой», с населением «около 2 000 000 человек», «подверглась влиянию сецессионистского духа в период потрясений, предшествовавших провозглашению турецкой конституции», — подчеркивало в 1908 г. столичное издание ¹.

А в декабре 1910 г. другая американская газета, выходившая в городе Солт-Лейк-Сити, «The Deseret Evening News», рассматривая обострение противоречий Австро-Венгрии и Италии вокруг Албании, вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?» в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании» ².

Подобные оценки имели под собой определенные основания — особенно учитывая традиционно присущее американским журналистам стремление драматизировать события с тем, чтобы привлечь внимание читателей. Сами Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок Тройственного союза, активно укрепляли собственные экономические позиции в Албании и отводили этой области все более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала восьмидесятых годов XIX в. (а точнее — с оккупации Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и ощутила свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы ³), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства ⁴. Основной смысл и содержание борьбы двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться» ⁵.

Эта характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту провинцию, но не может допустить захвата ее другой Державой. Адриатическое море должно остаться свободным» ⁶.

Однако на страницах американской печати начала XX в. встречались также более подробные и аналитические материалы, посвящен-

ные ситуации в албанонаселенных районах Балкан и отражавшие происходившие изменения в формате албанского национального движения. К этому времени продолжавшие работать после разгрома в 1881 г. властями Османской империи Призренской лиги албанские объединения вновь активизировали свою деятельность. В косовском городе Печ в январе 1899 г. одним из активистов Призренской лиги Хаджи Зекой была создана Печская лига. Благодаря его стараниям, деятельность новой Лиги также стала приобретать политический характер под лозунгом предоставления автономии албанонаселенным районам Балкан ⁷. В течение последующих месяцев в других районах Османской империи, населенных албанцами, проходили собрания в поддержку решений, принятых в Пече, кое-где учреждались местные органы власти, замещавшие турецкую администрацию, и даже вооруженные отряды. Однако деятельность Лиги не приобрела столь необходимый ей для успеха албанского национального движения общеалбанский характер из-за исторически существовавшей разделенности албанцев по географическому, культурно-национальному и религиозному признакам. Турецким властям, использовавшим метод «кнута и пряника», попеременно проводившим военные карательные экспедиции и подкупавшим крупных албанских феодалов денежными суммами и высокими государственными должностями, удалось подавить разрозненные и неорганизованные выступления албанцев.

В 1900 г. Печская лига была распущена по требованию Константинополя, а сам Хаджи Зека в 1902 г. был убит. По албанской версии, покушение осуществил «сербский агент» при поддержке властей Османской империи ⁸.

Эти события, а также их общеевропейское звучание не остались без внимания со стороны средств массовой информации США. Так, газета «The New York Tribune» 23 июня 1901 г. опубликовала обширную статью под заголовком «Будущее Албании», в которой указывала, «что малоизвестная страна стала “яблоком раздора” между Италией и Австрией». «Ни разу с момента формирования Тройственный союз не сталкивался со столь серьезной угрозой для самого своего существования, как это происходит в настоящее время. Без сомнения, сейчас трудно представить, каким образом после заявлений, сделанных князем Голуховским перед делегациями австрийского и венгерского парламентов, и князем Принетти в Палате депутатов в Риме, Италия сможет продолжать оставаться союзником Двуетной монархии», — подчеркивала газета, имея в виду, в частности, заявленное Австро-Венгрией намерение лишить свою итальянскую союзницу торговых преференций в связи с активными попытками Италии укрепить свои позиции в Албании ⁹. По мнению «The New York Tribune», существенным фактором дальнейшего развития обстановки в этом районе Балкан могло стать наличие там «значительного итальянского населения», которое «безусловно, испытывает симпатии к националистическому движению».

Ситуация в Албании и вокруг нее претерпела кардинальные изменения в конце первого десятилетия XX века. К лету 1908 г. относится начало нового этапа в развитии албанского национального движения, которое закономерно стало привлекать все большее внимание мировых столиц и средств массовой информации.

Как весьма справедливо отмечает македонская исследовательница К. Тодороска, «малые балканские государства имели своих покровителей со стороны какой-либо из великих европейских держав», при этом «интерес к Балканам носил мультиплицированный характер»¹⁰.

В этом отношении политика США на Балканах в определенной степени исходила из сходных предпосылок и принципов, связанных с «блестящей изоляцией» Великобритании. Не случайно, как справедливо отмечает российский исследователь С.Г. Малкин, что «среди представителей американской военно-политической и интеллектуальной элиты опыт Британской империи пользуется повышенным интересом», особенно применительно к эпохе «расцвета ее могущества в конце XIX — первой трети XX веков»¹¹.

При этом в экспертно-аналитической среде США в настоящее время по-прежнему ведущим в плане обоснования внешнеполитических принципов и акций в контексте «концептуальных основ внешней политики США» остается именно принцип «баланса сил»¹². Правда, многие американские исследователи уже сегодня ставят с ним в один ряд «теорию домино» как обоснование «международных интервенций»¹³.

Подобная ситуация объективно развивалась на фоне отсутствия однозначных и четких международно-правовых принципов применительно к урегулированию все новых балканских проблем. Несмотря на то, что важность проблем региона не ставилась под сомнение великими державами, они же оказались не в состоянии установить четкие, объективные и обязательные для всех концептуальные основы совместной политики на Балканах. Подобная ситуация в значительной мере перекликается с сегодняшней ситуацией вокруг понятия «суверенитет». К нему активно апеллируют все участники международных процессов, при том, что его «официальная» трактовка в международной практике отсутствует. «Концепция суверенитета не определена даже в основополагающих документах. Хотя Хартия ООН заложила основы суверенного равенства государств, основополагающие документы ООН не определили всеобъемлющую концепцию суверенитета», — справедливо отмечает в этой связи венгерский исследователь Балаж Майтени¹⁴.

Экстраполируя в прошлое и на Балканы оценки российской исследовательницы О.Н. Майоровой применительно к роли США в отношении событий в Польше в 1989 г., можно говорить о процессе «трудного формирования пространства деятельности для американской политики» и в балканском регионе¹⁵. Подобные трудности усугублялись еще и тем обстоятельством, что сам албанский вопрос накануне первой мировой войны являлся наглядной демонстрацией «относительности и спорности применения к Балканам международных принципов и норм, вроде бы устоявшихся, но не учитывающих местной специфики».

Внимание американских средств массовой информации к развитию ситуации в Албании закономерно возросло в период первой Балканской войны 1912—1913 гг., когда общественность США впервые стала подробно вчитываться во фронтовые сводки с балканских театров боевых действий, в том числе и с албанского. «Сообщения из Албании говорят о продолжающихся греческих и сербских победах и об усилении черногорской атаки на Скутари (Шкодер. — П.И.)», —

информировала своих читателей 30 октября 1912 г. выходящая в Чикаго газета «The Day Book»¹⁶. И она же спустя две недели — 14 ноября 1912 г. — сообщала о разрушении турецкими войсками 11 сел в Южной Албании, населенных греками, «около 1800 человек из которых были убиты», а «порядка 6000 женщин, детей и стариков бежали в горы, где вынуждены голодать»¹⁷.

Вышеупомянутые разногласия между Австро-Венгрией и Италией по албанской проблеме, разумеется, не привели к вооруженному столкновению между двумя державами Тройственного союза, однако являлись существенным фактором урегулирования балканских проблем — в том числе в рамках работы Лондонского совещания послов великих держав 1912—1913 гг., призванного зафиксировать в международно-правовом плане результаты первой Балканской войны. Основная борьба на данном форуме развернулась как раз по вопросу о границах Албании. Сербия представила свою карту разграничения. Из нее следовало, что Белград настаивает на проведении пограничной линии по водоразделу к западу от Охридского озера и Чёрного Дрина, иными словами — между Дрином и Белым Дрином. Это означало включение в расширившиеся границы Сербского государства Дечан, Джяковицы, Призрена, Дебара и Охрида. Свои карты раскрыла и Черногория, претендовавшая на Шкодер (Скадар), Сан-Джиованни ди Медуа и Леш. В Цетинье настаивали на проведении черногоро-албанской границы по реке Мат и водоразделу Дрина и Фани.

Вызванный военными действиями Черногории Шкодринский кризис продолжался с октября 1912 (более точно — с 21 октября, когда черногорские войска начали обстрел горы Тарабош, на которой располагался форт, господствовавший над городом¹⁸) по май 1913 г. и имел своей причиной попытку Черногории захватить хорошо укрепленную албанскую крепость Шкодер (Скутари)¹⁹. Турецкое военное командование придавало важнейшее значение обороне этой стратегически важной и способной выдержать длительную осаду крепости. Уже 9 октября, то есть на следующий день после объявления Черногорией войны, в город прибыл вооруженный отряд под командованием Эссад-паши²⁰.

В конечном итоге черногорским войскам удалось ценой значительных потерь в живой силе, составлявших до одной трети личного состава армии, занять крепость, однако ее судьба уже к тому времени была predeterminedена позицией большинства великих держав, принявших решение включить Шкодер в состав Албании. Политику Черногории в шкодринском вопросе резко осудили Германия, Англия и Франция, а Австро-Венгрия недвусмысленно выступила с угрозой начать военные действия как против Сербии и Черногории, так и против России, если та будет оказывать им поддержку. Об остроте дискуссий о судьбе Шкодера свидетельствует известное высказывание одного из участников Лондонского совещания послов великих держав — австрийского дипломата М. Менсдорфа, сравнившего их с «покупкой ковра на стамбульском базаре»²¹.

Весомый вклад в обеспечение в целом благоприятной для Албании позиции великих держав внесла активность самих албанцев, которые организовали в своей стране массовые акции протеста против действий сербских и черногорских войск. Так, 18 апреля 1913 г. рос-

сийским консульством в Янине было получено официальное сообщение председателя организационного комитета одного из подобных митингов, в котором подчеркивалось, что «захват Черногорией Скутари идет вразрез с волей великих держав, представляя собой смертельный удар для Албании», и содержался призыв к мировой общественности не допустить осуществления черногорским королем Николой «вопиющего завоевания на глазах у всей Европы двадцатого века»²².

Безусловно, для Санкт-Петербурга особенно важной явилась определенная корректировка балканской политики Франции, связанная с персональными изменениями в Министерстве иностранных дел этой страны: в марте 1913 г. высший пост на Кэ д'Орсэ занял С. Пишон, который в свою бытность на указанном посту (до декабря 1913 г.) настороженно относился, в отличие от своих предшественников и преемников, в первую очередь, Р. Пуанкарэ и Г. Думерга, к внешнеполитическим приоритетам и конкретным шагам России на Балканах и, более того, в рамках проводившейся им политики дистанцирования от балканских проблем, подчеркивал необходимость сохранения жизнеспособной Турции²³.

Это вынудило Россию оказать дипломатическое воздействие на Цетинье. В результате черногорская армия оставила занятую ею ценной значительных потерь крепость, в которую 14 мая 1913 г. был введен международный гарнизон, состоявший из военных частей великих держав за исключением России. Управление городом перешло в руки международной военной комиссии во главе с командующим объединенной эскадрой английским адмиралом С. Бери, чья деятельность приобрела все признаки оккупационной.

Помимо присоединения Шкодера, высшее черногорское руководство и, в первую очередь, король Никола продолжали вынашивать планы установления своей юрисдикции над албанскими племенами, причем, если в предыдущие годы речь, как правило, шла о приграничных районах, то теперь интересы Черногории распространялись на всю Албанию. Так, в беседе с российским посланником в Цетинье Гирсом, состоявшейся в ноябре 1912 г., черногорский монарх прямо заявил, что «простейшим выходом» из сложившейся ситуации вокруг Шкодера, явилось бы «признание Короля Черногории суверенным Государем автономной Албании», причем, как указывал дипломат, он «подробно перечислил мне все имеющиеся у него документальные и иные данные, свидетельствующие, по его мнению, о том, что Албанцы охотно признают его своим Королем»²⁴.

Если же учитывать, что южная соседка Албании Греция настаивала на включении в свои пределы всего «северного Эпира», то есть Южной Албании, то в случае удовлетворения территориальных претензий членов победоносного Балканского союза на долю Албании пришелся бы район Тираны, Дурреса, Эльбасана и Берата с населением в 400 000 чел., располагающий бедным хозяйственным потенциалом и лишенный стратегической защиты.

В противовес требованиям Белграда, Цетинье и Афин главный апологет внушительной автономной Албании — монархия Габсбургов — выдвинула в пользу своих планов «этнографический элемент», иными словами — включение в албанские пределы всех территорий с

преобладающим албанским населением. Это означало передачу Албании не только Джаловицы, Дебара, Корчи и Янины, но и Струги с Охридом. Кроме того, первоначальный австро-венгерский проект сербо-албанского разграничения предусматривал включение в состав Албании Печа и Призрена в качестве так называемых «компенсационных объектов». Что же касается Шкодера, то Вена отказывалась даже обсуждать возможность его присоединения к Черногории. Италия занимала более мягкую позицию и, в частности, допускала возможность передачи черногорцам Шкодера. Главной задачей итальянской дипломатии в Лондоне было противодействие попыткам Греции включить в свои пределы Южную Албанию, так как эти районы являлись предметом политико-хозяйственных воцелений самой Италии. После подписания итоговых документов Лондонского совещания противоречия между великими державами перешли на уровень деятельности Международной контрольной комиссии по Албании.

Выбор великими державами албанского князя в начале 1914 г. стал еще одной темой, привлечшей внимание средств массовой информации США применительно к Албании. Под заголовком «Албания: самое молодое королевство Европы и ее король» выходившее в Нью-Йорке издание «The Sun» рассказывало предысторию становления албанской государственности, подчеркивая решающую роль в этом Австро-Венгрии, Италии, Германии «и в меньшей степени Великобритании». «Эти же четыре великие державы, кроме того, номинировали князя Вильгельма Вида на албанский трон, и эта номинация встретила поддержку временного правительства и народа Албании, который ратифицировал данное решение на плебисците», — продолжало издание ²⁵. Последнее утверждение, правда, грешит против исторической правды, поскольку в охваченной сражениями первой Балканской войны и внутренними распрями и восстаниями Албании никакой «плебисцит» не мог состояться по определению.

Вторая плоскость рассматриваемой проблемы охватывает деятельность в самих США различных албанских политических и культурно-религиозных организаций и объединений. В этот период времени ключевая роль в развитии албанского движения в Соединенных Штатах Америки принадлежала священнику Фану Стилиану Ноли (1882—1965), который в 1906 г. прибыл из Египта в американский штат Массачусетс по призыву местного албанского землячества, боровшегося за церковную автономию против местного греческого духовенства. 8 марта 1908 г. в кафедральном соборе Св. Николая в Нью-Йорке архиепископ русской православной церкви США Платон Рождественский посвятил двадцатилетнего Фана Ноли в сан священника с правом отправления литургии на албанском языке. В результате юрисдикция греческой Патриархии в Константинополе была заменена формальным главенством русской православной церкви в США; однако фактически албанская церковь пользовалась широкими суверенными правами, главным из которых было право использования албанского языка в церковных литургиях ²⁶. Фан Ноли также активно занимался сбором средств для издания албанских печатных изданий, а в 1909 г. он создал и возглавил выходившую в США газету «Джелли» («Солнце»), которая стала одним из ведущих изданий албанской эмиграции.

Кроме того, на территории США активно действовали албанские эмигрантские патриотические организации, в своих заявлениях и публикациях откликаясь на события и процессы, так или иначе связанные с национальным движением на родине. Одним из главных центров албанской эмиграции в США являлся Бостон. В этом портовом городе на восточноамериканском побережье в 1912 г. была образована патриотическая федерация албанцев США «Ватра» («Очаг»), которая продолжает свою деятельность и сегодня.

Кроме того, в Баффало действовало общество «Малли и меме-зеут» («Тоска по родине»), в Нью-Йорке — «Коха е лирис» («Время свободы»), в Сент-Луисе — «Лизья» («Лига»). Помимо Фана Ноли, ключевая роль в деятельности албанских патриотических организаций в США принадлежала публицистам и педагогам Петру Нини Люараси и Сотире Пеци. Вместе с Фаном Ноли они стали основателями общества «Беса бесен» («Великая клятва верности») в Бостоне.

Именно федерация «Ватра» уже в начале 1918 г. резко осудила опубликованный к тому времени секретный Лондонский договор 1915 г. Англии, России, Франции и Италии о разделе Албании. «Тайный договор, подписанный в Лондоне 26 апреля 1915 г. державами Четверного согласия и опубликованный в печати, до сих пор не получил официального опровержения. Если он подлинный, то это один из самых мрачных из известных пока международных актов... Великие державы, когда решили таким образом относительно разделения Албании, действовали в вопиющем противоречии с заявленными ими принципами и военными целями»²⁷.

В определенной степени позиция албанских организаций в США повлияла на позицию американской администрации, которая к концу первой мировой войны соответствовала интересам Албании и албанских патриотов. В обнародованных в январе 1918 г. «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона Албания отдельно не упоминалась, однако положения об обеспечении национальной независимости и территориальной целостности европейских государств отвечало позиции албанского национально-освободительного движения. К тому же США не входили в число стран-подписантов Лондонского договора 1915 г., что автоматически повышало авторитет Вашингтона в Албании. Однако данные аспекты рассматриваемой проблемы получили свое развитие уже в условиях межвоенного периода.

Примечания

1. The Washington Times. 1908, 8 Oct.
2. The Deseret Evening News. 1910, 24 Dec.
3. Подробнее о Тунисском инциденте см.: СЕРОВА О.В. От Тройственного союза к Антанте. М. 1983, с. 57—60.
4. SAN GIULIANO A. di. Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig. 1913, S. 9.
5. Цит. по: АРШ Г.Л., СЕНКЕВИЧ И.Г., СМИРНОВА Н.Д. Краткая история Албании. М. 1965, с. 125.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2081, л. 21.

7. Вопросам территориальной целостности и неприкосновенности албанских земель отводилось первоочередное место в документах, принятых Лигой, в отличие от требований и путей достижения албанцами автономии, по которым участникам форума не удалось прийти к взаимному согласию вследствие противостояния между радикальными и консервативными элементами.
8. MYZYRI H. Kriza lindore e viteve 70 dhe greziku i copëtimit të tokave shqiptare. In: Historia e popullit shqiptar: për shkollat e mesme. Prishtinë. 2002, f. 182—185.
9. The New York tribune. 1901, 23 June 23.
10. ТОДОРОВСКА К. Положбата на македонското население во Албанија (1912—1916). В кн.: Букурешкиот мировен договор [1913] и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје. 2017, с. 61.
11. МАЛКИН С.Г. Колониальный опыт Великобритании и стратегическое мышление США. — Международные процессы. 2016, № 3, с. 53.
12. ЗОБНИН А.В. Теория домино в научном дискурсе. — Там же. 2016. № 2, с. 53, 65—66.
13. BEINART P. The Domino Theory. — The New Republic. 1996, 26 Feb., p. 6.
14. МАЈТЭНЫ В. Utilitarianism in Minority Protection? (Status Laws and International Organisations). In: Beyond Sovereignty: From Status Law to Transnational Citizenship? Sapporo. 2006, p. 9.
15. МАЙОРОВА О.Н. Позиция Вашингтона в отношении событий в Польше в 1989 г. (по материалам корреспонденции Посольства ПНР в США и МИД ПНР). — Славянский альманах. 2010, с. 141.
16. The Day Book. 1912, 30 Okt.
17. Ibid. 1912, 14 Nov.
18. PEACOCK W. Albania. The Foundling State of Europe. London. 1914, p. 34.
19. Подробнее см.: ВОЈВОДИЋ М. Скадарска криза 1913 године. Београд. 1970; THARAUD J.et J. La Bataille à Scutari d'Albanie. Paris. 1913, p. 8.
20. FACIN DOMENICO P. I frati minori e le suore stimatine durante l'assedio di Scutari del 1912—1913. Quaracchi presso Firenze. 1913, p. 89.
21. PUTO A. L'indépendance albanaise et la diplomatie des Grandes Puissances (1912—1914). Tirana. 1982, p. 163.
22. АВП РИ, ф. Консулство в Валлоне, оп. 600 (603), д. 21, л. 81.
23. HAYNE M.B. The French Foreign Office and the Origins of the First World War 1898—1914. Clarendon Press. Oxford. 1993, p. 248—251.
24. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2086, л. 77.
25. The Sun. 1914, 11 Jan.
26. CASTELLAN G. L'Albanie. Paris. 1980, p. 11.
27. Цит. по: Краткая история Албании. М. 1992, с. 276.

Немецкие «финансовые потоки» русской революции

Б.Л. Хавкин

Аннотация. Автор обращается к проблеме «немецких денег» для русской революции и прослеживает основные «финансовые потоки» из Германии в Россию и из России в Германию в 1915—1918 годах.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., немецкие деньги, «экономический Брест», В.И. Ленин, Парвус, Мирбах.

Abstract. The author addresses to the issue of «German money» for the Russian revolution and traces the main «financial streams» from Germany to Russia and from Russia to Germany in 1915—1918 years.

Key words: Russian revolution of 1917, the German money, «Economic Brest», V. Lenin, Parvus, Mirbach.

Вопрос о финансировании русской революции немцами в годы первой мировой войны и после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. до сих пор вызывает дискуссии в литературе. Высказываются противоположные точки зрения: от тезиса о немецких деньгах, которые привели к власти большевиков ¹, до утверждения, что немецкие деньги, выделенные на русскую революцию, — это миф ².

Разумеется, у русской революции 1917 г. были свои внутри- и внешнеполитические причины, цели, характер и движущие силы. Однако тот факт, что она в существенной мере финансировалась Германией, нуждается в современной оценке, основанной на достоверных источниках. Цель данной публикации — проследить основные «финансовые потоки» из Германии в Россию и обратно в 1915—1918 годах.

Вопрос о «немецких деньгах» не сводится к теме спонсирования большевиков частными лицами, политическими партиями и пред-

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, редактор отдела журнала «Новая и новейшая история». E-mail: novistor@mail.ru.

Khavkin Boris L. — doctor of historical sciences, professor at the Historico-Archive Institute of the Russian State Human University, redactor at the magazine «Modern and Current History Journal». E-mail: novistor@mail.ru.

ставителями германского промышленного и финансового капитала. Речь идет о финансировании русской революции Германским рейхом (Генштабом и Министерством иностранных дел) как до и во время Октябрьского переворота, так и после него. Эти документы опубликованы ³.

О каких суммах идет речь? Немецкий социал-демократ, ярый критик Ленина Эдуард Бернштейн и депутат рейхстага Вальтер Шюкинг оценили общую сумму «немецкой помощи» большевикам примерно в 50—60 млн золотых марок ⁴. По данным британского историка Дж. Смита, к концу 1917 г. расходы германского Генштаба на организацию «беспорядков» в России составили приблизительно 30 млн золотых марок ⁵; от МИД Германии российские большевики в 1914—1917 гг. получили, по подсчетам исследователей из ФРГ, наличных денег и оружия на сумму 26 млн золотых марок ⁶. Российско-американский историк Ю.Г. Фельштинский, ссылаясь на англичанина Р. Кларка, называет сумму 50 млн марок, полученных большевиками от Германии ⁷. В русской литературе встречается сумма 60 млн марок ⁸. Немецкий историк Фриц Фишер, пишет, что из 382 млн марок, израсходованных Германией на пропаганду и «специальные цели», на долю России приходилось 40,5 млн марок. По оценке Фишера, общая сумма, полученная большевиками от Германии до и после их прихода к власти, составила 80 млн марок золотом ⁹.

Эти колоссальные деньги позволили современной австрийской исследовательнице Э. Хереш, опубликовавшей документы о финансировании немцами большевиков, говорить о «купленной революции» ¹⁰. В историографии ФРГ утверждается, что «без финансовой помощи кайзера Вильгельма II Ленину не было бы Октябрьской революции. Более того: без поддержки Германии большевики едва ли удержались бы у власти в первый, решающий год» ¹¹.

Главным посредником между германскими властями и русскими революционерами в получении немецких денег был русско-германский социал-демократ, публицист, коммерсант и авантюрист д-р Гельфанд, известный под псевдонимом Парвус.

7 января 1915 г. он заявил германскому послу в Турции Г. фон Вангенхайму: «Интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров. Российские демократы могут добиться своих целей только при условии полного разрушения самодержавия и разделения России на отдельные государства. С другой стороны, Германии не удастся добиться полного успеха, если в России не произойдет революция. Кроме того, даже в случае победы Германии Россия будет представлять для нее немалую опасность, если Российская империя не распадется на отдельные независимые государства» ¹².

На следующий день, 8 января 1915 г., Вангенхайм направил в МИД Германии телеграмму с подробной информацией о беседе с Парвусом, выразил свое благожелательное отношение к его идеям и передал его просьбу лично представить в МИД выработанный план выведения России из войны посредством революции.

Вот фрагмент рукописи плана Парвуса, написанной в конце декабря 1914 г.: «1. Финансовая поддержка социал-демократической фракции большевиков, которая всеми имеющимися средствами продолжает вести борьбу против царского правительства... 5. Установле-

ние контактов с авторитетными деятелями русской социал-демократии и с русскими социал-революционерами в Швейцарии, Италии, Копенгагене, Стокгольме. Поддержка их усилий, направленных на немедленные и жесткие меры против царизма... 8. Организация конгрессов русских революционеров. 9. Влияние на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на позицию социалистической прессы и социалистических организаций в борьбе против царизма и за присоединение к центральным державам... 10. снаряжение экспедиции в Сибирь со специальной целью: взорвать важнейшие железнодорожные мосты и тем самым воспрепятствовать транспортировке оружия из Америки в Россию. При этом экспедиция должна быть снабжена богатыми денежными средствами для организации переброски определенного числа политических ссыльных в центр страны. 11. Техническая подготовка к восстанию в России»¹³.

Парвус считал важнейшей задачей мирового пролетариата революцию в России и уничтожение царизма: «Если Россия не будет децентрализована и демократизирована — опасность грозит всему миру. А поскольку Германия несет главную тяжесть борьбы против московского империализма, то... победа Германии — победа социализма». Таким образом, победа кайзеровского рейха в мировой войне станет следствием организованной с его помощью революции в России и победы социализма. Следовательно, «интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров»¹⁴.

Парвус просил правительство Германии (в середине марта 1915 г. он стал главным правительственным консультантом по вопросам русской революции) профинансировать свой план. 17 марта 1915 г. государственный секретарь МИД Германии Г. фон Ягов телеграфировал в имперское казначейство: «Для поддержки революционной пропаганды в России требуются два миллиона марок»¹⁵. Положительный ответ пришел через два дня.

Таким образом, «еще в 1915 году власти Германии... нашли пути для передачи финансовых средств большевикам-интернационалистам»¹⁶. Личные средства Парвуса служили прикрытием для «немецких денег», что до сих пор сбивает с толку исследователей финансовых механизмов русской революции.

Особо щекотливая тема — отношения Парвуса и Ленина. «Ленин нужен в России, чтобы Россия пала», — писал Парвус. В этом — вся суть его отношения к вождю большевиков. Они были знакомы еще до революции 1905 г.: вместе создавали газету «Искра». После того, как Парвус получил от германских властей аванс в 2 млн марок, его первым намерением было поехать в Швейцарию к Ленину, чтобы включить его в свой план.

На прямой контакт с Парвусом Ленин не пошел, но канал связи с ним постоянно держал свободным. Они были нужны друг другу: Ленин в 1915 г. продолжал бредить идеей мировой революции. Парвус же предлагал для организации революции в России колоссальные деньги. Ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую — суть плод программы Парвуса. Только, в конечном счете, сумма оказалась намного больше.

В 1915 г. Парвус получил от МИД и Генштаба Германии три транша: 1 млн марок, 1 млн руб. и 5 млн марок, которые глава не-

мецкого МИД фон Ягов выбил специально для «революционной агитации в России». Деньги для поддержки революции в России составляли немногим более 10% от суммы специального секретного фонда Германии ¹⁷.

Можно ли предложение Парвуса Ленину считать вербовкой? В узком «шпионском» смысле этого слова — нет. Но в военно-политическом плане антироссийские цели кайзеровской Германии, «бизнесмена от революции» Парвуса и «революционного мечтателя» Ленина на этом этапе совпадали. Для Ленина как революционера-интернационалиста было вполне допустимо сотрудничать с Германской империей против империи Российской, непримиримым врагом которой он был. Таким образом, большевикам было все равно, на чьи деньги делать революцию.

Однако не имевшие никакого понятия о мировой революции и большевизме германские власти, дав деньги Парвусу, открыли ящик Пандоры. Кайзеровские генералы и дипломаты обеспечивали выполнение плана Парвуса в той части, в которой он соответствовал целям Германии по выводу России из войны. Но Парвус не был бы финансовым гением и политическим авантюристом мирового масштаба, если бы не играл свою собственную игру: революция в России была лишь первой частью его плана. За ней должна была последовать мировая революция. При этом «финансовые потоки» мировой революции сосредотачивались бы в руках Парвуса.

1915 и 1916 гг., несмотря на военные успехи кайзеровской армии, а также усилия Парвуса и «революционных пораженцев» не привели к победе Германии над Россией или перемирию между ними. 3 апреля 1917 г. Ленин из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию прибыл в Петроград. В тот же день казначейство Германии по распоряжению МИД выделило Парвусу 5 млн марок на политические цели в России ¹⁸. Из Берлина Парвус отбыл в Стокгольм, где находился в постоянном контакте с членами заграничного бюро ЦК большевистской партии Радеком, Воровским и Фюрстенбергом-Ганецким. Через них шла перекачка германских денег в Россию, в большевистскую кассу. Ленин в письмах постоянно напоминал об этих деньгах.

Охранное отделение и контрразведка Петроградского военного округа расследовали пути финансирования большевиков немцами, использовавшими для этого каналы Парвуса ¹⁹. Против лидеров большевиков в июле 1917 г. было возбуждено уголовное дело по обвинению в государственной измене и организации вооруженного восстания при «денежной поддержке» Германии.

Официальное сообщение прокурора Петроградской судебной палаты гласило: «В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента, и указывается, что, войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Германии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели» ²⁰.

После октябрьского переворота 1917 г. за ликвидацию германского Восточного фронта (по ленинской терминологии — «революци-

онный выход» России из войны ²¹⁾ Германия была готова платить большевикам огромные деньги. «Денежным посланцем» кайзера Вильгельма II при правительстве Ленина стал граф Вильгельм фон Мирбах-Харф. 6 июля 1918 г. германский посол был убит левыми эсерами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым в здании германского посольства в Москве. Цель убийства — сорвать подписанный 3 марта 1918 г. правительством Ленина Брестский мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, против которого выступали как противники большевиков, так и их союзники из революционного лагеря: левые эсеры, левые коммунисты, интернационалисты.

Причины убийства графа Мирбаха следует искать не только во внутривластной ситуации в России в 1917—1918 гг., но и в развитии международных, в частности советско-германских, отношений, которые неуклонно затягивались в gordiev узел, разрубленный 6 июля 1918 года. В 1918 г. Германия, проигрывая первую мировую войну на Западе, выиграла ее на Востоке — доказательством тому стал Брестский мир. Сепаратный мир был нужен кайзеру Вильгельму II не меньше, чем Ленину. Статс-секретарь МИД Германии Р. фон Кюльман телеграфировал 3 декабря 1917 г. представителю внешнеполитического ведомства при Ставке кайзера: «Заключение сепаратного мира означало бы достижение намеченной цели, а именно — разрыва между Россией и ее союзниками. Напряжение, которое непременно будет вызвано таким разрывом, определит степень зависимости России от Германии и ее будущие отношения с нами. Как только бывшие союзники бросят ее, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем оказать России помощь разными путями: во-первых, восстановив железные дороги... затем выдав ей значительную ссуду, необходимую для сохранения своего государственного механизма. Это может иметь форму аванса под обеспечение зерном, сырьем и т.д. и т.п... Помощь на такой основе — масштабы ее могут быть увеличены по мере необходимости — будет, на мой взгляд, способствовать сближению между обеими странами» ²²⁾. Телеграмма Вильгельма II пришла на следующий день: «Его Величество кайзер выразил согласие с соображениями Вашего высочества относительно быстрого сближения с Россией» ²³⁾. Однако германская военно-политическая элита, с помощью Брестского мира поддерживая власть русских большевиков, неминуемо приближала революцию в своей стране. По словам генерал-квартирмейстера кайзеровского Генерального штаба Э. фон Людендорфа, «мысль о революции, распространяемая неприятельской пропагандой, и большевизм нашли в Германии подготовленное состояние умов» ²⁴⁾.

Большевики же, разжигая в Германии очаг мировой революции ²⁵⁾, заключив сепаратный мир с Германией, помогали кайзеру удержаться у власти и продолжать войну на Западе. Ленин, тяготясь «похабным», «грабительским» и «кабальным» миром с германскими империалистами, вынужден был соблюдать его, так как судьба русской революции теперь зависела от германского кайзера, его военных и дипломатов.

Отчет Мирбаха о беседе с Лениным 16 мая 1918 г. — один из немногих документов, содержащий признание Лениным кризиса брестской политики ²⁶⁾. При этом Мирбах считал, что интересы Германии по-прежнему требуют ее ориентации на ленинское правительство, так

как те силы, которые возможно сменят большевиков, будут стремиться с помощью Антанты воссоединиться с территориями, отторгнутыми от России по Брестскому миру.

18 мая 1918 г., через два дня после встречи с Лениным, Мирбах в телеграмме в Берлин выражал озабоченность ситуацией в России и подчеркивал, что, по его оценке, потребуется разовая сумма в 40 млн марок, чтобы удержать Ленина у власти; еще через несколько дней, 3 июня, германский посол телеграфировал в имперское Министерство иностранных дел, что кроме разовой суммы в 40 млн марок потребуется еще 3 млн марок ежемесячно, чтобы поддержать правительство Ленина ²⁷.

11 июня 1918 г. имперское казначейство выделило 40 млн марок «на запрашиваемые цели» ²⁸. Однако ни Кюльман, ни Мирбах не были уверены, что с помощью немецких денег, которые помогли большевикам совершить государственный переворот в октябре 1917 г., Ленин сможет и впредь держаться у власти. «Из высказываний графа Мирбаха... следует, что на Вильгельмштассе (улица в Берлине, на которой расположено Министерство иностранных дел. — Б.Х.)... поняли, что настоящее сотрудничество с советским правительством невозможно, что оно долго не продержится», — писал в своем дневнике 6 июня 1918 г., за месяц до убийства Мирбаха, К. фон Ботмер ²⁹.

25 июня 1918 г. в последнем письме Кюльману Мирбах подчеркивал, что он не может «поставить большевизму благоприятного диагноза. Мы, несомненно, стоим у одра опасного больного,... который обречен». Исходя из этого, посол предлагал заполнить «образовавшуюся пустоту» новыми «правительственными органами, которые мы будем держать наготове и которые будут целиком и полностью состоять у нас на службе» ³⁰.

Однако Министерство иностранных дел Германии продолжало занимать в этом вопросе более осторожную позицию по сравнению с верховным командованием армии. 29 июня 1918 г. Мирбах получил директиву: «впредь до новых распоряжений» продолжать в отношении большевистского правительства прежнюю линию «в духе Министерства иностранных дел» ³¹.

История подготовки и осуществления чекистами покушения на Мирбаха подробно описана в литературе; важны последствия этого политического преступления. Официальному Берлину после убийства графа Мирбаха представился случай отказаться от поддержки правительства Ленина. Но, хотя Германия и предъявила советскому правительству ультиматум, сил для возобновления войны против России у Вильгельма II не было. Более того, кайзер выступил против разрыва отношений с Россией и призвал «поддерживать большевиков при любых условиях».

Летом 1918 г. для большинства россиян, как свидетельствовали доклады германского посольства в Берлин, немцы выступали в качестве главной опоры существовавшего режима, падение которого означало бы удар по германскому влиянию в России ³².

Главным последствием убийства Мирбаха стал «экономический Брест». По «Русско-германскому финансовому соглашению, служащему добавлением дополнительного договора к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой», подписанному 27 ав-

густа 1918 г. в Берлине, Советская Россия должна была выплатить Германии контрибуцию в 6 млрд золотых марок, осуществить значительные по объему поставки сырья, а также предоставить кредиты и концессии немецким фирмам³³. Первый транш весом в 43 860 кг чистого золота и 90 900 000 руб. кредитными билетами по соглашению следовало отправить не позднее 10 сентября 1918 г., четыре следующих транша — не позднее 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 года. Каждый из этих траншей должен был включать по 50 675 кг чистого золота и по 113 635 000 руб. в кредитных билетах³⁴. Германское правительство, в свою очередь, обязалось не поддерживать в России белых и помогать большевикам в их борьбе против Антанты. Несмотря на тяжелейшее финансовое положение страны, советское правительство успело до ноября 1918 г. (поражения рейха в первой мировой войне и революции в Германии) выплатить кайзеровскому правительству значительную часть этой суммы. В литературе приводятся такие данные: 93,5 т чистого золота, более 124 млн золотых рублей, около 680 млн золотых марок³⁵. В отчете по золотому фонду за 1918 г. указано, что «платеж Советской России Германии по Брестскому мирному договору составил 124 835 549 рублей 50 копеек золотом»³⁶.

«Экономический Брест» стал расплатой за немецкие деньги для русской революции и авансом за обещание немцев оказать военную помощь большевикам в борьбе против Антанты³⁷. Но продолжался он недолго. 13 ноября 1918 г. связи с революцией в Германии ВЦИК торжественно заявил, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными»³⁸.

Но русское золото в Россию не вернулось. По протоколу от 1 декабря 1918 г. проигравшая первую мировую войну Германия передавала 93 т 542 кг «ленинского» золота Франции³⁹. «Мы заплатили немецким империалистам золото, по условиям Брестского мира мы обязаны были это сделать. Теперь страны Антанты отнимают у них это золото — разбойник победитель отнимает у разбойника побежденно-го», — сказал об этом Ленин⁴⁰.

Но был еще один разбойник: большевики. Обычные разбойники грабят чужих; большевики же — свою страну. Если немецкую «помощь» русской революции оценить в 50 млн золотых марок (золотое содержание марки было равно 0,358425 г чистого золота⁴¹), то эта цифра равнялась 17,9 т золота. Советская Россия по «экономическому Бресту» выплатила Германии 93,5 т золота. Таким образом, Россия в 1918 г. не только вернула «немецкие деньги», но и заплатила Германии еще 75,6 т золота — в 4,2 раза больше. Большевики ограбили Россию как минимум на эту сумму.

В связи с революцией в Германии, туда устремился «финансовый поток» мировой революции. Историк Ю.В. Готье 23 октября 1918 г. писал: «Для Ленина Германия остается пупом земли, если не импери-

алистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что вся та же Германия — на этот раз большевистская — решит судьбу мира»⁴². Но вера большевиков в мировую революцию оказалась призрачной; это была вера в призрак коммунизма, который бродит по Европе.

Примечания

1. МЕЛЬГУНОВ С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж. 1940; ЕГО ЖЕ. Как большевики захватили власть. М. 2005; КЛАРК Р. Ленин. Человек без маски. М. 1989; БУНИЧ И. Золото партии. СПб. 1992; ШИССЕР Г., ТРАУПТМАН Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М. 2004.
2. ТРОЦКИЙ Л.Д. История русской революции. Т. 2. М. 1997, ч. 1, с. 107; ПОЛИВАНОВ О.И. Как Ленин делал революцию на немецкие деньги. <http://leninism.su/lie/4330-kak-lenin-delal-revoljutsiyu-na-nemetskie-dengi.html>.
3. КАТКОВ Г. Документы министерства иностранных дел Германии о финансовой поддержке большевиков в 1917 году. — *International Affairs*. 1956, v. 32, № 2; *Germany and Revolution in Russia, 1915—1918*. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London-N.Y.-Toronto. 1958; ХАЛЬВЕГ В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. М. 1990; Германия и революция в России. Документы из архивов министерства иностранных дел Германии. СПб. 1994; Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб. 2001; Германия и революция в России. 1915—1918. Сборник документов. М. 2013.
4. Германия и революция в России. 1915—1918, с. 6; МЕЛЬГУНОВ С.П. Золотой немецкий ключ большевиков, с. 151.
5. SMELE J. War and Revolution in Russia 1914—1921. http://www.bbc.co.uk/history/worldwars/wwone/eastern_front_01.shtml.
6. WIEGREFE K., ALTENHÖNER F., BÖNISCH G., BUSCHKE H., PYLJOW W., ZELLER A. Revolutionär Seiner Majestät. — *Der Spiegel*. 2007, № 50, S. 35.
7. ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю.Г. Вожди в законе. М. 1999, с. 30—31.
8. КОРНЕЛЮК Н. Русская революция стоила 60 миллионов немецких марок. — *Профиль*. 14.03.2005.
9. FISCHER F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland. 1914—1918. Düsseldorf. 2013, S. 127, 176.
10. ХЕРЕШ Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М. 2004.
11. WIEGREFE K., ALTENHÖNER F., BÖNISCH G., BUSCHKE H., PYLJOW W., ZELLER A. *Op. cit.*, S. 34.
12. *Germany and Revolution in Russia*, p. 1—2.
13. Немецкий оригинал документа см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 299, оп. 1, д. 5, л. 1—13об.
14. ЗЕМАН З., ШАРЛАУ У. Кредит на революцию. М. 2007, с. 150, 156.
15. *Germany and Revolution in Russia*, p. 3; КОРНЕЛЮК Н. Ук. соч.
16. ЯКОВЛЕВ А.Н. Сумерки. М. 2003, с. 112.
17. БЕРШТЕЙН А., КАРЦЕВ Д. Приезд революции. — *Время новостей*. 3.IV.2007; FISCHER K. *Op. cit.*, S. 127.
18. ЗЕМАН З., ШАРЛАУ У. Ук. соч., с. 246.
19. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1—2. М. 2004.
20. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 8. М. 1998, с. 225—230; ЗЕМАН З., ШАРЛАУ У. Ук. соч., с. 254—255.
21. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 27. М. 1977, предисловие, с. XV.
22. Германия и революция в России 1915—1918, с. 186.
23. Там же, с. 187.
24. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М. 2005, с. 357.
25. Большевики помогали германской революции тайно, финансируя более десяти левых социал-демократических газет, распространяя в Германии антивоенную и

- антиправительственную литературу, отпечатанную в Советской России. Ленинским правительством был основан фонд в 10 млн руб., находившийся на попечении депутата рейхстага Оскара Кохна, а в самой Германии было закуплено на 100 тыс. марок оружие для организации восстания. СОБОЛЕВ Г.Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб. 2002, с. 364.
26. BAUMGART W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April-Juni 1918. — Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1968, № 1, S. 79—81. Сокращенный русский перевод см.: Документы германского посла в Москве Мирбаха. — Вопросы истории. 1971, № 9, с. 124.
 27. ХЕРЕШ Э. Ук. соч., с. 330—331.
 28. Политический архив Министерства иностранных дел Германии, док. № А.С.2667. ШИССЕР Г., ТРАУПТМАН Й. Ук. соч., с. 244.
 29. БОТМЕР К. фон. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М. 1996, с. 61.
 30. BAUMGART W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April-Juni 1918, S. 94—95.
 31. Ibid., S. 72.
 32. ВАТЛИН А.Ю. Германия в XX веке. М. 2002, с. 31—32.
 33. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1959, с. 445—453.
 34. ЕФИМКИН А.П. «Мы заплатили немецким империалистам золото...». — История СССР. 1990, № 5, с. 147—151; СИРОТКИН В.Г. Зарубежное золото России. М. 1999, с. 96—109; СОБОЛЕВ Г.Л. Ук. соч., с. 362—363.
 35. ПЕТРОВ Ю.А. Русские долги Германии в период Брестского мира. — Экономическая история. М. 2001, с. 110; История Германии. Т. 2. Кемерово. 2005, с. 108.
 36. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 45.
 37. ЛЮКС Л. История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М. 2009, с. 77.
 38. Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 565.
 39. СИРОТКИН В.Г. Ук. соч., с. 106.
 40. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 38. М. 1977, с. 13—14.
 41. ФЕНГЛЕР Х., ГИРОУ Г., УНГЕР В. Словарь нумизмата. М. 1993.
 42. ГОТЬЕ Ю.В. Мои заметки. — Вопросы истории. 1991, № 12, с. 149.

Два мнения о Петре Великом и «загадка» Карамзина

Г.М. Карпов

Аннотация. Целью данной публикации является намерение выявить и объяснить причины переменчивости взглядов Н.М. Карамзина на личность Петра I. В работе обобщаются имеющиеся в литературе мнения по этой проблеме и ставится ряд вопросов, не получивших до сих пор подробного объяснения.

Ключевые слова: либерал, западник, консерватор, националист, идеолог самодержавия.

Abstract. The purpose of this publication is the intention to identify and explain the causes of the variability of the views of N.M. Karamzin on the person of Peter I. The work overviews available in the literature opinions on this issue and raises a number of issues that have not received until now a detailed explanation.

Key words: liberal, westerner, conservative, nationalist, ideologist of autocracy.

Разногласица мнений о Петре Великом возникла вскоре после его кончины. В этом потоке суждений выделяются два взгляда на личность и деяния основателя Российской империи, принадлежащие одному человеку — известному литератору и историку конца XVIII — начала XIX в. Н.М. Карамзину.

Один ряд оценок — однозначно апологетических — содержится в «Письмах русского путешественника». В другом, более позднем произведении — «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»¹ — доминирует критическое восприятие Петровской эпохи.

О Карамзине имеется довольно значительная литература. Особо следует отметить материалы энциклопедических изданий 2000-х гг., в которых обобщены достигнутые знания по истории становления и развития в России либерализма и консерватизма. Однако проблема «разномыслия» Карамзина, подмеченная еще при его жизни, склонность к «парадоксам», полагаю, не утратила своей актуальности. Кроме того оправданием написания данной работы является попытка выявить, какие суждения Карамзина об эпохе преобразований отве-

Карпов Герман Михайлович — историк. E-mail: natalia27885@yandex.ru.

Карпов German M. — historian. E-mail: natalia27885@yandex.ru.

чают принципу историзма, а какие явились следствием противоречивости его мировоззрения. «Письма русского путешественника» — это зафиксированный в своеобразной литературной форме итог полугодовой (1789—1790 гг.) поездки Карамзина в Западную Европу. Они печатались в издаваемом им «Московском журнале», а затем выходили отдельными изданиями. Наряду с беглыми упоминаниями имени Петра Великого в сочинении имеется несколько достаточно пространных суждений о его роли в Российской истории. В одном из них российский император именуется «благодетелем человечества и лучезарным богом света, осветившим глубокою тьму вокруг себя»².

В другом письме Карамзин полемизирует с автором «Российской истории» французским историком Левеком³, который, по его мнению, принижает «нашего славного монарха», отказывает ему в праве называться великим умом, «ибо он, желая образовать народ свой, только подражал другим народам». Карамзин в заимствовании не видит ничего предосудительного. Он полагает: «Путь образования или просвещения один для народов: все они идут им в след друг за другом... Какой народ не перенимал у другого?... Благоразумно ли искать то, что сыскано?» В связи с этим он решительно осуждает национальное чванство, доводя его до мыслимого предела: «Лучше ли было русским не строить кораблей, не образовывать регулярного войска, не заводить Академий, фабрик» только из-за того, что это выдуманно другими, а «не должно ли сравняться, чтобы превзойти».

Как установила Л.Г. Кислягина, автор «Писем» следует за Вольтером, почти дословно повторяя основную идею его «Истории Российской в царствовании Петра Великого»: главная заслуга царя-реформатора заключалась в его стремлении поставить Россию в один ряд с другими просвещенными народами Европы⁴.

Автор убежден в правоте Петра Великого, объявившего войну «старинным обыкновениям». Во-первых, «они были грубы, недостойны своего века; во-вторых, ... они препятствовали введению других, еще важнейших и полезнейших иностранных новостей. Надлежало... свернуть голову закоренелому русскому упрямству, чтобы сделать нас более гибкими, способными учиться и перенимать».

Не стоит сожалеть, что «мы не таковы, как брадатые предки наши», — замечает автор. «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских».

Карамзин отвергает ходячее мнение, согласно которому мы могли бы выучиться и без Петра. «Каким же образом? Сами собой? Но... русские не расположены, не готовы были просвещаться, ... сколько трудов стоило монарху победить наше упорство в невежестве». Автор убежден, что только одна «деятельная воля и беспредельная власть царя русского могла произвести такую внезапную и быструю перемену... Пётр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали» ушедших далеко вперед немцев, французов, англичан. «И в два века по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сделалось бы то, что государь наш сделал в 20 лет».

Другое мнение Карамзина о Петре I мы обнаруживаем в его «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». От прежней восторженности не осталось и следа. Ка-

рамзин в 1811 г. — зрелый 45-летний человек, известный литератор, официальный историограф, автор первых томов «Истории государства Российского». Как заметил Ю.С. Пивоваров — автор предисловия к отдельному изданию «Записки» (1991), он уже тогда начинал осваивать роль «советника царей»⁵. В литературе часто цитируется чеканная формулировка Карамзина: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною тому Пётр»⁶.

Какой смысл вкладывал автор в понятие «гражданин России»? «Деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев,... оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а СВЯТАЯ РУСЬ — первое государство». Итак, гражданин России — это глубоко верующий, укорененный в православии и патриотически настроенный россиянин, в силу сакрального предназначения отечества, занимающий особое место в мире.

Карамзин убежден, что вера россиян в святость Руси (даже, если «то назовут заблуждением») благоприятствовала их нравственной стойкости. «Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев» — уверял автор, россияне утратили эти качества. Раньше «всех иных европейцев» называли на Руси «неверными», а теперь «называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — н е в е р н ы м или б р а т ь я м?», кому бы она... долженствовала более противиться?»⁷ Как видим, Карамзин недвусмысленно намекает на ослабление патриотического чувства россиян. Обозревая дела давно минувших лет, он обнаруживает стойкость «народного духа», составлявшего нравственное могущество государства. Пётр, по его мнению, этого не понимал.

Но «сей дух и вера,... привязанность к нашему особенному... спасли Россию во времена самозванцев»⁸, — утверждает автор. Во времена Карамзина было известно, что в начале XVII в. Московское государство избежало вероятного распада и утраты независимости. Это свершилось благодаря ратникам Второго ополчения, их вождям. — Минию и Пожарскому, патриарху Гермогену, известным и неизвестным жертвователям на алтарь Отечества

Насколько это подпитывалось идеологией «Святая Русь», верой в богоизбранность Руси? Видимо это образное сакральное оформление концепции «Москва — третий Рим» в определенной мере влияло на нравственное самосознание россиян. Но все же, думается, говорить о глубокой укорененности этого метафизического идеала было бы натяжкой. Кроме того, идея Святой Руси, апелляция к святым заступникам скорее лишала народ необходимой нравственной энергии, чем активизировала духовные силы и способности к сопротивлению.

Недаром состояние нравственности, в котором тогда находилась Россия, современники окрестили Смутой. Немалая часть правящей элиты руководствовалась не столько национальными, сколько своекорыстными интересами, добиваясь почестей и пожалований от очередного самозванца (чудесно спавшегося царя Дмитрия). Успокоение страны многие видели в призвании на российский престол иностранного принца. Позднее в «Истории государства Российского» Карамзин заметил: «В крайности обстоятельств молчала и ревность к пра-

вославию. Думали только спастись от государственной гибели,... хотя и с соблазном, хотя с опасностью для веры»⁹.

В первом случае, в своей записке Карамзин выступает скорее как публицист, а не историк, рисуя картину прошлого России, отвлекаясь от исторических реалий. Во втором случае он, как автор исторического сочинения, не только излагает факты суровой действительности, но и интерпретирует их. В результате, под пером историка возникает не столь однозначно благостная (с точки зрения нравственности) картина.

Автор «Записки» осуждает осуществленную по воле монарха смену традиционной одежды на костюм европейского образца. В сочетании с брадобритием эта акция на протяжении трех столетий воспринималась в профессиональном знании и общественном сознании либо как необходимая и своевременная мера, либо как чуждая национальному строю жизни выходка царя, пристрастного ко всему иностранному. Со временем сформировалась и средняя линия. Ее последователи признавали определенное позитивное значение данных действий, но осуждали царя-преобразователя за насильственное искоренение традиций и внедрение новых привычек.

Карамзин не одобрял одно из главных деяний Петра I — основание новой столицы на краю государства, «среди зыбей болотных». Автор «Записки» полагал, что на берегах Невы можно было бы заложить «купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною». По его мнению, эта «блестящая ошибка» Петра стоила России огромных материальных затрат и людских потерь, «можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах». Мысли, суждения Карамзина по поводу основания и будущей судьбы Петербурга не были оригинальными. Автор «Записки» в этом отношении имел немало предшественников и последователей.

Непривлекательную сторону царствования Петра I в изложении Карамзина усиливают «пытки и казни», которые «служили средством нашего славного преобразования государственного»¹⁰.

Несомненно, жестокости в то время хватало. Были и невинные жертвы, в том числе и вызванные несдержанным царским гневом. Но большая часть жертв Преображенского приказа и «Тайной канцелярии» вполне объяснима и по меркам того времени даже оправдана. Во всяком случае, многие гибли не только и не столько «за одну честь русских кафтанов и бороды», как уверяет автор. Стрелецкое разорение и массовые казни участников восстания 1698 г. были вызваны не просто их приверженностью старине, а тем, что она обрела форму вооруженного бунта против верховной власти.

Пристальное внимание Карамзина привлекла церковная реформа. Автор убежден, что «со времен Петровых упало духовенство в России». Он подчеркивает аспект подчиненности церкви светской власти. В силу этого она «теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера», что, в свою очередь, лишает государя «способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных»¹¹. Карамзин не мог удержаться, чтобы не похвалить прежние порядки в церковной сфере: «Наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской»¹².

«Письма русского путешественника» при жизни автора выдержали шесть изданий, а до конца XIX в. вышло еще два. «Записка о древней и новой России» не предназначалась для печати. Однако в извлечениях, фрагментах она все же стала известна заинтересованной части российской публики, по крайней мере уже в 1830-е гг., а в следующем десятилетии в печати появились первые отклики на нее ¹³.

В среде профессиональных историков отзывы о трактате Карамзина можно пересчитать по пальцам. Так, например, автор многотомной «Истории правления Петра Великого» Н.Г. Устрялов заметил, что Карамзин был «равно несправедлив и к Петру Великому и к Александру I» ¹⁴. Мы не находим упоминание о данном произведении и в историографических обзорах С.М. Соловьёва. Только в набросках задуманной работы о Карамзине В.О. Ключевского встречается его название.

Среди отзывов на «Записку» выделяется работа А.Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I» («Вестник Европы». 1870, кн. 9). По мнению автора, «Карамзину надо было доказать, что реформа была вредна, что перемены даже не были и нужны, потому что и до Петра Россия уже приняла спокойно и умеренно плоды европейской образованности». Но «прежнее допетровское движение России — говорится в работе, — не представляло никакой действительной силы, какою стала потом реформа». Заметим, что перемены в общественной жизни и государственном устройстве при первых Романовых вряд ли могли стать «действительной» силой, поскольку они, как признает сам Карамзин, происходили «постепенно, тихо, едва заметно... заимствовали, но как бы нехотя» ¹⁵.

«Унижение народного духа», о чем сожалеет Карамзин, дошло до Петра, как «готовая традиция», возникшая во времена Иоанна IV, когда верховная власть приняла характер «восточного деспотизма, который не останавливался ни перед какими соображениями человеческого достоинства» ¹⁶.

В наши дни в защиту Карамзина выступил известный историк русской культуры Ю.М. Лотман. Автор практически не расходится с Карамзиным в понимании характера отдельных петровских преобразований и фиксирует внимание на отдельных пунктах «обвинительных» страниц. Это относится к тезису об унижении Петром «человеческого достоинства» и о тайной канцелярии, которая «день и ночь работала в Преображенском».

«Записка» по существу стала обвинительным актом правлению Романовых. «Однако самым безжалостным из нарисованных Карамзиным был образ Александра I». Автор трактата «не пощадил ни одного из начинаний Александра I, показав его полную несостоятельность как государственного деятеля,... считал его... царем-неудачником, все планы которого обращаются во вред России» ¹⁷.

Следует заметить, что царь действительно был вдохновителем преобразовательных планов, но «написаны они пером М.М. Сперанского». Кроме того нельзя согласиться с Лотманом, который отрицал роль Карамзина в отставке статс-секретаря.

Фактическая сторона интриги против Сперанского достаточно подробно изучена В выступлении Карамзина против мероприятий, проводимых статс-секретарем, не было ничего личного (на что указывает отсутствие в тексте «Записки» имени Сперанского). Он не

разделял наиболее одиозных обвинений, например в его шпионстве в пользу Франции. Автор «Записки» руководствовался только национально-государственными интересами, которым, по его глубокому убеждению, реформы наносили непоправимый вред. Но, как бы то ни было, Карамзин внес свою лепту в дело Сперанского и свертывание реформ. Он выступил «сам от себя». Но вряд ли он решился бы на что-нибудь подобное без поддержки и прямого заказа на это со стороны Екатерины Павловны. А. Зорин полагает, что ее роль «... в кампании, направленной на смещение государственного секретаря, была чрезвычайно значимой»¹⁸.

Трактат Карамзина был первой обстоятельной критикой всего, что было предпринято в первое десятилетие правления Александра I. Факты свидетельствуют, что общественное мнение, отраженное в определенной мере в «Записке» и других трактатах, подталкивало царя-либерала в сторону А.А. Аракчеева, который с самого начала царствования Александра был в числе видных сановников, но после отставки Сперанского стал самым влиятельным человеком в империи. Карамзин сам в этом убедился. В 1816 г. он не мог в течение долгого времени добиться аудиенции у царя, чтобы решить вопрос об издании подготовленных восьми томов «Истории государства Российского». Но как только он обратился с этой просьбой к Аракчееву, тотчас был принят.

Мировоззрение Карамзина консервативного толка получило логическое завершение в декабре 1825 года. Его личное сочувственное участие в тех событиях на стороне двора, а также идеи и внушения монархам, зафиксированные в «Записке», оказались действенной опорой самодержавию.

Взгляды Карамзина на многие вопросы как российской, так и международной жизни и истории неоднократно менялись. Как свидетельствуют близко знавшие его современники, он вернулся из-за границы безоговорочным западником, если не сказать космополитом. Переход на иные — консервативные позиции — свершился, видимо, достаточно резко в первое десятилетие XIX века.

Карамзин покинул Париж, когда исполнился год со дня взятия Бастилии. В последнем парижском письме читаем: «Среди шумных явлений твоих (Парижа) жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твои волнения с тихой душой, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море»¹⁹.

Тем не менее сам Карамзин активно включился в водоворот парижской политической жизни, если не как субъект, то как заинтересованный наблюдатель. (В тексте об этом по понятным причинам говорится крайне скупно). Он посещал Национальное собрание, где слышал многих главных ораторов и деятелей начального этапа революции. Вполне вероятно, любознательный путешественник бывал в Якобинском клубе и был знаком с М. Робеспьером. Мы располагаем надежным свидетельством декабриста Николая Тургенева о том, с каким благоговением он относился к Неподкупному. Узнав о его смерти, Николай Михайлович «пролил слезы» и говорил о нем «с почтением»²⁰. Лотман полагает, что «в правлении Робеспьера Карамзин усматривал опыт реализации социальной утопии... — того идеала платоновской республики», который привлекал его самого. Против-

ник насилия, Карамзин оправдывал казни, творимые по приговорам якобинского правительства, и вызываемые, по его мнению, суровой необходимостью, заботой об общем благе государства первого гражданина-республиканца ²¹.

В целом позитивное отношение к Французской революции у Карамзина не изменилось до конца XVIII века. В статье «Несколько слов о русской литературе» (1797), помещенной в гамбургском журнале «Северный зритель», он писал: «Французская нация прошла через все ступени цивилизации, для того, чтобы достичь вершины, на которой она ныне находится... Французская революция — одно из тех событий, которое определяет судьбу людей на протяжении многих веков. Новая эпоха начинается, я ее вижу, но Руссо предвидел». И далее: «Революция не есть бунт кучки “дерзких” и “хищных как волки” республиканцев, она — закономерное звено в цепи непрерывного развития нации» ²².

Только с наступлением цензурных послаблений Карамзин смог опубликовать парижские письма, в которых воспроизводились его тогдашние впечатления и оценки, видимо, не сильно изменившиеся к 1801 году.

Но уже в следующем году читатели сочинений Карамзина могли заметить некоторые признаки начавшейся эволюции его воззрений. В 1802—1803 гг. Карамзин издавал журнал «Вестник Европы». В нем печатались переложения лучших французских, немецких и английских периодических изданий, а также аналитические статьи и обзоры издателя по актуальным проблемам прошлого и настоящего России и Европы. Практически в каждой из 48 книжек «Вестника» можно было обнаружить материалы о французских событиях. В них уже не было и следа прежних республиканских симпатий, напротив, Карамзин приветствовал монархические устремления Бонапарта: «Несмотря на имя и некоторые республиканские формы правления» Франция стала «истинной монархией» ²³; «Франция по своему величию и характеру должна быть монархией» ²⁴. Идеологическим обоснованием его бонапартистской апологетики служил усвоенный еще в 1790-е гг. тезис Монтескье о предпочтительности для крупных стран монархической формы правления.

Новые мотивы в воззрениях Карамзина в большей мере заметны в опубликованных им материалах о России. Среди них выделяется статья «О любви к отечеству и народной гордости» ²⁵, в которой изложены авторские размышления о национальном русском характере, русской идентичности.

Карамзин не отгораживается от Европы, по-прежнему признавая необходимость и значимость заимствований. Он считает «переимчивость» знаком «превосходного образования души» ²⁶, однако замечает при этом: «Как человек, так и народ начинает всегда подражанием, но должен со временем быть собой,... хорошо и должно учиться, но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником». При этом автор предостерегает как от излишнего зазнайства — «что мы всех и во всем лучше», так и от самоуничужения — «русский должен знать цену свою» ²⁷.

В статье имеется одна фраза о Петре I, которую, полагаю, можно рассматривать как первый шаг в пересмотре однозначно позитив-

ного отношения автора к царю-преобразователю: «Пётр Великий, соединив нас с Европою, и показав нам выгоды просвещения, не надолго унизил гордость русских»²⁸.

Тема патриотизма в воспитательном аспекте разрабатывалась автором в материале «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художественным»²⁹. Эта статья любопытна, в том числе, и как свидетельство осознанного намерения издателя «Вестника Европы» начать написание Российской истории, к работе над которой он как историограф смог приступить в конце 1803 года.

Мировоззренческий «излом» Карамзина произошел, когда были написаны первые тома «Истории государства Российского». На это обстоятельство первым обратил внимание К. Аксаков: «Приступив с западными понятиями к истории, поклонник государства мало-помалу преобразовался сам Русской историей, учился у нее и пришел к новым убеждениям, не согласным с прежними»³⁰.

П.А. Вяземский, размышляя на склоне лет (1873) о мировоззренческих парадоксах своего друга и родственника, заметил: «Как человек, был он либерал, как гражданин был консерватор... Вторым сделался он вследствие изучения истории»³¹.

Действительно, российские исторические реалии, зафиксированные в летописях, которыми пользовался Карамзин, работая над «Историей», не укладывались в усвоенную ранее концепцию единства исторического развития всех народов. Постепенно у автора исторического труда формировалась оппозиция доминировавшему тогда в обществе европеизму. В сжатой форме это нашло отражение в «Записке», где достаточно отчетливо проводилась мысль об особом пути России.

М.Н. Погодин, отметив факт изменения мнения о Петре I автора «Записки о древней и новой России», не разъяснил причину превращения безусловного поклонника первого императора в его порицателя. Он указал только на способность и готовность Карамзина доказать, «как ум его свободен от всех предубеждений, даже самых любезных и дорогих»³².

Пыпин, предпринявший довольно обстоятельный критический разбор творческого наследия Карамзина, не обнаружил в его мировоззрении резкого поворота. Критик полагал, что у Карамзина «издавна, в пору самых свободолюбивых увлечений были задатки консерватизма... Теперь (в «Записке». — Г.К.) только сильнее стала выдвигаться эта последняя сторона его мнений», чему «все больше благоприятствовала русская жизнь... Его идеалы, всегда туманные, остановились в конце концов на общественной неподвижности и на безмолвной покорности»³³.

Однако с этими суждениями не согласуется другое утверждение, касающееся оценки деятельности Петра I: «Из великого поклонника реформы Карамзин стал строгим ее порицателем»³⁴. Такая непоследовательность суждений является, на мой взгляд, отражением определенной тенденциозности критика и главное — трудно объяснимой противоречивости взглядов Карамзина. В результате присущее Карамзину «двоемыслие» превращается в присущее ему изначально цельное консервативное мировоззрение.

Чем пристальнее «вглядываешься» в мозаичный образ Карамзина, состоящий из разнообразных, подчас противоречивых суждений о нем, тем труднее найти внятное объяснение его «разномыслия». В этом еще раз убеждаешься, когда обращаешься к многочисленным работам Лотмана, наиболее крупного исследователя творчества Карамзина.

В его совместной работе с Б.А. Успенским, предваряющей публикацию «Писем русского путешественника» в серии «Литературные памятники» (1994) утверждается, что уже это произведение задавало «то двойное прочтение, которое в дальнейшем было свойственно всем литературным творениям Карамзина»³⁵.

Отчасти с этим можно согласиться. Действительно, в «Письмах» наряду с преобладающими западническими симпатиями можно обнаружить ряд примеров патриотичности, приписываемых герою повествования. В наиболее зрелой форме она явлена в одном из лондонских писем: «Англичане знают французский язык, но не хотят говорить им... Какая разница с нами!... а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других...»³⁶

Современники обратили внимание (а некоторые по достоинству оценили) и на другое, не менее значимое авторское признание: «после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими... Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностью! Среди шумных явлений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной»³⁷.

Неясно, правда, какая из этих сентенций отражает взгляды молодого путешественника 1790 г., какая относится к времени подготовки Карамзиным полного издания «Писем». Думается, последнее высказывание ближе всего к ранним представлениям автора, стоявшего на позиции единства пути развития человечества, включенности России в «европейский концерт». Это — позиция русского европейца.

«Двойное прочтение» при освещении Петровской темы отчасти наблюдается в «Записке о древней и новой России», где автор бегло перечисляет кажущиеся ему позитивными начинания преобразователя, но акцент переносит на вредные стороны его деятельности. Карамзин как бы забыл о прежних восторженных отзывах о Петре, перевернул эту страницу своего творчества и перешел на противоположные позиции. Однако слово «забыл» здесь вряд ли уместно, так как «Письма русского путешественника» продолжали выходить не без участия автора. В этом случае мы имеем дело действительно с трудно объяснимым двоемыслием. Из-под пера историографа вышел другой Пётр, очень непохожий на прежнего. В «Записке» мы не находим ни малейшего намека, хотя бы отчасти объяснявшего этот парадокс.

Лотман пытается смягчить явные противоположности мировоззрения Карамзина, оспаривая сложившееся еще в XIX в. представление о «двух Карамзиных»: один — либерал, западник, другой — патриот, сторонник традиции, консерватор. Автор приводит ряд примеров, опровергающих, по его мнению, эту схему.

Что касается «Писем», с автором отчасти можно согласиться. В них действительно присутствуют отдельные высказывания патриотического свойства, но все же они не меняют общей либерально-западной тональности произведения: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами»³⁸.

Несравненно труднее оказалось смягчить консервативные взгляды позднего Карамзина. Возражая своим оппонентам, Лотман замечает: «Цитаты, долженствующие подтвердить “реакционность” и “национализм” позднего Карамзина, извлекаются обычно из “Записки о древней и новой России”... Дело, однако, не в наличии или отсутствии тех или иных подтверждающих цитат, а в возможности привести не менее яркие примеры, опровергающие эту схему»³⁹.

Лотман стремится показать, что Карамзин все же не был врагом государственных реформ допетровских времен: «Он неизменно с глубочайшей похвалой отзывался о реформах Ивана III, одобрял в статьях 1803 г. реформы Бориса Годунова, высоко ценил мероприятия царя Алексея»⁴⁰.

Взгляд Карамзина обращен в прошлое, что для историка кажется вполне естественным. Там он находит немало позитивных, полезных начинаний и намерений во внутренней и внешней политике государства. Но чувство историзма его покидает по мере удаления от допетровских времен. В новой России мало, что ласкает его придиричливый, критичный взгляд.

Труды Лотмана существенно обогатили наши представления о жизни и творческом наследии Карамзина. Вместе с тем нельзя не отметить весьма заметную апологетическую направленность его работ. Видимо, не последнюю роль в этом сыграло стремление Лотмана реабилитировать Карамзина в историко-гуманитарном знании и общественном сознании после многих десятилетий замалчивания ряда его сочинений.

Автор очерка о Карамзине А.Н. Сахаров признает, что историограф, несомненно, был монархист. «Его самодержавие — это прекрасная утопия дворянского интеллигента»⁴¹. Развивая эту мысль, можно добавить следующее: институт самодержавия, рисуемый воображением Карамзина — это некая умозрительная субстанция без участия «человеческого фактора». Ее главным элементом явился тезис-парадокс о верховенстве закона при самодержавном правлении.

«Записка» представляет собой сочетание элементов утопии и нигилизма. Особенно это касается правления Александра I. Тотальная критика не самого худшего из монархов, его внутренней и внешней политики вряд ли могла приблизить самодержавие к тому идеалу, о котором мечтал автор трактата. М.А. Алпатов заметил: «Карамзин хотел видеть свои идеи претворенными в жизнь, и кто может поручиться, что когда “дней Александровых прекрасное начало” обернулось Александровской реакцией, то в этом не было влияния автора “Записки о древней и новой России”»⁴².

Современное «возвращение» Карамзина происходит на фоне моды на консерватизм, сменившей недавнее увлечение либеральными идеями. Д.В. Ермашов, А.А. Ширинянц — авторы аналитического обзора о мировоззрении историографа — отмечают, что «обаяние личности Карамзина обусловило то восторженное и благоговейное восприя-

тие карамзинского наследия», которое и привело писавших о нем к своеобразной «конкуренции по части хвалебных характеристик Карамзина и его роли в истории русской культуры»⁴³.

С довольно подробным анализом содержания трактата в 1957 г. выступил А.В. Предтеченский. По мнению исследователя, то, что говорится в «Записке», «не поднимается над уровнем обывательских рассуждений,... поэтому так примитивны рекомендуемые Карамзиным средства исправления совершенных Александром ошибок». Историк полагает, что «Записка» представляет интерес не как политический трактат, а как отражение настроений широких кругов дворянства»⁴⁴.

Схожую мысль позднее (1998), высказал С.С. Секиринский: «Читая “Записку” Карамзина и слушая его смелые речи, проникнутые неприятием реформаторских начинаний, император живо представил себе, что он услышит из уст “представителей нации” в случае, если он решит призвать их к законодательной деятельности». Исследователь полагает, что не сами аргументы Карамзина, а скорее неблагоприятное впечатление, вынесенное из бесед с ним, заставили Александра сначала задуматься, а затем отказаться от попыток реформирования самодержавия⁴⁵. Полагаю, в этом заключался и основной пафос «Записки», и ее позитивное значение.

Критическая линия в оценке «Записки», намеченная Пыпиным, за прошедшие полтора века обрела не слишком много приверженцев. Кроме упоминавшейся работы Предтеченского можно назвать полемические заметки Я. Лисовского «Неоднозначный Карамзин»⁴⁶.

В этом же духе высказался Н. Эдельман в известной работе «Последний летописец». Позитивно оценив жизненный и творческий путь героя повествования, он, вместе с тем, в споре Карамзин — Сперанский отдает предпочтение последнему. «Глубоко продуманный план мог на многие десятилетия ускорить российский прогресс,... серьезные реформы уже назрели и были бы естественными»⁴⁷.

Другой угол зрения на проблему противостояния «дух гениев» тогдашней русской мысли наметил Пивоваров в статье о роли реформатора (Сперанского) в России. В ней нет прямых сопоставлений политических программ Карамзина и Сперанского. Вместе с тем, в изложении взглядов последнего на петровские преобразования осведомленный читатель обнаружит их сходство с мнением о них Карамзина. Оба мыслителя отмечали подражательный характер реформы Петра I и «распадение русской культуры в следствие этого на два склада жизни».

Что же касается оппозиции Карамзина либеральному курсу Александра I, то автор статьи ее смягчает указанием на его недостаточную осведомленность о планах правительства, а также следующим выводом: Сперанский «обогнал свое время... Он вышел далеко вперед, и расплатой ему всеобщее непонимание»⁴⁸. В числе «непонимающих» оказался и Карамзин. Поэтому судил он о предпринимавшихся тогда реформах «иногда справедливо, иногда нет». Но непонимание, думается, явилось следствием «межпартийного» противостояния — складывавшихся тогда либерализма и консерватизма.

В другой статье, предварявшей публикацию «Записки», Пивоваров предложил заслуживающее внимания объяснение противоречивости взглядов Карамзина. Противопоставление исторического само-

державия идеальному является, по его мнению, отражением своеобразного взаимодействия двух «блоков идей, принадлежащих принципиально различным типам культур — традиционной и модернизированной (или модернизирующейся) культуры просвещения»⁴⁹. Это причудливое сочетание несовместимых подходов, характерное для мировоззрения Карамзина, полагаю, можно распространить на его мнение о петровских преобразованиях.

Определенное влияние на автора «Записки о древней и новой России» оказало, как полагает Г.И. Моисеева, сочинение М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России». На это указывает их тематическое и отчасти фразеологическое сходство⁵⁰. Есть основание считать, что записка Щербатова послужила одним из источников формирования критического взгляда Карамзина не столько на деятельность Петра I, сколько на политику его приемников на троне.

В другом, менее известном сочинении — «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» — Щербатов выступил страстным защитником дела Петрова: «Могу ли я... дерзнуть какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли я данное мне им просвещение, яко некоторый изменник похищенное оружие противу давшего мне во вред ему обратить?»⁵¹

Поэтому, полагаю, вряд ли можно считать Щербатова родоначальником славянофильства и основателем критического направления в историографии Петровской эпохи. Он позитивно воспринимал большую часть начинаний реформатора, включая и «поправление наших внешностей». В его текстах нет ни малейшего намека на антизападничество. Напротив, он убежден: «Воистину могу сказать, что если вступя позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов»⁵².

Освещение Петровской темы в русской общественной мысли в начале XIX в. складывалось в ходе «напряженного диалога с западным интеллектуальным контекстом», в котором «на протяжении всего XVIII в. Пётр был одной из самых центральных дискуссионных фигур»⁵³. К исходу XVIII в. о Петровской эпохе во Франции сложилось весьма значительное собрание различных сочинений от историко-философских работ до поэтических и драматургических произведений. Всю эту обширную литературу с известной долей условности можно разделить на две группы. Одну из них — апологетическую, близкую по духу к творениям Вольтера, другую — критическую, тяготеющую к оценкам Руссо.

Русский консерватизм формировался в обстановке острого диалоганеприятия с первыми и диалога избирательного заимствования со вторыми. Приверженцы раннего консерватизма позже получили именованье «архаистов» (термин ввел в научный оборот Ю.Н. Тынянов)⁵⁴.

В свое время Аполлон Григорьев поставил вопрос о возможном влиянии оппозиции (Шишков и его последователи) на происшедший в мировоззрении Карамзина «перелом»⁵⁵. Думается, есть все основания ответить на него утвердительно. «Архаисты» рисовали привлекательный образ допетровской Руси, противопоставляя его современной им России. Карамзин также все больше достоинств видел в прошлом, в Московском государстве, и мало их находил в последующие

времена, начиная с Петра I. В этом отношении весьма характерным является то место «Записки», где говорится о том, как до Петра россияне «от сохи до престола... сходились между собой некоторыми общими признаками и в обыкновениях». Но «со времен Петровых высшие ступени отделялись от низших». Бояр, которых народ почитал как мужей, отмеченных величием, и которым «поклонялся... с истинным уничижением, царь ко вреду братского, народного единодушия» «передел в немцев»⁵⁶.

Последующие поколения историков вплоть до наших дней подтверждают определенное сходство в образе жизни, привычках всех сословий допетровской России, равно и раскол страны в результате преобразований Петра на два мира (две субкультуры) — европеизированного и сохранившего приверженность традиции. Однако мало кто из историков признает достоверной описанную ситуацию единодушия сословий и укорененного обычая народного почитания бояр в допетровской России.

Как трактовать столь идиллическую картину, нарисованную автором «Записки»? Разумеется, необходимо судить историка по меркам его времени. Но все же в изложении сюжета о нравах допетровской Руси автору «Записки» изменяет чувство меры. Карамзин-публицист берет верх над Карамзиным-историком. То же можно сказать и о «бессмысленной», с его точки зрения, перемене в воинских чинах: вместо воевод и сотников — генералы, капитаны...⁵⁷ «Архаисты» в открытой печати не решались осудить инициатора ненавистной им европеизации. Первым это сделал Карамзин в «Записке о древней и новой России». Правда, как уже говорилось, ее протестный пафос снижался благодаря тому, что текст не предназначался для печати.

Время ее написания — это отчетливо осознававшийся обществом канун войны с Францией. В стране усилились антифранцузские настроения, нарастало недовольство внутренней и внешней политикой правительства. «Карамзин, как писал Погодин, следил внимательно за ходом дел, принимая к сведению все московские толки, может быть в особенности мнение гр. Ростопчина, и все перерабатывал в своем уме, обращая в свою собственность, в свою плоть и кровь»⁵⁸.

Поэтому естественным оказалось его сближение с «архаистами». Вряд ли Николай Михайлович в полной мере разделял их желание вернуться к исконно русскому платью и быту. Более чем вероятно, что Карамзину были известны такого рода высказывания одного из влиятельных и деятельных участников оппозиции — Ростопчина: «Какое несчастье, что Пётр Первый нас обрил, а Шувалов заставил говорить нечестивым этим французским языком».

Наконец, нельзя не упомянуть о встрече двух вождей главных партий тогдашней словесности — Карамзина и Шишкова. Она произошла в 1816 г., видимо, по инициативе и в доме Державина. Во время беседы Карамзин (в пересказе Н.И. Греча) заверил собеседника: «Я не враг ваш, а ученик, потому что многое высказанное вами было мне полезно». Эта встреча переменяла отношение между ними: они стали «если не друзьями, то по крайней мере, добрыми искренними знакомыми»⁵⁹. Лучшим образом это подтверждает избрание Карамзина почетным членом «Беседы любителей русского слова».

Затрону еще один сюжет, касающийся проблемы становления консервативных взглядов Карамзина. Речь идет о довольно значительном имении в Нижегородской губернии. Волей-неволей Карамзину пришлось осваивать не очень знакомую ему помещичью сферу деятельности. Думается, это обстоятельство дополняет перечень факторов, обусловивших происходившую в это время в его мировоззрении «смену вех».

Карамзин, имевший вместе с женой около тысячи крестьян, входил в число 3% наиболее крупных «душевладельцев»⁶⁰. Вряд ли беспоместный дворянин, живущий только литературным трудом или на скромное жалованье, стал бы утверждать, что «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу».

Автор статьи «Николай Михайлович Карамзин — хозяин нижегородского имения Макателемы» Л.М. Карнишина находит его взгляды по отношению к крестьянам «естественными» для того времени. Он неустанно напоминает крестьянам: «Всякие господские повеления должны быть святы для вас. Я ваш отец и судья»⁶¹. Анализируя содержание писем владельца имения к бурмистрам и крестьянам, автор статьи замечает, что «постоянные задержки оброка..., уплата его с недоимками... вынуждали Н.М. Карамзина прибегать... к строгим, порой даже жестким формулировкам»⁶². В одном из писем, незадолго до смерти, он пригрозил крестьянам взыскать оброк при помощи воинской команды. Думается, он вряд ли воспользовался бы этой крайней мерой. Скорее это была попытка побудить селян незамедлительно прислать задержанный полный оброк.

В заключение вернемся к ключевому понятию публикации, обозначенному словом «загадка». Это слово мы находим в тексте речи С.Ф. Платонова, произнесенной 18 июля 1911 г. при открытии памятника Карамзину в Остафьево. По его мнению, многих современников историографа (и в первую очередь Н.И. Новикова) угнетала загадка: «Как можно бы было согласовать два порядка идей и чувств» — отношения «национального сознания к принципу космополитизма». Платонов полагал, что «это решение дал Карамзин»⁶³. «Европеизм» Карамзина мирно уживался с его «патриотизмом». «В их гармоническом соединении заключалась самая суть мировоззрения писателя»⁶⁴.

С этим можно было бы согласиться, если бы не «Записка о древней и новой России», которая в речи не упоминается⁶⁵. Платонов, видимо, полагал, что торжественный акт не место «следовать современному... обычаю строить характеристику Карамзина на некоторой антитезе его чувств, взглядов и настроений»⁶⁶.

Это косвенным образом свидетельствует в пользу тезиса о мировоззренческом феномене Карамзина, обозначенном в настоящей работе словом «загадка». У Платонова она утрачивает конфликтный, проблемный смысл, поскольку он освещает раннюю, может быть «лучшую», как заметил Григорьев, пору деятельности Карамзина, когда в его воззрениях гармонично сочетались европеизм и патриотизм. Из числа многих высказываний Карамзина на эту тему приведу следующую сентенцию: «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве; но после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывает, что он не между своими»⁶⁷. Полагаю, здесь весь-

ма ясно изложено кредо одного из первых русских европейцев, каким был автор «Писем русского путешественника» во время работы над заключительными главами этого сочинения. В этом случае нет никакой загадки. Она возникает, когда обращаешься ко времени написания известного трактата, в котором прежний умеренный патриотизм трансформируется в национализм, дополненный убежденностью автора в незыблемости самодержавия, крепостного права и неприятием реформ.

Скорее всего, в год Карамзина наряду с уместным воздаянием хвалы в его адрес, как несомненно выдающегося деятеля российской культуры, найдется место и для непредвзятого разбора политологического наследия автора «Записки о древней и новой России».

Примечания

1. Слово «записка», как указывающее на жанровую принадлежность сочинения, следовало бы исключить из его названия, что и предлагается в ряде текстов. Однако в литературе преобладает вариант названия, в котором слово «Записка» пишется со строчной буквы. Автор данной работы придерживается такого же написания.
2. КАРАМЗИН Н.М. Письма русского путешественника. М. 1983, с. 258.
3. Там же, с. 321—324.
4. КИСЛЯГИНА Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785—1803 гг.) М. 1976, с. 78—76.
5. ПИВОВАРОВ Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России». Предисловие к кн.: КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991, с. 9.
6. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России, с. 35.
7. Там же, с. 34.
8. Там же, с. 32.
9. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. XII. М. 1989, кн. 3, с. 143.
10. ЕГО ЖЕ. Записка..., с. 35.
11. Там же, с. 36.
12. Там же.
13. О допечатной судьбе «Записки» и первых ее публикациях см.: ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М. 1997, с. 181—189; АЛЬТМАН М.М. Публикации «Записки о древней и новой России» Н.М. Карамзина и царская цензура. — Вопросы истории. 1982, № 4, с. 170—174.
14. УСТРЯЛОВ Н.Т. История правления Петра Великого. Т. 1. СПб. 1858, с. 249.
15. ПЫПИН А.Н. Очерки общественного движения при Александре I. В кн.: Карамзин Pro et Contra. СПб. 2006, с. 533—534.
16. Там же, с. 535.
17. ЛОТМАН Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистике XIX века. В кн.: Карамзин. СПб. 1997, с. 596—597, 591.
18. ЗОРИН А. Кормя двуглавого орла. М. 2004, с. 196.
19. КАРАМЗИН Н.М. Письма..., с. 401.
20. См.: ЛОТМАН Ю.М. Письма русского путешественника и их место в развитии русской культуры. В кн.: Карамзин, с. 512.
21. ЕГО ЖЕ. Поэзия Карамзина. Там же, с. 426.
22. Там же, с. 428; МАКАГОНЕНКО Г.П. Николай Михайлович Карамзин и его «Письма русского путешественника». В кн.: КАРАМЗИН Н.М. Письма русского путешественника. М. 1986, с. 20.
23. Вестник Европы. 1802, № 1, с. 71.
24. Там же, № 17, с. 78.
25. Там же, № 4, с. 56—69.
26. Там же, с. 65.
27. Там же, с. 60—61.
28. Там же, с. 64.

29. Там же, № 24, с. 289—308.
30. АКСАКОВ К.С. О Карамзине. В кн.: Карамзин Pro et Contra, с. 652.
31. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Эстетика и литературная критика. М. 1984, с. 432.
32. ПОГОДИН Н.М. Николай Михайлович Карамзин..., ч. 2, с. 70.
33. ПЫПИН А.Н. Ук. соч., с. 533.
34. Там же, с. 517.
35. ЛОТМАН Ю.М. Карамзин, с. 488.
36. КАРАМЗИН Н.М. Письма..., с. 422.
37. Там же, с. 401.
38. Там же, с. 323.
39. ЛОТМАН Ю.М. Карамзин, с. 568—569.
40. Там же, с. 591.
41. САХАРОВ А.Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин. В кн.: Историки России. XVIII — начало XX века. М. 1996, с. 78, 105.
42. АЛПАТОВ М.А. Ук. соч., с. 192.
43. ЕРМАШОВ Д.В., ШИРИНЯНЦ А.А. Мировоззрение Карамзина в контексте консервативной традиции. В кн.: Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века. Н.М. Карамзин. М. 2001, с. 11.
44. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л. с. 279.
45. СЕКЕРИНСКИЙ С.С. Либеральный идеал и Российская действительность XIX века: некоторые аспекты и взаимодействия. В кн.: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М. 1999, с. 191.
46. ЛИСОВСКИЙ Я. Неоднозначный Карамзин. — Подъем. 1990, № 4, с. 231—239.
47. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Последний летописец. М. 1983, с. 70.
48. ПИВОВАРОВ Ю.С. Михаил Михайлович Сперанский. Судьба реформатора в России (Опыт ретроспективной политологии). В кн.: Из истории реформаторства в России. М. 1991, с. 61, 63, 60.
49. ПИВОВАРОВ Ю.С. Время Карамзина..., с. 14.
50. МОИСЕЕВА Г.Н. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин (Записка «О повреждении нравов в России»). В кн.: XVIII век. Сб. 14. Л. 1983, с. 91.
51. ЩЕРБАТОВ М.М. Избранные труды. М. 2010, с. 120.
52. Там же, с. 415.
53. ВЕЛИЖЕВ М. Об источниках «Петровской» концепции С.Н. Глинки. В кн.: Пётр Великий. М. 2007, с. 35, 39.
54. ТЫНЯНОВ Ю.Н. Архаисты и Пушкин. В кн.: ТЫНЯНОВ Ю.Н. Пушкин и его современники. М. 1969, с. 25—26.
55. ГРИГОРЬЕВ А. Народность и литература. В кн.: ГРИГОРЬЕВ А. Эстетика и критика. М. 1980, с. 185—186.
56. КАРАМЗИН Н.М. Записка..., с. 33.
57. Там же.
58. ПОГОДИН М.Н. Николай Михайлович Карамзин..., ч. 2, с. 70.
59. Там же, с. 137.
60. ПОЗНАНСКИЙ В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. М. 1975, с. 16.
61. КАРНИШИНА Л.М. Николай Михайлович Карамзин — хозяин нижегородского имения Микателемы. В кн.: Карамзинский сборник. Вып.1. Остафьево. 2011, с. 224.
62. Там же, с. 217.
63. ПЛАТОНОВ С.Ф. Ук. соч., с. 117.
64. Там же, с. 114.
65. Это далеко не единственный пример замалчивания «Записки» Карамзина. В ряде случаев, когда казалось бы трактат нельзя обойти, он остается за кадром. Из числа подобных примеров назову статью В. Никонова «Карамзин как respectable консерватор» (Родина. 2012, № 2) и Карамзинский сборник (Вып. 1. Остафьево. 2011), в котором опубликованы материалы конференции, приуроченной к 100-летию открытия карамзинского памятника в Остафьево и двухсотлетию написания трактата. Проблема «замалчивания» этого сочинения Карамзина ждет более обстоятельного рассмотрения.
66. ПЛАТОНОВ С.Ф. Ук. соч., с. 114.
67. КАРАМЗИН Н.М. Письма..., с. 401.

«Письма из Тагила» П.В. Рудановского

Э.А. Черноухов

Аннотация. Публикация посвящена анализу ценного источника по истории Нижнетагильского поселка в период отмены крепостного права. Известный врач П.В. Рудановский в провинциальной газете опубликовал свои письма об этом крупнейшем горнозаводском поселке Урала в переломную эпоху. Он описал его жителей, показал их отношение к медицине, рассмотрел некоторые демографические сюжеты. Наблюдения и оценки компетентного современника важны для лучшего понимания ряда дискуссионных проблем: обоснованности и эффективности собственных заведений социальной инфраструктуры при горных заводах, самостоятельной врачебной практики фельдшеров, противоречивости массового сознания горнозаводского населения.

Ключевые слова: медицина, Нижнетагильский заводской поселок, Урал.

Abstract. The message is devoted to analyze a valuable source on the history of the village of Nizhny Tagil in the period of the abolition of serfdom. Famous doctor P.V. Rudanovsky published his letter in a provincial newspaper about this major mining and metallurgical Urals village in a pivotal era. He described its residents showed their attitude to medicine, reviewed some demographic subjects. Monitoring and Evaluation of the competent contemporary are important for a better understanding for a number of controversial issues: the validity and effectiveness of their own institutions of social infrastructure in mining plants, independent medical practice of assistants, contradictions of mass consciousness the mining population.

Key words: medicine, Nizhny Tagil plant village, Urals.

Письма являются важной разновидностью исторических источников личного происхождения, востребованной исследователями. Среди них выделяются письма, написанные в расчете на публикацию или распространение другим способом¹. Некоторые из них были опубликованы в малоизвестных провинциальных периодических изданиях и поэтому еще не введены в широкий научный оборот. С 1860 г. в Киеве в течение двух десятилетий издавалась еженедельная газета «Современная медицина». В ней, согласно заглавию, публиковались специализированные материалы по различным аспектам медицинской науки и практи-

Черноухов Эдуард Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург. E-mail: echernoukhov@yandex.ru.

Chernoukhov Eduard A. — candidate of historical sciences, associate professor of the Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg. E-mail: echernoukhov@yandex.ru.

ки, велась пропаганда научных знаний. В то же время достаточно широкая направленность этого издания предопределила появление на его страницах публикаций по смежной тематике, например, фельетонов молодого Н.С. Лескова, впоследствии известного писателя ².

К подобным непрофильным для этой газеты материалам относятся и «Письма из Тагила» ³ (2 февраля 1863 г., № 5) уральского врача П.В. Рудановского, получившего известность далеко за пределами региона. Автор определил эти письма критико-публицистического характера как дополнительные заметки к подготовленному им «медико-топографическому описанию» Нижнетагильского горного округа. Но этот научный труд, как и труд его предшественника (врача И.П. Ильинского, 1855 г. ⁴), так и остался в рукописном виде.

Пётр Васильевич Рудановский родился 26 июня 1829 г. в Казани, где поселились его родители, происходившие из Черниговской губернии. Во время обучения на медицинском факультете Казанского университета он заключил соглашение о зачислении в горные стипендиаты, обязуясь после получения образования работать на уральских казенных заводах. Так в 1853 г. Рудановский оказался на далеком для него Урале.

Отработав положенный срок (в Гороблагодатском и Екатеринбургском округах), 22 июля 1859 г. он подписал бессрочный контракт с Главной конторой нижнетагильских заводов Демидовых. По нему Рудановский стал главным врачом Нижнетагильского горного округа, где прослужил 30 лет жизни.

Это было крупнейшее на Урале частное горнозаводское хозяйство с разветвленной системой заведений социальной инфраструктуры. Его обширный, хорошо оснащенный Нижнетагильский госпиталь стал прекрасной «площадкой» для научных исследований Рудановского, который известен своими многочисленными трудами в области строения нервной системы. Он первым ввел в гистологию метод замораживания препаратов. По подсчетам В.М. Попугайло, Рудановский — автор 47 научных работ по нервной патологии и физиологии, в том числе опубликованных в Европе. В 1875 г. Казанский университет присвоил ему степень доктора медицины без предоставления диссертации ⁵.

Страдавший от астмы Рудановский умер 29 января 1888 г. на 59 году жизни. При громадном стечении народа он был захоронен в ограде Введенской церкви Нижнетагильского поселка. Этот храм был разрушен в 1931 г., место застроено, могила врача не сохранилась ⁶.

Все три письма Рудановского были опубликованы в одном номере газеты «Современная медицина» (от 2 февраля 1863 г.). В тексте второго письма содержится важный датирующий признак: автор пишет об открытии «на днях» в Нижнетагильском заводском поселке реального училища. Эта дата (9 ноября 1862 г.) зафиксирована во многих источниках. Таким образом, между написанием писем и их публикацией в газете прошло менее трех месяцев. Этот источник не упомянут ни в одной статье о жизни и деятельности Рудановского.

«Письма из Тагила» стали своеобразным анализом его трехлетней службы в крупнейшем частном горном округе в переломную эпоху отмены крепостного права. В первом письме автор сосредоточился на общем описании населения обширного Нижнетагильского поселка ⁷, во втором — на отношении его жителей к медицине, в третьем — на медико-демографических сюжетах. Письма содержат как отдельные факты и наблюдения, так и оценки компетентного врача.

Рудановскому пришлось служить в отдаленном от научных центров горном округе с суровым климатом (где иногда и в июне приходилось протапливать печи), перманентной борьбой местных кланов между собой и с «посторонними» для заводов специалистами, весьма специфичными нравами местного населения. Он, как и его предшественник И.П. Ильинский, весьма нелестно

оценил менталитет тагильских жителей. Рудановский обоснованно отмечал: «мы, часто обвиняющие правительство, мало думаем еще, что многое дурное поддерживается самим народом, целыми обществами». В письмах врача показаны широко распространенное в Нижнетагильском поселке пьянство, нечистота дворов, «прудов и рек, считаемых и помойными ямами», упорный отказ многих жителей от оспопрививания и другие негативные явления ⁸.

Одним из печальных проявлений народных предрассудков Рудановский считал фельдшеризм. Под ним в то время понималась самостоятельная врачебная практика среднего и младшего медицинского персонала (фельдшеров, лекарственных учеников), которая запрещалась действующим законодательством, но получила широкое распространение. Рудановский определил подобное явление как «профанацию науки и общества», «большое зло во многих местах России». По его мнению, в Нижнетагильском округе «доморощенным фельдшерам», в большинстве не имевшим какого-либо систематического образования, в самостоятельной практике активно потворствовала «партия» местных служителей, связанная с ними родственными интересами. Именно последние, а также некоторые из духовных лиц настойчиво насаждали среди местного населения представления о «посторонних» для заводов дипломированных врачах как людях, определенных правительством для «потрошения трупов» и «свидетельствования женщин» ⁹ (так ими трактовались судебно-медицинские вскрытия тел и помощь в родовспоможении).

Однако Рудановский не указал на другую ключевую причину широкого распространения фельдшеризма: сохранявшийся дефицит врачей в России. К тому же сокращение в Нижнетагильском округе самостоятельной врачебной практики лекарственных учеников было напрямую связано с вынужденной оптимизацией сети его медицинских заведений. Четыре из шести госпиталей хозяйства были преобразованы в приемные покои, где просто не предусматривалось стационарное лечение.

По мнению Рудановского, постепенному росту доверия местного населения к врачам способствовало прекращение практики принудительного помещения в заводские госпитали всех больных, многие из которых традиционно предпочитали лечиться в собственных домах. Он отмечал, что с развитием грамотности «лечение знахарями, за исключением бабок при родах», стало редким явлением в Тагиле. Наоборот, у значительной части населения поселка даже появилась «страсть к лечению и непременно фармацевтическими средствами». При этом особой популярностью пользовались «различные спиртные натирания в болях». После ряда успешных операций, в том числе по удалению катаракты, за медицинской помощью к Рудановскому стали обращаться и старообрядцы, составлявшие значительную часть населения Нижнетагильского округа.

Другим позитивным новшеством, внедренным новым главным врачом в Нижнетагильском округе, стал переход преимущественно на женскую прислугу в госпиталях. Это, кроме экономии средств, способствовало поддержанию чистоты в помещениях ¹⁰.

Существенно хуже было положение с оспопрививанием. После отмены крепостного права в Нижнетагильском округе прекратили платить родителям за прививание оспы их детям. По мнению Рудановского, эта плата «возбуждала особое подозрение» у части населения ¹¹. Но после прекращения материального стимулирования процент привитых новорожденных детей в округе сразу заметно сократился: с 51—57% до 39—45% (по разным заводам) ¹².

В целом деятельность Рудановского способствовал продолжению процессов «медиализации» ¹³ в Нижнетагильском округе. В то же время в условиях значительного сокращения финансирования медицинских заведений после отмены крепостного права позитивные изменения в этой сфере существенно за-

медлились. Началось быстрое свертывание обширной собственной системы заведений социальной инфраструктуры (медицинских, учебных и общественного призрения), созданной в дореформенный период. Это породило многолетние споры сторонников и противников их содержания казной и заводладельцами.

Рудановский придерживался промежуточной позиции по этой дискуссионной проблеме. С одной стороны, он обоснованно указывал, что значительные средства, выделяемые Демидовыми на содержание медицинских и учебных заведений, позволяли «сделать много хорошего для местного населения». В то же время врач отмечал, что чрезмерная «благотворительность заводладельцев» привела к «ослаблению в народе» потребности к постоянному труду. В округе после отмены крепостного права «тысяча просьб запрудила управление о выдаче пенсий и провианта по мнимой, чаще всего, неспособности к труду»¹⁴. Постепенный отказ от системы патерналистских отношений весьма болезненно воспринимался частью местного населения.

«Письма из Тагила» Рудановского являются ценным источником для изучения менталитета горнозаводского населения Урала в переломную эпоху отмены крепостного права. Они позволяют скорректировать некоторые традиционные представления, лучше понять особенности службы врачей в специфических условиях заводских поселков региона. Рудановский в публицистической форме показал многие проблемы, возникшие в медицинской сфере в новых исторических условиях.

Примечания

1. ПРОХОРОВ Е.И. Издание эпистолярного наследия. — Вопросы текстологии. 1964, вып. 3, с. 18.
2. КАЛЕСНИК Е.Ю. Н.С. Лесков в газете «Современная медицина». — Вестник Московского государственного областного университета. 2016, № 3, с. 62—69.
3. РУДАНОВСКИЙ П.В. Письма из Тагила. — Современная медицина. 1863, № 5, с. 82—90.
4. ИЛЬИНСКИЙ И.П. Медико-топографическое описание Нижнетагильского горного округа. — Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 101, оп. 1, д. 578.
5. ПОПУГАЙЛО В.М. Пётр Васильевич Рудановский — главный медик Демидовских заводов. — Советское здравоохранение. 1986. № 3, с. 65—67.
6. Подробнее его биографию см.: КЛАТ С.А., ШКЕРИН В.А. Пётр Васильевич Рудановский. В кн.: Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX — начала XX века. Н. Тагил. 1998, с. 33.
7. В 1969 г. численность жителей Нижнетагильского поселка, вместе с фактически слившимся с ним Выйским, достигала 29 055 человек. См.: Список населенных мест. Пермская губерния. СПб. 1875, с. 73.
8. РУДАНОВСКИЙ П.В. Ук. соч., с. 86—87, 90, 96.
9. Там же, с. 89—90.
10. Там же, с. 87, 91.
11. Там же, с. 90.
12. Подсчитано автором по: ГА СО, ф. 643. оп. 1, д. 1496.
13. Под этим термином, появившимся во Франции в 1970-х гг. и получившим широкое распространение в мире, понимают два процесса: постепенное втягивание все большего числа людей в сеть медицинского обеспечения и «рационализацию поведения» человека по отношению к собственному телу.
14. РУДАНОВСКИЙ П.В. Ук. соч., с. 83.

Дагестанский вектор во внешней политике России в 60-е гг. XVIII в.

М.-П.Б. Абдусаламов, Д.С. Кидирниязов

Аннотация. В публикации на основе анализа и использования разнообразных источников, рассматривается дагестанский вектор кавказской политики России в 60-е гг. XVIII века. Авторы работы с объективных позиций рассматривают меры осуществления кавказской политики России, направленные на недопущение турецко-крымской агрессии в Дагестане. В ходе российско-османского соперничества происходило укрепление пророссийской внешнеполитической ориентации местных правителей, чему способствовала конструктивная политика, проводимая Россией в рассматриваемый период в регионе.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, Дагестан, кумыкские владетели, Порта, Крым, соперничество.

Abstract. In the publication, on the basis of the analysis and use of various sources, the Dagestan vector of the Caucasian policy of Russia in the 60th years of the 18th century is considered. Authors of work from objective positions consider the measures of implementation of the Caucasian policy of Russia directed to prevention of the Turkish and Crimean aggression in Dagestan. During Russian-Ottoman rivalry there is a growth of the pro-Russian foreign policy orientation of local governors that was promoted by the constructive policy pursued by Russia during the considered period in the region.

Key words: Russia, foreign policy, Dagestan, Kumyk possessors, Port, Crimea, rivalry.

С начала 60-х гг. XVIII в. в политике России на Кавказе наступил новый этап. Победоносное завершение войны с Пруссией и дальнейшее ослабление шахского Ирана и султанской Турции, склонившее соотношение сил на Востоке в пользу Российской империи, стимулировали активность восточной политики российского правительства. Главными звеньями этой политики стала черноморская проблема и кавказский вопрос.

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович — кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Кидирниязов Даниял Сайдахмедович* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

Abdusalomov Magomed-Pasha B. — candidate of historical sciences, associate professor at the Dagestan State University of the National Economy. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Kidirmiyazov Daniyal S.* — doctor of historical sciences, professor, leading researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

Меры для упрочения влияния России на Кавказе предпринимались и в предшествующие годы, благодаря чему удалось не допустить османо-крымской экспансии в Дагестане и на Южном Кавказе. Кроме того, можно отметить усилия Петербурга по прекращению междоусобиц в Дагестане и укреплению здесь пророссийской ориентации. В разгоревшихся распрях между костековским князем Алишем Хамзиным и его братом, эндириевским владельцем Темиром Хамзиным, кизлярский комендант стал на сторону А. Хамзина, рекомендуя признать его старшим среди князей Засулакской Кумыкии. В 1757 г. за доброжелательное отношение к России оклад Хамзина повысили со 120 до 300 рублей. Кроме того, для его «охранения» предписывалось отправить из Астрахани в Костек 2 из 10 «имеющихся тамо наличных медных трехфунтовых пушек з дубовыми станками»¹. В 1759 г. Хамзину был пожалован также чин кумыкского воеводы, звание бригадира и оклад в 500 рублей².

Российское правительство, желая расположить к себе местные народы, предоставило им некоторые льготы. Так, указом императрицы от 23 декабря 1760 г. был разрешен провоз через Астрахань и Кизляр различных мануфактурных товаров, вывоз которых в Персию был временно закрыт, что способствовало расширению торгово-экономических связей местного населения с жителями юга России³.

Но обстановка в регионе не благоприятствовала развитию торгово-экономических связей. Так, после смерти тарковского шамхала резко усилились междоусобные столкновения в Дагестане, когда шамхальский титул стали оспаривать буйнакский владелец Муртузали и казанищенский владелец Тишсиз Баммат. Сообщая российскому правительству о начавшихся конфликтах, кизлярский комендант Л.И. Фрауендорф указывал, что на место Хасбулата решено возвести его 15-летнего племянника Магомеда. Но Фрауендорф сомневался в прочности позиций последнего, «поэтому что, ежели кто другой из этой же породы старше его просить будет о восстановлении себя шефкалом... может уничтожца перемена»⁴.

Вскоре кизлярский комендант докладывал в Петербург, что шамхалом объявил себя буйнакский владелец Мехди, но ввиду преклонного возраста передал власть своему сыну Муртузали, которого поддерживали его брат Баммат, акушинские старшины и казикумухский правитель Магомед-хан. Воспользовавшись смутами, новый правитель Кубы Фатали-хан захватил Дербент. Следует отметить, что междоусобицы в Дагестане приняли затяжной характер, вовлекая новых участников. Оспаривая шамхальский титул, против Муртазали выступил Тишсиз Баммат, которому помогали кубинский и дербентский правитель Фатали-хан, кайтагский уцмий Амир Гамза, аварский правитель Магомед-хан, владельцы Засулакской Кумыкии — Алиш и Темир Хамзины⁵.

Пытаясь использовать российские власти в качестве влиятельного союзника в борьбе за верховенство, кумыкские владельцы и подстрекавшие их аварские старшины и чеченские мурзы откликнулись на предложение кизлярского коменданта о принесении присяги новому российскому императору Петру III. В феврале 1762 г. от имени «всего народа» присягу на верность России дали 49 представителей Дагестана и Чечни: из Аксая — 5, Эндирея — 4, Чечни — 5, Брагуна — 2, Костека — 1, Герменчука — 1, Анди — 1⁶.

В конце этого же года буйнакский владелец Тишсиз Баммат переселился в Эндирей и также обратился в Кизляр, к коменданту А.А. Ступишину с просьбой о принятии в подданство России. Заверив Тишсиз Баммата в расположении к нему, Ступишин вместе с тем потребовал, чтобы он не враждовал с шамхалом Муртузали. Тем не менее в начале следующего, 1763 г., Тишсиз Баммат возобновил борьбу за шамхальский титул, но летом того же года титул вновь перешел к Муртузали, стороннику России⁷. Надеясь стабилизировать

обстановку, Коллегия иностранных дел предписала кизлярскому коменданту Ступишину: «Впредь стараться кумыцких владельцев, сколько возможно, воздерживать, чтобы они явного отмщения за изгнание его (Тишсиза Баммата. — *М.-П.А., Д.К.*) и военного со своей стороны на его жилища и владения наступления не делали»⁸.

Междоусобная борьба в Дагестане осложняла отношения России с Портой и Крымом. Следует отметить, что каждая сторона имела свои интересы в регионе. Ссылаясь на донесения аксаевских и казикумухских владельцев, весной 1762 г. кизлярский комендант сообщил в Петербург, что к владельцам Дагестана поступило послание турецкого султана Мустафы III с извещением «о несогласии... между Россиею и Портою Оттоманскою» и внушением, чтобы «весь дагестанский народ по однозаконству... никакова вспоможения России не делал»⁹.

Российско-османское соперничество в регионе заметно обострилось после свержения Петра III и воцарения на престол Екатерины II. Это вызвало недовольство Порты, активно подогреваемое Францией, Данией и Пруссией¹⁰.

Для усиления пророссийской ориентации среди северокавказских народов использовались переселения горцев на равнинные земли. Так, вернувшийся из поездки в Эндирей и Аксай ротмистр Р.М. Макаров 26 июля 1762 г. доложил в Кизляре, что подданные эндиреевского владельца Муртузали, чеченцы-карабулаки, населявшие 9 сел, «желание к переселению на чистые места и быть под защитением российским возымели»¹¹.

Во избежание недовольства владельцев Засулакской Кумыкии этим переселением в августе 1762 г. императрица Екатерина II повелела сообщить, что объявляется «бригадиру кумыцкому владельцу Алишу Хамзину и протчим владельцам, андреевским, аксайским, брагунским, чеченским... и их узденям и всем нашим подданным кумыцким и другим горским народам наша императорская милость»¹².

В условиях усилившегося соперничества с Портой Россия не забывала и о Персии. Информацию о положении в Иране должны были собирать не только российские консулы, находившиеся в разных городах страны, но и все лица, направляемые по служебным командировкам или для «разведывания» в районы Северо-Восточного Кавказа. Так, в марте 1763 г. ротмистр И. Мещеряков сообщил, что ездившие для продажи коней в Муганскую степь эндиреевские жители видели там персидского правителя Керим-хана Зенда «с немалым войском»¹³. По словам эндиреевских жителей, Керим-хан вступил в переговоры с Фатали-ханом, правителем дербентским и кубинским, дабы последний «его к себе ожидал и город бы Дербент возвратил, и он бы совсем был в его протекции». Фатали-хан с готовностью отозвался на призыв персов, отправив к иранскому правителю курьера с ценными подарками и волеизъявлением, что «город Дербент без всякого уступает, да и сам он ему во всем быть послушным желает»¹⁴.

Вскоре для подтверждения этих секретных данных, кизлярским комендантом в Кубу был отправлен майор М. Ваганов, которому дано было поручение выяснить, нет ли у персов намерения «ныняшнего лета быть на Кубу, Дербент, Тарки, с какою силою и с какими точно орудиями... не имеет ли какого намерения к здешним границам»¹⁵. Озабоченность российского правительства подкреплялась также тем, что с начала 60-х гг. XVIII в. усилилось присутствие султанских агентов на Южном Кавказе и в Дагестане. Пользуясь ослаблением Персии, турецкий султан стремился захватить не только Прикаспийскую область Кавказа, но и Засулакскую Кумыкию, находившуюся под покровительством России.

В связи с агрессивными планами Порты и Крыма, российское правительство вынуждено было принять меры по укреплению границ и усилению обороноспособности Моздока. В 1763 г. для отражения набегов с кубанской стороны

были учреждены две воинские заставы: одна — по реке Кума, в урочище Ангетейф, напротив Кизляра, другая — в 150 верстах от Колпичьего озера ¹⁶. В октябре 1764 г., по ходатайству кизлярского коменданта Н.А. Потапова, Военная коллегия предписывала астраханскому губернатору Н.А. Бекетову отправить для усиления Моздока три эскадрона, а самому кизлярскому коменданту — перебросить туда же 1 тыс. казаков из Кизляра в случае угрозы нападения на Моздок со стороны Кубани ¹⁷.

Создание Моздокско-Кизлярской пограничной линии вплотную приблизило границу России к территории расселения народов Северо-Восточного Кавказа ¹⁸. Тем самым были резко ограничены возможности османов и крымцев влиять на народы региона.

В связи с активизацией происков крымского хана в регионе в апреле 1765 г. Екатерина II повелела: «В подкрепление кизлярской открытой стороны прибавить легкого войска, для чего... командировать в Кизляр из волжских стоящих на Дубовке казаков вооруженных и доброконных пятьсот человек с их старшинами немедленно» ¹⁹. В апреле того же года из Астрахани в Моздок была отправлена воинская команда с майором Г. Петричиным ²⁰. Спустя 2 месяца вице-президент Военной коллегии З.Г. Чернышёв предписал астраханскому губернатору срочно отправить в Кизляр «к прежде наряженным пятистам еще двух тысяч донских казаков» ²¹. Если прежние 500 казаков еще не отправлены в Кизляр, гласил новый указ Екатерины II, то «непременное и весьма поспешное всемерно чрез двадцать четыре часа по получении онаго исполнение учинить» ²².

Предпринятые меры российского правительства оказались очень своевременными. 18 июня 1765 г. кизлярский комендант отправил донесение в Астрахань о том, что кубанский мурза Сокур Хаджи намерен напасть на Моздок и Кизляр. Действительно, в конце июня более 4 тыс. крымцев, кубанцев и кубанских адыгов под предводительством Арслан-бека Сокур Хаджи и ногайского мурзы Кашкабала внезапно напали на станицы гребенских казаков, дошли до Кизляра, пытались осаждать город, но были отбиты и понесли большие потери ²³.

Российское правительство с крайним неудовольствием приняло сообщение о нападении на Кизляр. 2 сентября 1765 г. Коллегия иностранных дел России предписала Обрескову и Левашову заявить решительный протест Османской империи. Судя по документу, присланному в Порту, российские министры считали, что если не остановить решительными мерами посягательства кубанских мурз на российские владения, то они будут совершать набеги «и под самую Астрахань, и на Волгу и стараться увести и оттуда равномерно тамошних наших древних юртовских татар (астраханских ногайцев. — *М.-П.А., Д.К.*)» ²⁴.

Российское правительство вынуждено было принять срочные меры для усиления г. Кизляра и края в целом. На территорию от Моздока до станицы Червленной было переселено 517 семей из Волжского казачьего войска ²⁵. Принявшим крещение и переехавшим в пределы Кизлярско-Моздокской линии горцам было решено выплачивать из казны от 5 до 11 рублей ²⁶.

Меры российского правительства по укреплению безопасности Кизляра и Моздока были вскоре замечены агентами Крыма. В мае 1766 г. крымский хан Селим-Гирей отправил сообщение в Порту о том, что посланные им разведчики обнаружили в Моздоке 40 пушек, и якобы уже при них подвезли еще 40. По мнению крымского хана, доставка военного снаряжения доказывала намерение Петербурга, «укрепя тамошние места и запаса военными потребностями, привести под свое владение всех горских народов», живущих между Терекком и Дагестаном ²⁷.

Вскоре крымский хан Селим-Гирей был сочтен Портой недостаточно твердым для проведения «нового» курса, и вместо него на крымский престол всту-

пил Масуд-Гирей. Последний начал с того, что пошел на тесное сближение с Францией, решительно отвергнув прежнее соглашение о российском консульстве в Крымском ханстве. Российские дипломаты усмотрели в этом «устремленные хитрости и коварства», которые были направлены на то, чтобы «привести две империи в остуду и явную войну»²⁸.

Франция, Швеция и некоторые другие западноевропейские державы не скрывали желаний, чтобы Порта немедленно объявила войну России. Они преднамеренно возбуждали антироссийские настроения османов, распространяя слухи о намерении России напасть на Османскую империю, Польшу и Крымское ханство²⁹. Французский посол Вержен внушал султанским министрам необходимость вмешаться в польские дела, чтобы не допустить господства России в Европе. Из Стокгольма также сообщали, что посланники Версаля настраивают королевский двор против России, подкупая «государственные чины». Французскому поверенному в делах в Данциге Жерару была дана инструкция: «В настоящих обстоятельствах самый главный предмет — это делать всевозможное зло русским, не стесняясь каким-нибудь временным неудобством, могущим от этого произойти»³⁰. По мере успехов российской политики в Польше в лагерь противников Петербурга перешел Венский двор. Разрыв с Австрией вынудил Россию пойти на сближение с Пруссией, выступавшей за раздел Речи Посполитой. В противовес Версалю Лондон поддерживал Петербург, но это не сгладило англо-российские противоречия на Востоке.

Угроза надвигавшейся российско-османской войны заставила российские власти пойти на укрепление отношений с поддерживавшими их северокавказскими владетелями, в том числе и дагестанскими³¹.

Таким образом, Дагестан в 60-е гг. XVIII столетия занимал особое место во внешней политике России в силу своего стратегического положения. В конкретных исторических условиях того времени проблема самостоятельного существования и свободного развития народов Дагестана не могла быть решена без избавления от постоянных претензий на владычество сопредельных государств — Персии и Порты. Эту задачу народы Дагестана вряд ли могли решить собственными силами. Единственным союзником им представлялась Россия, обладавшая достаточной военной мощью и политическим авторитетом.

Поэтому откровенно насильственной и экспансионистской политике, осуществляемой шахским Ираном и султанской Турцией, население Дагестана предпочло курс российского правительства, который, особенно со второй половины XVIII в., представлялся более конструктивным.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 379, оп. 1, д. 409, л. 43.
2. Там же, л. 45.
3. СМЕРНОВ Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М. 1958, с. 85—86.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 20, оп. 1/47, ед. хр. 1664, л. 1071об.
5. БАКИХАНОВ А.-К. Гюлистан и Ирам. Баку. 1991, с. 139.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Кумыцкие и Тарковские дела, оп. 121, 1761 г., д. 1, л. 1.
7. Там же, л. 1.
8. Там же, 1762—1763 гг., кн. 1, д. 1, л. 11.
9. Там же, ф. Сношения России с Персией, оп. 77, 1762 г., д. 4, л. 19.
10. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89, 1763 г., д. 323, л. 22об.
11. ЦГА РД, ф. 379, оп. 1, д. 524, л. 30, 32об.—33.

12. Там же, д. 520, л. 71.
13. Там же, д. 546, л. 80об.
14. Там же, л. 81—82.
15. АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и его взаимоотношения с Россией. Баку. 1965, с. 497.
16. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб. 1869, ч. 2, с. 4.
17. РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, ед. хр. 743, ч. 2, л. 32об., 131об.
18. КИНЯПИНА Н.С., БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М. 1984, с. 23.
19. РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, ед. хр., 743, ч. 1, л. 36.
20. Там же, л. 13.
21. Там же, л. 58.
22. Там же, л. 90.
23. БУТКОВ П.Г. Ук. соч., ч. 2, с. 11.
24. АВП РИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89, 1765 г., д. 377, л. 43, 46.
25. Там же, ф. Кизлярские и Моздокские дела, оп. 118, 1768—1772 гг., д. 1, л. 270.
26. Там же, 1762—1783 гг., д. 1, л. 8, 13об.
27. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. б/н, 1768 г., д. 396, л. 56об.
28. Там же, 1767 г., д. 163, л. 27об.
29. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965, с. 138—139.
30. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен М. 1995, кн. 14, т. 28, с. 345.
31. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала. 2009, с. 96—97.

Российская диаспора в Словении после 1990-х гг.: этнокультурный аспект

М.М. Керимова

Аннотация. Данная работа представляет собой комплексный анализ этнокультурной жизни российской иммиграции в Республике Словения, начиная с 1990-х годов. Весьма важную роль в сохранении этнической идентичности играют русский язык и религиозная идентификация. Интеграции в общество страны проживания способствует деятельность различных организаций российских соотечественников и словенские волонтерские общества, оказывающие реальную поддержку россиянам (материальную помощь — помощь в трудоустройстве, получении вида на жительство, обучении словенскому языку и т.п.). Публикация построена на немногочисленных словенских научных статьях по обозначенной теме, данных личных опросов и периодической печати.

Ключевые слова: Словения, российская иммиграция, русский язык, религиозная идентичность, гражданский статус, общественные и культурные организации русского зарубежья.

Abstract. This work presents a comprehensive analysis of the ethno-cultural life of the Russian immigration in the Republic of Slovenia since 1990 until today. A very important role in the preservation of ethnic identity played Russian language and religious identity. Integration in the country of residence society promotes the activities of various organizations of Russian compatriots and Slovenian volunteer organizations that provide real support to the Russians (material assistance, employment assistance, obtaining permit and permanent residence, learning Slovenian language, etc.). It uses a few Slovenian scientific articles on the subject indicated, these personal interviews and the press.

Key words: Slovenia, the Russian immigration, the Russian language, religious identity, civil state. social and cultural organizations of the Russian diaspora.

Проблема историко-культурного присутствия россиян в зарубежных славянских странах после Октябрьской революции достаточно хорошо изучена как в историографии этих стран, так и в российской науке. Что же касается темы российской иммиграции в Словению, то она пока не получила должного освещения ни в словенской ¹, ни в русскоязычной ² научной литературе. Между тем

Керимова Мария Мустафаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: mkerimova@yandex.ru.

Kerimova Mariyam M. — doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS. E-mail: mkerimova@yandex.ru.

данный аспект представляет несомненный интерес при исследовании этнокультурных процессов русского зарубежья.

История русско-словенских контактов уходит корнями в далекое прошлое, когда уроженец современной Словении С. Герберштейн, посетив Россию, оставил свои знаменитые «Записки о Московии» (1549 г.). Присутствие русской армии А.В. Суворова в словенских землях во время Наполеоновских войн, чувства славянского единения, охватившие местное общество в период господства Габсбургской монархии привлекли внимание российского общества к этому региону. Интенсивность русско-словенских контактов возросла в последней четверти XVIII в., вызвав интерес российских ученых к изучению словенского языка и культуры³. В свою очередь, в глазах словенской интеллигенции Россия XIX столетия олицетворяла собой самую могущественную славянскую державу. Симпатии русского общества к братскому народу впоследствии нередко влияли на выбор страны для эмиграции.

Когда волна беженцев устремились в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), спасаясь от революции и гражданской войны, там уже находились несколько тысяч выходцев из России. Это были военнопленные с Галицийского фронта 1914—1918 гг., солдаты с Салоникского фронта 1917—1918 гг., а также одиночки, покинувшие Россию после 1914 года. В период после второй мировой войны в Словении проживали российские консультанты, работавшие в рамках сотрудничества СССР и Югославии до конфликта 1948—1953 года. Это были, в основном, специалисты в области гражданской и военной авиации (JUST и JUSPAD)⁴. Кроме того здесь проживали интернированные лица, оставшиеся в Югославии после освобождения из фашистских концлагерей.

Точных данных о количестве поселившихся в Словении российских беженцев нет. Численность русской диаспоры в Словении на 31 января 1921 г. составляла 1630 человек. Иммигранты из России проживали в Любляне (600 чел.), Птуе, Камнике, Целье, Мариборе, Радовлице, Кршко, Брезице, Коннице и Логатце. В период с 1922 по 1924 г. их численность увеличилась, в частности, за счет офицеров и солдат Крымского и Донского кадетских корпусов и кубанских казаков. Во время переписи 1931 г. 1352 чел. заявили, что их родным языком является русский. В 1948 г. таких было 796 чел.⁵, в 1953 г. — 593, в 1961 — 295, в 1971 — 302, в 1981 — 194, в 1991 — 170 человек⁶. В Словении действовало множество различных союзов русской эмиграции, которые стали своего рода символом этнической и культурной идентичности и единения русских за рубежом.

Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы представить комплексный анализ этнокультурной жизни российской диаспоры в Словении начиная с 1990-х годов⁷. В работе использованы немногочисленные словенские научные статьи по обозначенной теме, данные опросов и периодической печати.

Основной прилив мигрантов из России и стран СНГ начался после распада СССР и Югославии⁸. На 2015 г., по официальным данным Министерства иностранных дел Словении, в стране проживало 566 русских, имевших постоянное место жительства (ПМЖ), временный вид на жительство (ВНЖ) имели 1919 человек. По неофициальным данным, в настоящее время число русскоговорящих в Словении достигает 10 тыс., а всего количество иностранцев составляет 100 тыс. чел., то есть иностранцем является каждый двадцатый житель страны.

Россиянам, приезжающим на работу в Словению, временный вид на жительство предоставляется на 1 год. Затем он продлевается в обычном порядке⁹. Получить статус ПМЖ в Словении можно, прожив в пределах ее территории 10 лет, из которых пять — в статусе временного резидента. Однако важно учитывать, что исчисление данного периода прерывается, если человек покинет территорию страны больше, чем на шесть месяцев подряд, или на девять месяцев суммарно в течение всего пятилетнего срока. После 5 лет непрерывного пре-

бывания в Словении иммигрант имеет право на постоянное место жительства, а после 10 лет — на гражданство Республики Словения. Наиболее ценным специалистам разрешение на постоянное проживание может быть выдано сразу на 3 года.

Что касается русских женщин, заключивших брак с гражданами Словении, то им выдается сначала разрешение на двухлетнее временное пребывание, затем на постоянное еще на год, а впоследствии они могут претендовать на получение гражданства Словении при условии отказа от гражданства РФ¹⁰. Второе словенское гражданство может быть предоставлено (в виде исключения) видным деятелям культуры, спортсменам и т.п. Дети, рожденные в смешанном браке, автоматически считаются гражданами Словении.

Временный вид на жительство можно получить (как это часто делают россияне) в результате регистрации фирмы в Словении, путем долгосрочной аренды жилья или трудоустройства. К программам адаптации мигрантов, получивших ВНЖ, относится обучение словенскому языку: максимально они могут рассчитывать на 180 час. бесплатных уроков. Занятия проводятся в специальной школе для взрослых Цене Штупар в Любляне. Экзамен по словенскому языку должны сдать все, кто хочет получить работу или гражданство Республики Словения.

Среди причин иммиграции в Словению, достаточных для предоставления ВНЖ, чаще всего указываются: трудоустройство; воссоединение семьи; получение образования, повышение профессиональной квалификации, участие в программах международных обменов; причины, узаконенные международными актами, принципами, традициями (например, получение словенской пенсии, владение недвижимостью, стационарное лечение, опекунов, получение денежной компенсации); словенское происхождение до третьего поколения по прямой линии¹¹.

Среди россиян преобладает брачная миграция (в основном русские женщины, вышедшие замуж за граждан Словении), бизнес-иммиграция (граждане РФ, открывшие фирмы в Словении или работающие по контракту)¹², на третьем месте — студенты и аспиранты, обучающиеся в ВУЗах Словении. Есть еще 3 небольшие категории мигрантов: потомки эмигрантов первой волны, российские пенсионеры, купившие квартиры в Словенском Приморье, а также сезонные иммигранты (официанты в ресторанах, уборщики в отелях, работники на предприятиях малого бизнеса). Большинство россиян, приехавших в страну с целью трудоустройства, объясняет свой поступок потерей работы на родине, нерегулярной выплатой зарплаты, плохой экономической ситуацией в стране и семье (родственники не могли или отказывались помочь в тяжелой материальной ситуации). Некоторые рассматривают Словению как трамплин для последующего перемещения в другие страны Европы и т.п.

Словенцы — очень доброжелательный и весьма политкорректный народ. Иммигрантов они не считают людьми второго сорта и никогда не выказывают к ним отрицательного отношения. Старшее поколение словенцев прекрасно знакомо с русской культурой. Посол РФ в Словении (с 2004 по 2006 г.) В.И. Долгов в своей книге «Словения глазами русского» (Любляна, 2009) задается вопросом: «Почему все-таки в Словении так по-доброму относятся к России? Ответ, — пишет он, —... кроется прежде всего в славянском начале страны и ее народа, в ощущении словенцами себя частью большого славянского мира... Словения может при определенных обстоятельствах позиционировать себя в качестве своего рода духовного славянского союзника России»¹³. Несмотря на конфессиональные различия, практически все словенцы и русские отмечают культурное сходство двух народов.

По данным проведенных опросов, большинство россиян, приезжающих в Словению, хочет здесь остаться. Возвращение на родину, как правило, не обсуждается. Объясняют это хорошим географическим положением этой маленькой, спокойной горной и морской страны, достаточно высоким жизненным

уровнем, доброжелательностью местных жителей, близостью языков, менталитета и т.п.

Если круг общения для женщин, вступивших в брак со словенцами в течение 1—2 лет, составляют, в подавляющем большинстве, выходцы из РФ и стран СНГ, и лишь по истечении этого срока начинают появляться друзья из числа словенцев, то российские гомогенные семьи в Словении общаются в подавляющем большинстве с россиянами и, в меньшей степени, со словенцами. Из опроса, проведенного автором среди россиян, явствует, что по истечении примерно 10 лет все они оценивают степень своей адаптации на 80—90%. Они в основном свободно говорят по-словенски, но при этом русский язык считают родным; дети в смешанных браках обычно хорошо знают два языка.

Средний возраст россиян, приезжающих на жительство в Словению, колеблется в пределах от 20 до 40 лет. Интервьюирования показали, что россияне успешно интегрированы в общество страны проживания, причем женщины адаптируются быстрее, чем мужчины¹⁴.

Символом этнической идентичности россиян за рубежом всегда было сохранение православных традиций¹⁵ и русского языка. В центре Любляны расположена сербская церковь Кирилла и Мефодия, построенная в 1936 г. и освещенная в 1990-е годы. Сюда на сербскую службу приходят православные прихожане из России. С мая 2015 г. один раз в месяц из ближайшего к Любляне Крестовоздвиженского прихода Русской Православной Церкви в г. Удино (Италия), существующего уже 7 лет, приезжает священник — отец Виталий, который проводит литургию специально для россиян. Православный приход в Удино поддерживается Московским патриархатом и курируется штатным священником. Русскоязычные православные посещают также сербские церкви в Копере, Кране и Мариборе. На службе обычно присутствует около 50 человек. Средний возраст прихожан — от 35 лет. Русские богородичные праздники в сербской церкви не служат, но все остальные праздники и обряды совпадают с сербскими и отмечаются в этой церкви совместно (Успенье, Рождество, Пасха). Россияне приходят на исповедь, проходящую во время службы, к сербскому священнику. Совсем недавно москвичи Максим и Нататалья Корнеевы основали и официально зарегистрировали (как общественную организацию) Общество русской православной культуры в Словении. В рамках этого общества русские художники устраивают занятия по иконописи для словенцев, работает воскресная православная школа, собираются книги для православной библиотеки.

В настоящее время преподавание русского языка в Словении осуществляется Российским центром науки и культуры в Любляне, фондом «Русский мир» с представительством в Словении, Обществом дружбы «Словения — Россия», клубом соотечественников «Русло», Обществом межкультурного диалога «Самовар». По состоянию на 2004 г. в Словении русским языком владели около пяти тысяч жителей¹⁶. Крупнейшим центром по изучению русского языка является Люблянский университет, готовящий специалистов-русистов (как лингвистов, так и литературоведов) на весьма высоком профессиональном уровне. На курсах, организованных на двух факультетах университета, русский язык в течение года изучают более двухсот человек¹⁷.

Кроме того, русский язык преподается в 11 гимназиях и 6 средних школах страны, организуются студенческие и школьные лингвистические обмены. В рамках Общества дружбы «Словения — Россия» создан и активно работает Фонд содействия и поддержки изучения русского языка. Первая русская школа в Словении была создана в мае 2006 г., когда у группы родителей возникла потребность объединить усилия в сохранении русского языка и культуры у детей, привезенных в страну в юном возрасте или уже родившихся в Словении в русскоязычных или смешанных семьях.

Большой вклад в обучение русскому языку в Словении внесла лингвист из Тобольска Юлия Месарич, благодаря которой школа дополнительного образования «Веселые ребята» в настоящее время успешно развивается. Русская школа в Любляне — член Международной ассоциации преподавания русского языка и литературы — на протяжении 10 лет помогает тысячам русскоязычных иммигрантов сохранить связь с исторической родиной и найти свой круг общения. Десятки русскоязычных детей вместе с родителями, а позднее и сотни словенских школьников смогли познакомиться с уникальным памятником — русской часовней на перевале Вршич. Школа организует дополнительные уроки родного языка и культуры в Любляне, Кране, Новом месте, Копре, Радовлице, Жальце и других словенских городах.

Многие школьные культурно-образовательные проекты стали реальностью, в первую очередь, благодаря Фонду поддержки и развития русского языка в словенских школах им. Тоне Павчка, который был основан Обществом «Словения — Россия» совместно с Посольством РФ и Министерством образования Словении. Организатор и директор первой русской школы Юлия Месарич в 2013 г. была удостоена высокой награды РФ — медали Пушкина за заслуги в области культуры, просвещения, гуманитарных наук, литературы и искусства, а также за выдающийся вклад в изучение и сохранение культурного наследия, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей.

Общество дружбы «Словения — Россия» возникло в 1996 году. Тогда оно насчитывало 400 членов, а сейчас уже около тысячи. Одна из основных его миссий — забота о русской часовне на Вршиче и проведение культурных мероприятий. Общество издает свой бюллетень. В 1994 г. несколько представителей словенской интеллигенции разработали основные положения организации общества, а в январе 1996 г. группа из 11 граждан Словении, в соответствии с законом об обществах в республике Словения, подписала документ о регистрации Общества «Словения — Россия». По сей день первый посол Республики Словения в РФ Саша Гержина, имеющий русские корни, является бессменным председателем Общества, которое работает в тесном контакте с Посольством РФ в Словении.

Общество регулярно проводит Дни русской культуры и кино, «круглые столы» по двусторонней и международной проблематике, вечера, посвященные творчеству российских поэтов, писателей, ученых. Эти мероприятия проходят как в Словении, так и в России. Например, «День русской культуры в Словении» в 1996 г. был посвящен 175-ой годовщине со дня рождения Ф.М. Достоевского, а «Дни словенской культуры» в Москве организованы в честь словенского поэта Франце Прешерна. В 2000 г. состоялся международный симпозиум, посвященный Чехову и Прешерну. Общество организывает экскурсии в Москву и Санкт-Петербург, по золотому кольцу России, по Волге; поддерживает связи с МГУ (в частности с кафедрой славянской филологии), мехматом, Институтом славяноведения РАН, с РГБ, Иностранным отделом патриархата, Министерством культуры РФ и многими другими культурными и общественными организациями. Общество дружбы имеет свои филиалы и секции в Мариборе, Новой Горице, Крке, объединяет в своих рядах видных представителей словенской интеллигенции, известных политиков, крупных бизнесменов, работников культуры, науки и образования, соотечественников, проживающих в разных городах страны. Оно является продолжателем традиций Русской Матицы в Словении, основной сферой деятельности которой, как уже отмечалось, было содержание Русской православной часовни на горе Вршич (в регионе Краньска Гора, в центре Восточных Юлийских Альп). Здесь во время первой мировой войны под сходом снежной лавины было погребено свыше 300 русских военнопленных, строивших дорогу. В 1930 г. Русская Матица приобрела в собственность земельный участок, на котором находилась часовня, таким образом,

обеспечив охрану чрезвычайно ценного, с национальной и религиозной точек зрения, памятника.

Каждый год в конце июля Матица устраивала здесь торжественное богослужение, на которое собирались практически все русские эмигранты. И сегодня эта традиция не прерывается. 22 июля у русской часовни на Вршиче происходит торжественный молебен. В 2005 г. часовня была отреставрирована (фактически перестроена), вокруг нее создан мемориальный парк. На это были выделены деньги министерствами культуры Словении и РФ. К 100-летней годовщине событий на перевале Вршич было приурочено открытие в Любляне памятника русским солдатам и офицерам, павшим в Словении в годы первой и второй мировых войн. Авторами памятника «Журавли» стали московские скульпторы и архитекторы.

В апреле 2011 г. состоялось торжественное открытие Российского центра науки и культуры в Любляне (РЦНК). Здесь проводятся занятия по русскому языку, живописи, балету, созданы музыкальные ансамбли «Рулада», «Талисма», устраиваются фото и художественные выставки, просмотры новых российских фильмов, олимпиады по русскому языку¹⁸. При РЦНК действует библиотека, книжный фонд которой насчитывает более 6 тыс. книг.

Уже 10 лет существует Международный клуб славянских соотечественников «Русло». Все это время наиболее приоритетным направлением в работе этой организации была поддержка русскоговорящей диаспоры, людей, переехавших в Словению на жительство из стран бывшего СССР. В 2011 г. в Любляне состоялся I Международный молодежный форум «Молодежь диаспоры — опора современной России», организованный клубом «Русло». Фонд назначил годовую стипендию российским студентам, обучающимся в словенских ВУЗах (от 1500 до 2400 евро). Предпочтение отдается медикам и юристам.

Центр Фонда «Русский мир», расположенный во втором по величине городе Словении Мариборе, был основан бывшим консулом России в Словении И.Д. Романовым в 2011 году. Основная миссия центра — приблизить русский язык и культуру к людям, которым это интересно. За годы существования центра в него обратилось несколько словенских организаций с просьбой обучать их сотрудников русскому языку. При Центре действует воскресная школа, которую посещают дети из смешанных, а также русских семей. Первым мероприятием Центра было интерактивное представление Алтайского края, вызвавшее большой интерес и показавшее, что словенцы интересуются нашей страной и ее богатой культурой.

В Мариборе сохранились два кладбища, где покоятся останки русских солдат и офицеров, участников двух мировых войн, и руины замка Вурберк, в котором в 1920-е—1930-е гг. находился санаторий Русского Красного Креста.

Общество межкультурного диалога «Самовар» является добровольной, культурно-просветительской некоммерческой общественной организацией. Одна из главных задач организации — активное содействие социально-культурной адаптации соотечественников в словенском обществе.

Помощь иммигрантам из России и других стран в Словении оказывает государственная благотворительная организация «Словенская филантропия», существующая с 1992 года. Волонтеры из этой организации с помощью различных проектов помогают иммигрантам в трудоустройстве, обучении словенскому языку, предоставляют финансовую поддержку. Кроме того, существует самоорганизованная группа мигрантов «Социальный центр ROG» (создан в 2006 г.), целью которого является оказание небольшой денежной помощи мигрантам и беженцам, содействие в адаптации в словенском обществе.

Русский язык, религиозная идентификация и деятельность различных организаций русских соотечественников в Словении оказывают реальную поддержку россиянам, играют весьма важную роль в их адаптации. В таком ракурсе

этот вопрос ранее не освещался, хотя жизнь российского сообщества в Словении заслуживает пристального изучения и является весьма актуальной темой в свете упрочивающегося и интенсивно развивающегося сотрудничества между двумя дружескими странами.

Примечания

- Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-01-00459: «Страны Европы в контексте глобальных миграций конца XX — начала XXI в.: этнокультурный аспект».
1. В Словенской научной литературе имеются весьма немногочисленные публикации на эту тему. См.: PULKO R. Ruska emigracija na slovenskem 1921—1941. Logatec. 2004; EJUSD. Taborišče ruskih beguncev v Slnišču. In: Sbornik občine Kidričevo. Kidričevo. 2010; БРГЛЕЗ А., СЕЛЯК М. Россия в Словении. Русские профессора люблянского университета в период с 1920—1945 г. Любляна. 2003.
 2. О «русском следе» в истории словенского драматического театра, о деятелях оперы и балета см.: КОСИК В.И. Русские краски на балканской палитре. М. 2010; ВАГАПОВА Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб. 2007. См. также: СОЗИНА Ю.А. Образ русских эмигрантов в словенской прозе. В кн.: Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М. 2014, с. 449—464; Rusi v Sloveniji: Surova stvarnost in navdihujča kultura. — Monitorish. Revija za humanistične in družbene vede. Ljubljana. 2016, № 272.
 3. О русско-словенских научных контактах в конце XVIII—XIX столетии см.: ЧУРКИНА И.В. Русские и словенцы. М. 1986.
 4. Об этом периоде российской иммиграции имеются крайне фрагментарные сведения. См., например: BRVAR M. Ruska skupnost v Sloveniji. Diplomsko delo. Ljubljana. 2014, s. 24.
 5. По другим данным, в 1938 г. в Любляне проживало 293 русских, в Мариборе — 94; в 1941 г. во всей Словении находилось всего 588 «эмигрантов из царской России» (включая и тех, кто принял югославское гражданство), а в 1955 г. — 489 (447 из них имели югославское гражданство). См.: АРСЕНЬЕВ А. Две книги о русской эмиграции в Югославии: СТЕРЖОВСКИ А. Битола — руската колонија. Битола. 2003; PULKO R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921—1941. Logatec. 2004. См. также: BRVAR M. Op. cit., s. 37.
 6. VIDMAR A. Rusi v Sloveniji v zadnjem desetletju. Diplomaska naloga. Ljubljana, maj 2000, s. 10.
 7. Жизнь россиян в Словении в период титовской Югославии практически не освещена ни в словенской, ни в российской историографии. Для этого периода характерно нахождение в стране незначительного количества русских военных и политических специалистов и крайне низкий процент брачной миграции (русские женщины, вышедшие замуж за словенцев).
 8. 25 июня 1991 г. Словения стала самостоятельным государством, 1 мая 2004 г. вступила в Европейский союз.
 9. <http://visasam.ru/emigration/europe-emigration/kak-poluchit-grazhdanstvo-slovenii.html>.
 10. CUKUT S. Hotela sam samo videti svet okoli sebe. Ženske iz Rusije i Ukrajine v Sloveniji. In: Krila migracij: po meri življenskih zgodb. Ljubljana. 2009, S. 193—215. В статье подробно (на основании интервью с русскими и украинскими женщинами) анализируются причины иммиграции в Словению.
 11. Vključevanje v slovensko družbo. — Ministarstvo za notranje zadeve. Ljubljana, september 2009, s. 9—26.
 12. В эту категорию входят деятели культуры: оперные певцы, артисты балета, художники, а также спортсмены, тренеры и т.п.
 13. DOLGOV V. Slovenija v ruskih očeh. Ljubljana. 2009.
 14. RADAKOVIČ M. Ruskogovorece prebivalstvo v Sloveniji. Celje, marec. 2008, s. 21—35.
 15. По данным опроса, большинство россиян, проживающих в Словении — атеисты.
 16. Справочник российского соотечественника. М. 2006, с.124.
 17. НАУМОВ А. Русская община в Словении. <http://russkiimir.ru.publications/85015>.
 18. Об РЦНК см. также: КИРИЛИНА Л.А. Центр науки и культуры в Любляне. — Вестник Европы. 2013, с. 37.

Феномен периферийности в советской историографии

С.Б. Крих

Аннотация. Работа посвящена феномену периферии в исторической науке в советское время. Автор дает определение главных понятий: «мейнстрим» (ядро) и «периферия» в науке, рассматривает степень уникальности советской исторической традиции; предлагает набор параметров для классификации «периферийных» историков: внешние и внутренние. Автор подчеркивает значение периферии для советской историографии: она служила источником новых идей, но не стала основой для фундаментального обновления исторической науки.

Ключевые слова: периферия и мейнстрим в науке, советская историография.

Abstract. The work deals with the problem of periphery in historical science in Soviet period. Author gives definitions to the main terms: mainstream (core) and periphery in science and discuss the uniqueness of the Soviet historical tradition. It had some specific features, including lower autonomy of science in Soviet society and very close ties with political regime. Second, author proposes a set of parameters for classification of the "peripheral" historians: external and internal. Author emphasizes the importance of the periphery for the Soviet historiography: it served as a source of new ideas, but could not be the basis for a fundamental renovation of historical science.

Key words: periphery and mainstream in science, Soviet historiography.

Для советской историографии, в силу очевидных особенностей ее формирования и функционирования, было очень важно соответствие уже установленным базовым истинам («законам») марксистско-ленинской доктрины. Именно наличие общей, доказанной на практике и разделяемой всеми советскими учеными теоретической основы воспринималось в качестве важнейшего отличия советской историографии от той, что обобщенно именовалась «буржуазной». На уровне иллюстрации и углубления этой основы допускался (и даже требовался) научный поиск, предполагалась возможность расхождения во взглядах и дискуссий между советскими учеными. Однако в смысле конкретной реализации этого внешне непротиворечивого допущения наблюдались уже существенные трудности: постоянное изменение конъюнктуры, реальная опасность быть наказанным за «идеологические ошибки» воспитали в среде советских ученых склонность к осторожному обращению с теорией, виртуозное умение скрывать свои позиции за цитатами из «классиков марксизма-ленинизма» и, как следствие, кон-

Крих Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: krikh@rambler.ru.

Krikh Sergey B. — PhD (History), professor of the Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky. E-mail: krikh@rambler.ru.

серватизм в терминологии и методологии. Все это по сути входило в обязательные навыки, которые в той или иной степени приобретал каждый, кто постигал «ремесло историка» в советских условиях.

Данная публикация посвящена тем случаям, когда исследователь не в полной мере соответствовал строгим и лишь частично прописанным (а частично подразумеваемым) канонам. Задача работы — показать, что феномен, который можно определить как периферийная историография¹, был укоренен в советской исторической науке, играл в ней важнейшую роль, а потому требует систематического описания и осмысления. Следует отметить, что до сих пор в изучении советского прошлого внимание исследователей сосредоточивалось преимущественно на отдельных персоналиях, в отношении которых отмечалась их «непохожесть» на подавляющее большинство остальных исследователей. Эти работы одновременно послужили и опорой для публикации, и важным стимулом, поскольку поставили вопрос о необходимости предложить теорию, которая могла бы объяснить и упорядочить немалый и продолжающий увеличиваться фактический материал.

Прежде всего, необходимо определиться с основной терминологией. Если говорить о «периферийной историографии», то следует ввести также термин «историография мейнстрима» и обозначить их общие и конкретно-исторические (применительно к советской эпохе) характеристики. Под историографией мейнстрима понимаются те течения, которые занимают доминирующее место в научном и общественном пространстве, ассоциируясь с исторической наукой вообще, а также ученые, чей вклад в науку воспринимается как признанный и очевидный. Соответственно, периферийная историография — это труды, которые, соответствуя общим параметрам научности (вклад в развитие знаний о прошлом), не воспринимаются самой историографической традицией как образцовые, а в отдельных характеристиках противостоят «мейнстримной историографии». Важно отметить, что дефиниция периферийности в данной терминологии ни в коем случае не подразумевает худшего качества научной работы. Это измерение вообще не является легитимным в данном контексте. Точно так же к периферийной историографии не относятся паранаучные авторы. Исследуются именно те случаи, когда талантливый, работоспособный ученый, внесший вклад в развитие науки, тем не менее оказывается в стороне от столбовой дороги историографического процесса. Наконец, периферийность не должна пониматься как «провинциальность», хотя географический фактор может сыграть свою роль в реализации «периферийного» сценария.

Т. Кун и П. Бурдьё, при всех расхождениях в подходе, исходят из относительно высокой автономности науки как общественной подсистемы. Однако в случае с советским опытом следует с серьезными оговорками аргументировать хотя бы относительную автономность исторической науки².

Можно указать три наиболее важные характеристики, поясняя ценность советского историографического опыта.

Во-первых, для историка советского времени многократно возростала цена «ошибки», то есть, принадлежности к «непризнанным». Советская историческая наука сравнительно быстро (в начале 1930-х гг.) стала ориентироваться на наличие единой исторической истины, у которой, в принципе, должна быть и единственная правильная трактовка (и она появится в знаменитом теоретическом параграфе «Краткого курса»). Соответственно, историки, которые предлагали другие трактовки, кроме победившей, должны были, если хотели оставаться в рамках признанной науки (а отказ от этого означал как минимум потерю статуса и средств к существованию), покаяться в своих ошибках — речь шла не только о приверженности другой, немарксистской методологии, но и о «неправильной» трактовке марксизма. Поскольку «правильность» («ортодоксальность») была признаком лояльности системе, а ее содержание определялось политическим руководством, то ее изменения от самого исторического сообщества почти не зависели. Знаменитое «умение колебаться вместе с линией партии» было не настолько простым

навыком с технической и психологической точек зрения, чтобы им в совершенстве могли овладеть все историки, даже вполне лояльные политическому режиму. Соответственно, сами особенности советской политической культуры провоцировали появление заметного количества «периферийных» историков. А поскольку «периферийность» оказывалась характеристикой нежелательной, то это заметно драматизировало ситуацию по сравнению с другими устойчивыми историографическими традициями.

Во-вторых, уникальность советского опыта объясняется его длительностью. Конечно, можно найти и другие примеры прямого воздействия политического режима на историческую науку, в том числе и в формах, где идеологическая составляющая была выражена еще более жестко, а санкции за несоответствие требованиям были более явными, как в случае с нацистским режимом в Германии. Но нацистская диктатура охватывала жизни одного поколения. Следующее поколение историков, сформировавшееся исключительно при новом режиме, реализовало себя уже после его краха³. Несколько ближе к советскому варианту, с точки зрения длительности, стоят франкистский режим и «новое государство» в Португалии⁴, но они не обладали той же степенью монолитности⁵. Из левых режимов с советским опытом по длительности сопоставимы китайский и северокорейский, но о втором мало что известно, а первый длится в условиях нового информационного пространства, и историографический процесс в нем принципиально отличается от условий XX века⁶. Тем самым, только при анализе советской историографии можно говорить даже не о трех, а о четырех полноценных поколениях исследователей прошлого столетия, существовавших в рамках официальной идеологии. В этом смысле слова советский опыт стал «нормальным», в том числе — нормативным в культуре того общества, в котором и сформировался.

Наконец, в-третьих, в советском историческом опыте произошло сложное, обусловленное, в том числе длительностью процесса, смешение идеологических и собственно научных установок и результатов; отделить их, вопреки широко распространенному мнению о сосуществовании «настоящих» и «ненастоящих» ученых, оказывается возможным только в крайних случаях: если исследователь писал позитивистского типа работу, затем дополняя ее минимальным набором цитат, или если партийный идеолог (как вариант — философ-марксист) манипулировал исключительно набором терминологических штампов, привлекая исторические факты лишь ради иллюстрации. Во всех остальных случаях следует признать, что проникновение обязательных и навязанных «сверху» установок в историческое исследование было гораздо более глубоким, чем в этом иногда отдавал себе отчет сам исследователь.

Тем самым, корректно будет заключить, что постоянное внешнее, нарушавшее автономию науки как общественной подсистемы воздействие, по сути породило новый тип автономности. Таким образом, и отношения между акторами внутри этой подсистемы не могут быть адекватно поняты, если не будет учтено это ее особое состояние. В данном, новом, типе автономности периферийность является отнюдь не вторичной характеристикой, в известном смысле это — необходимая функция системы.

Прежде всего необходимо конкретизировать те детали, которые позволили бы анализировать периферийность как явление, понять ее характеристики. Хочется предложить систему параметров, хорошо понимая, что она способна вызвать возражения или дополнения. Хотя критически настроенный читатель может отметить, что сферы действия отдельных параметров пересекаются, это свидетельствует лишь об их тесной взаимосвязи, но не об их взаимозаменяемости для исследователя. Объем журнальной публикации подразумевает ограничения в примерах для иллюстрации высказанных положений.

Параметры, позволяющие отнести историка или группу историков к периферийным, можно разделить на внешние — зависящие от внешних характеристик, которые неизбежно сопровождают научную деятельность, и внутренние — которые преимущественно обнаруживают себя при обращении к содержанию и результатам самой научной деятельности.

К внешним параметрам относятся публикационный, географический, корпоративный факторы.

Публикационный фактор служит важным звеном в переходе от внутренних параметров к внешним, но было бы ошибкой считать публикацию результатов исследования прямым и простым следствием самого проведенного исследования. Возможность публикации зависит не только, а часто не столько от самого историка, сколько от ученого сообщества, а в советскую эпоху — от сложной конфигурации по преимуществу внешних (уже даже по отношению к науке как общественной подсистеме) факторов.

Исследования публикационной активности (включая сюда и изучение цитируемости) уже давно используются в качестве инструмента зарубежными историками науки⁷. Приобретает этот метод популярность и у нас, но в данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что нельзя сводить весь вопрос только к числовым данным. Во-первых, они обычно не бывают достаточно полными, и если при больших объемах погрешность может быть незначительной, то, например, при обращении к конкретным темам или исследователям нужно всегда помнить об опасности упустить какие-либо не попавшие в библиографические указатели публикации, которые могли бы существенно скорректировать общую картину. Во-вторых, в «больших данных» полезны не сами по себе объемы и проценты, а способ их истолкования, для чего следует обращаться уже к черновикам, неопубликованным рукописям и другим дополнительным видам источников.

Соответственно, в изучении публикаций важно учитывать данные о том, в каких издательствах и журналах выходили работы, так как престижные издательства вроде «Прогресса» или тем более «Науки» были очень осмотрительны в выборе авторов. То же касается журнальных публикаций, особенно в ведущих исторических журналах: у ряда авторов выходили только рецензии и никогда или редко — исследовательские статьи. Одна из форм публикации материала — выступление с докладами на конференциях, здесь полезно обратить внимание на статус и состав участников. Наконец, при характеристике «успешности» публикационной деятельности было бы уместно определить отношение написанного к опубликованному, но в абсолютных цифрах эта характеристика, скорее всего, не будет показательной. Поскольку у разных авторов — разная интенсивность написания работ, а также их средний объем, то важно учитывать не количественные данные (в листах или тысячах знаков), а пропорции, но на этом пути препятствием будет то, что далеко не у всех авторов хорошо сохранились архивы. Поэтому исследователю советской историографии придется отмечать хотя бы такие моменты, как рост числа неопубликованных работ анализируемого автора. Этот параметр и общее снижение среднего объема опубликованных работ у конкретного ученого на протяжении его научной деятельности при условии, что он продолжал активно работать, обычно свидетельствуют о его вытеснении на периферию.

Географический фактор имеет отношение к характеристике как места работы, так и места жительства. Его не следует понимать в буквальном смысле — иногда улица, разделяющая два учреждения, служит более непреодолимым препятствием, чем пребывание ученых в разных городах. Но он тем не менее имеет значение, определяя линии раздела и, нередко, сегрегации «неудобных», в число которых нередко попадали периферийные историки. Конечно, при работе с этим фактором важно учитывать и то, как сам историк оценивал влияние локации на его судьбу. Так, например, работа А.Я. Гуревича в Калининском пединституте, а затем в Институте философии АН СССР воспринимались им в воспоминаниях как примерно сопоставимые признаки «вытеснения» его из исторической науки⁸. Однако не менее важным здесь является и то, что Гуревич постоянно уезжал в Москву из Калинина (Твери) — то есть, расстояние было частично преодолимым фактором. Работа в Горьком или в Казани повлияла бы на научную судьбу медиевиста куда более существенно.

Корпоративный фактор выделен для того, чтобы было возможно отдельно охарактеризовать степень интегрированности историка (или группы) в научное сообщество. Здесь можно

выделить формальный аспект: получение ученых степеней и званий, членство в академиях и институтах и т.п.; и неформальный аспект: круг общения того или иного ученого или ученых, принадлежность к школе или течению. В мемуарах советских историков периодически появляется тема того, как тем или иным исследователям не удавалось защитить (или удавалось, но много позже) кандидатские или докторские диссертации по причине противодействия других (принадлежащих мейнстриму) ученых⁹.

К внутренним параметрам можно отнести теоретический, тематический и стилистический факторы. В характеристике каждого из них решающую роль играет соотношение с мейнстримом, которое может выражаться в следующих переменных: частичная поддержка, игнорирование, противостояние.

Степень теоретической независимости, проявленной в трудах автора, является одной из важнейших характеристик при определении периферийности. В советский период в общем и целом преобладала частичная поддержка, хотя иногда и выраженная чисто формально (приверженность формационному подходу), при этом акцент переносился на различные дополнения и корректировки, которые, если бы были развернуты с достаточной последовательностью, могли полностью дезавуировать ведущую теорию — таким был случай с попытками внедрения элементов структурного анализа в марксистскую теорию в 1960-е годы. В этот период постепенно нарастало игнорирование теоретических вопросов в пользу работы с конкретным материалом, что стало общей тенденцией фактически уже в 1970-е годы. Противостояние в чистом виде проявлялось очень редко, скорее в начале и в конце советской эпохи, когда немарксистские позиции могли еще быть обозначены: даже Д.М. Петрушевский, так и не став приверженцем марксизма, к концу 1920-х гг. ушел от полемики с ним¹⁰.

Выбор тематики исследований, равно как и круга источников, на которых оно строится, также служит одним из четких указаний на особое положение историка, чей выбор не совпадает с доминирующим. Тут тоже могли проявляться как варианты ухода от конфликта в ту тематику, которая мало интересовала советскую науку, так и, наоборот, вторжение в уже исследованные темы, по которым давно были сделаны обобщения, с претензией на новое освещение. История религии, например, за пределами нескольких общих работ относилась к стабильной периферии, особенно если тема касалась конкретного общества или периода. Конечно, были темы, популярность которых заметно варьировалась на протяжении советской эпохи, и в периоды смены научной моды фактор тематики следует учитывать с осторожностью.

Наконец, важную информацию дают особенности построения нарратива или стилистический фактор. Определение формы повествования, структуры работы говорит о том, какую линию выбрал автор в отношении мейнстрима: частичной поддержки, игнорирования или противостояния. В этом вопросе важна общая оценка произведений, соотношение обязательных «реверансов» (о достижениях советской историографии и т.п.) и авторских оригинальных приемов. Поскольку авторский стиль в принципе — явление, не вполне подвластное самому автору, то в этой сфере расхождение с официальным нарративом или даже противостояние ему можно выявить более определенно. Например, использовать вместо слов «крестьянин» или «рабочий» термин «непосредственный производитель» мог заставить себя не каждый историк, хотя он необязательно в этот момент воспринимал это как бунт против официальной терминологии.

Конечно, ни один из этих параметров сам по себе не может служить основанием для отнесения какого-либо советского ученого к периферийной историографии. О периферийности можно начинать говорить лишь при сочетании трех и более факторов. Кроме того, каждый случай следует рассматривать в динамике: были историки, которым удавалось заметно изменить свое положение в науке. Следует сказать и о переменах в советской исторической науке в целом: в позднесоветский период на фоне стагнации официальной историографии наибольший интерес исследователей и особенно молодого поколения вызывали как раз те авторы и течения, которые существовали на уровне позволенных, но нежеланных.

В завершение следует сказать о роли периферии для советской исторической науки. Во-первых, не только существенным, но в том числе и положительным моментом было само ее наличие — она делала пространство советской историографии не полностью унифицированным и потому позволяла как существовать тем историкам, которые не могли разделять ценности мейнстрима (хотя это не значит, что не было людей, вовсе изгнанных из профессии или что существование периферийных историков было безоблачным), так и появляться новым идеям, которые нередко в той или иной форме использовала историография мейнстрима на очередном витке своего существования. Можно сказать, что периферийная историография играла роль резерва для советской науки, хотя это обычно не осознавалось, да и само нахождение в этом «резерве» вовсе не было почетным или комфортным. Но был и второй момент, который важен с точки зрения понимания сущностных, глубинных особенностей советской культуры и науки: периферийная историография не смогла стать базой для принципиального обновления советской исторической науки, когда та постепенно вошла в глубокий мировоззренческий кризис, хотя и смягчила его проявления благодаря развитию отдельных исследований. Политические структуры, контролирующие науку, и само сообщество советских историков оказались не готовы к тому, чтобы производить принципиальную переоценку прежних теоретических основ, несмотря на многочисленные проблемы, которые возникали при их столкновении с реальной исторической работой, поэтому был выбран путь игнорирования дискуссионных проблем и искусственных компромиссов с теорией. В результате это привело к тому, что советское историческое мировоззрение рухнуло практически вместе с консервировавшим его политическим режимом.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для господдержки молодых ученых — кандидатов наук и докторов наук (проект № МД-223.2017.6).

1. Сам термин построен на развитии образа «центр — периферия», который заслужил презрительную характеристику П. Бурдьё, но широко распространен в социологии науки на протяжении уже более полувека. Понятия «мейнстримной» и «периферийной» науки сейчас используются в основном для характеристики положения дел с точки зрения международного разделения научного труда. См.: RODRIGUEZ MEDINA L. Centers and Peripheries in Knowledge Production. New York. 2014; GUÉDON J.-C. «Mainstream» and «Peripheral» Science». In: Como gerir e qualificar revistas científicas. <http://eprints.rclis.org/10778/1/Brazil-final.pdf>.
2. КУН Т. Структура научных революций. М. 2003, с. 212, БУРДЬЁ П. Социальное пространство: поля и практики. М. 2005, с. 479. В 1930-е и 1940-е гг. о проблемах науки при тоталитарных режимах кратко писал Р. Мертон, но это был взгляд со стороны, не основанный на подробном изучении: МЕРТОН Р. Социальная теория и социальная структура. М. 2006, с. 754—764. Из фактической невозможности определить советскую историографию как самостоятельную подсистему (а значит, и как науку) исходили, в первую очередь, Ю.Н. Афанасьев и в меньшей мере А.А. Формозов: Советская историография. М. 1996; ФОРМОЗОВ А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М. 2004. Более осторожные оценки см.: ДУБРОВСКИЙ А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск. 2005; ГОРДОН А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М. 2009, с. 8—9.
3. Речь скорее шла о том, чтобы «перетерпеть» режим, чем жить с ним, хотя не следует снимать со счетов и проблемы «очарованности» немецких историков нацизмом. См., например: ХРЯКОВ А.В. «Сотрудничество с Ваалом»: немецкие историки и нацизм. В кн.: Мир историка. Вып. 1. Омск. 2005, с. 95—121; SANTOMASSIMO G. Gli storici italiani tra fascismo e repubblica. — Italia contemporanea. 1995, № 198, p. 77—89.

4. Об отношениях режима Франко с историками см.: MARÍN GELABERT M.A. Los historiadores españoles en el franquismo, 1948—1975. La historia local al servicio de la patria. Zaragoza. 2004; ÁLVARO RIBAGORDA E. La fractura de la historiografía española durante la postguerra franquista. — Cuadernos de Historia Contemporánea. 2001, № 23, p. 373—383; POLO PINA F. El estudio de la historia antigua en España bajo el franquismo. — Anales de historia antigua, medieval y moderna. 2009, № 41, p. 21—32.
5. Так, при франкистском режиме существовало внутренне напряжение между фалангистской и католической идеологическими составляющими. См: ALMENDRAL R.M. Franquismo y nacionalismo español: una aproximación a sus aspectos fundamentales. — Hispania nova. Revista electrónica de Historia Contemporánea. 2014, № 12, p. 7—36. Режим Салазара, более органично опиравшийся на католичество, можно отнести скорее к консерватизму «первой волны», что делало его, при всех параллелях с режимами Италии и Германии, более традиционным. См.: VRBATA A. “Temporary Revolution” in Salazarism. — Dvacáté století. 2014, № 2, p. 34—53. Полезные наблюдения над колониальным аспектом режима «Нового государства» см.: SARAIVA T. Laboratories and Landscapes: the Fascist New State and the Colonization of Portugal and Mozambique. — Journal of History of Science and Technology. 2009, vol. 3, p. 35—61.
6. ГОРДОН А.В. Китай в Мировой истории: новейшие тенденции в историографии КНР (сводный реферат). — Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. М. 2016, № 2, с. 159—175.
7. Теоретический импульс исследованиям придала идея Мертона об «эффекте Матфея», для верификации которой начались работы с публикациями. См., например: ALLISON P.D., STEWART J.A. Productivity Differences Among Scientists: Evidence for Accumulative Advantage. — American Sociological Review. 1974, vol. 39, № 4, p. 596—606. Конечно, это не значит, что выводы авторов исследования можно автоматически перенести на советских историков.
8. ГУРЕВИЧ А.Я. История историка. М. 2004, с. 54, 127, 133.
9. См., например: ДЪЯКОНОВ И.М. Книга воспоминаний. СПб. 1995, с. 735—736.
10. Что примечательно, полемика была организована как раз с другой стороны — «победители» не собирались мириться с выходом немарксистских трудов. См.: Диспут о книге Д.М. Петрушевского (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке). — Историк-марксист. 1928, № 8, с. 79—128.

Существовал ли пакт Сталина-Гитлера? Характер, значение и интерпретация германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Франкфурт-на-Майне. Издательство Петер Ланг. 2015. 329 с.

Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt? Charakter, Bedeutung und Deutung des deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrages vom 23 August 1939. Frankfurt am Main. Peter Lang Edition. 2015. 329 S.

Вопрос, содержащийся в названии данного сборника, основанного на материалах международного симпозиума, который прошел в берлинском Свободном университете в феврале 2014 г., может показаться, на первый взгляд, надуманным. Понятия «пакт» и «дого-

вор» употребляются — не только в массовом обиходе, но и в научной литературе — как синонимы. Между тем, первое из них (по крайней мере, в немецком языке) обозначает нечто близкое или даже идентичное военно-политическому союзу. Применима ли такая

характеристика к документу, подписанному в Москве 23 августа 1939 г., — именно этот вопрос был в центре дискуссии участников упомянутого симпозиума, и различные ответы на него стали содержанием рецензируемого издания.

Ответ подавляющего большинства авторов — однозначно отрицательный. Убедительное обоснование этого ответа можно найти уже во вступительной статье издателя и редактора сборника Христофа Коха. Профессор-филолог, специалист по индогерманским языкам проявляет, на наш взгляд, более глубокое понимание истории, чем многие профессиональные историки. Достаточно упомянуть вопрос, который он задает тем, кто считает себя «жертвами советской политики»: неужели они предпочли бы стать жертвами немецкой политики? Если да, то вот какой он рисует сценарий: «Не было бы никакой Польши. Там, где ныне живут русоволосые и голубоглазые поляки, ходили бы сплошь русоволосые и голубоглазые немцы. Если бы в нынешней Варшаве и оставалось какое-то польское население, то его представители каждое утро в шесть часов перебирались бы из Праги (восточного предместья польской столицы. — А.Ф.) на другой берег Вислы — причем, заметим, пешком, поскольку пользоваться общественным транспортом им было бы запрещено — с тем, чтобы мыть окна или чистить обувь немцам. Впрочем, скорее всего остатки польского населения, если бы таковое еще уцелело, были бы переселены куда-нибудь за Урал, в Западную Сибирь, за пределы немецкого жизненного пространства» (с. 12). Пресловутый «раздел Польши», который многие считают главным доказательством зловещего «пакта двух чудовищ» — Сталина и Гитлера — предстает у Х. Коха совсем в другом свете: «Советские оборонительные меры, к числу которых относится и вступление Советского Союза в тогдашнюю восточную Польшу 17 сентября 1939 г., являют собой предпосылку существования нынешнего польского государства» (с. 12—13). «Успех», достигнутый советской дипломатией в виде договора о ненападении с Германией, отмечает автор, не исключал возможности «срывов» в официальной риторике,

к числу которых он относит, в частности, известное заявление Молотова, в котором отрицалась роль Германии как агрессора (с. 13). С этой оценкой нельзя не согласиться, как и с более широким суждением: советская сторона воплощала собой некое сочетание «добра и недобра» (von Gut und Ungut), тогда как немецкая представляла собой абсолютное зло (с. 12).

Редактор-издатель обоснованно отмечает, что идейной основой приравнения Советского Союза и нацистской Германии является теория тоталитаризма, и потому логично, что первой в сборнике помещена статья философа Доменико Лосурдо, в которой эта теория и следующие из нее выводы подвергаются уничтожающей критике. По мнению автора, скорее можно говорить о связи нацистской идеологии с апологетикой британского колониализма и американским мифом о «превосходстве белой расы» (интересно его указание на то, что понятие «недочеловека» впервые появилось в изданном в Нью-Йорке в 1922 г. сочинении Л. Годдарда, которое тремя годами позже было переведено на немецкий и издано в колыбели нацистского движения — Мюнхене).

Французская исследовательница Анни Лакруа-Риз на широком источниковом материале раскрывает порочность французской политики в период с сентября 1938 по август 1939 г., который она называет «эрой пароксизмов умиротворения» (с. 36). Новый премьер Франции М. Шотан, сменивший Л. Блюма, получает от нее четкую характеристику «про-нациста» (там же). Мюнхенская политика предательства Чехословакии подкреплялась, как показывает автор, сговором между французскими и германскими монополистическими кругами: Крезю, с одной стороны, «тандем Круппа и Дрезднер-Банка», с другой (с. 47). В этой обстановке попытки отдельных французских дипломатов противостоять нацистской экспансии (в частности, на Балканах) не находили никакой поддержки со стороны центра и были обречены на провал (с. 49). Французские и британские правящие круги в обстановке предвоенного кризиса, пишет автор, готовили «второй Мюнхен», а к переговорам с СССР они подходили с позиций, которые от-

ражали «классовое чувство превосходства и расизм колониалистов» в отношении «русских», воспринимавшихся в образе «недочеловеков» (с. 81).

Жесткую критику западной политики продолжает канадский историк Майкл Карлей, творчество которого уже известно российскому читателю. В своем изложении он опирается на солидную источниковую базу, включающую в себя документы не только западного, но и советского происхождения. Среди его архивных находок следует отметить письмо заместителя наркома иностранных дел СССР Потёмкина советскому послу во Франции Сурицу от 4 апреля 1938 г., где впервые появилась формулировка о грозящем Польше «четвертом разделе» (с. 134). Заметим, что в западной историографии рождение этой формулировки традиционно относится ко времени после Мюнхенского сговора и трактуется как свидетельство «переориентации» советской внешней политики на «сговор» с Гитлером с целью уничтожения польской государственности. М. Карлей с полным основанием отвергает эту версию, указывая, что речь шла вовсе «не о цели советской внешней политики», а о предупреждении насчет возможного хода событий в случае продолжения политики умиротворения агрессора и самоубийственного курса польского руководства.

«Польская тематика» наиболее широко представлена на страницах сборника. Ей посвящены четыре статьи: ирландского историка Джеффри Робертса, его немецкого коллеги Вернера Рёра и двух польских авторов — Станислава Жерко и Марека Корната. Дж. Робертс подробно освещает усилия советской дипломатии по достижению «разрядки» в советско-польских отношениях в период обострения европейского кризиса 1938—1939 гг., усилия, которые не нашли должного отклика с польской стороны. Касаясь «секретного протокола» к советско-германскому договору, он отмечает, что это было «соглашение, которое ограничивало германскую экспансию в Польшу» (с. 101). Заслуживают внимания следующие положения, содержащиеся в заключительной части статьи: «Нацистско-советский пакт не был соглашением о разделе

Польши. Эта была сделка, которая разграничивала советскую и германскую сферы влияния в этой стране. Что это должно было означать на практике, зависело от ситуации. К разделу страны привело ее полное и быстрое поражение в войне с Германией. При других обстоятельствах, результаты могли быть иными». В числе таковых Робертс полагает возможным сохранение «территориально усеченной Польши» у советской границы, с которой СССР мог бы заключить договор о взаимопомощи и разместить там свои военные базы (с. 104—105). На наш взгляд, сценарий довольно интересный, но малореалистичный.

Предмет статьи В. Рёра — германо-польские отношения накануне второй мировой войны. Автор убедительно показывает, что с немецкой стороны речь шла исключительно о дипломатической подготовке (и маскировке) агрессии против Польши. Приводятся и новые факты о планировании диверсионных мероприятий на территории Польши по линии немецких спецслужб. Так, только резидентура абвера «Бреслау» имела в своем распоряжении около 11 тыс. агентов, из которых 4 тыс. были набраны из числа украинских националистов (с. 159). Содержание статьи подтверждает тезисы, сформулированные в ее начале: «Самая очевидная ложь о 1 сентября 1939 года гласит: решение начать войну против Польши было принято только в результате подписания советско-германского договора о ненападении и сопутствовавшего ему дополнительного протокола, более того, только из-за этого стала возможной германская агрессия, а потому Сталин несет по крайней мере половину вины за нее. При этом отбрасываются в сторону исторические факты о подготовке «операции Вайс» (так немецкие военные стратеги называли план нападения на Польшу), равно как игнорируются и факты о неудаче советских попыток по созданию системы коллективной безопасности против фашистской агрессии. И это при том, что каждый историк знает, что Гитлер подписал директиву о плане 11 апреля 1939 г., а мобилизация вермахта к грядущей войне была завершена еще до того, как речь вообще зашла о переговорах по поводу советско-германс-

кого договора о ненападении» (с. 139—140). Вину за упоминаемую «неудачу» действий СССР по обузданию гитлеровской агрессии В. Рёр однозначно возлагает на западные державы и правящие круги Польши. С горечью он пишет о попытках оправдания их капитулянтского и антинационального курса со стороны некоторых современных польских авторов. Как плохой анекдот можно было бы воспринять «сценарий», воплощенный в изданной в 2012 г. в Познани книге некоего П. Чиховского о том, как Польша могла бы «победить и третий рейх, и Советский Союз»: ей следовало бы в 1939 г. выступить вместе с вермахтом против СССР, что привело бы к его разгрому, а когда Германия перебросила бы свои основные силы на запад, — ударить ей в тыл и таким образом сыграть решающую роль в ее поражении. Тем не менее, эта псевдонаучная подделка стала в Польше бестселлером, выдержала несколько изданий и даже нашла поддержку среди профессиональных историков (с. 153). Автор не склонен сгущать краски, констатируя, что далеко не все польские коллеги приняли на ура построения Чиховского. Среди его критиков он называет, в частности, М. Корната — своего соавтора по рецензируемому сборнику.

К сожалению, в своей статье, посвященной внешней политике Польши «летом 1939 года», с заявленной целью осветить ее «мотивы, интересы и интерпретации» этот признанный польский ученый, хорошо знакомый российской аудитории, не демонстрирует достаточно сбалансированного подхода. Единственное, за что, по его мнению, можно упрекнуть польского министра иностранных дел Бека, так это за его излишнюю доверчивость по отношению к Англии и Франции (надежда, что они придут на помощь в случае гитлеровской агрессии), а заодно — и к Советскому Союзу (предположение, что он останется безучастным к событиям на своей западной границе). Корнат критикует Запад за его политику, но эта критика звучит довольно мягко в сравнении с теми обвинениями, которые он обрушивает на советское руководство. Они звучат тем более странно в свете вполне разумного признания того факта, что для СССР аль-

тернатива заключению советско-германского договора «была намного более неблагоприятной: она могла означать лишь вовлечение в войну с Германией» (с. 248). Не менее странно выглядит и попытка автора возложить на Советский Союз ответственность... за поражение Франции весной 1940 года (там же).

С. Жерко рассматривает историю германо-польских отношений в более широком хронологическом срезе, охватывая весь межвоенный период. Он подвергает обоснованной критике тезис о том, что с польской стороны проводилась якобы политика «равновесия» между Германией и СССР: «Варшава стремилась к установлению наилучших отношений с Берлином и одновременно делала все, чтобы ограничить активность Москвы на уровне европейской дипломатии и вообще отгородиться от Советского Союза» (с. 204). Казалось бы, критику следовало продолжить, указав на порочность этой политики, которая сыграла немалую роль в срыве планов создания системы коллективной безопасности в Европе, однако вывод автора совсем другой: «Польша не хотела сотрудничества с Советским Союзом и, вероятно (*wie es scheint*), не могла себе этого позволить исходя из правильно понятых собственных интересов» (там же). Насколько «правильно» поняли польские руководители интересы своего народа, показала трагедия 1939 года. Градус апологетики в статье Жерко меньше, чем у Корната, оценки более осторожные, однако противоречивость в них остается.

Как было воспринято заключение советско-германского договора в немецком обществе — этой малоизученной теме посвящена статья Курта Петцольдта, которую он исследует на основе широкого круга источников, включающего в себя материалы центральной и провинциальной прессы, донесения гестапо и аналитические записки находившегося в Праге нелегального центра социал-демократической эмиграции (СОПАДЕ). Дискуссию по поводу договора в кругах антифашистской немецкой эмиграции и внутригерманского Сопротивления освещает Ульрих Шнайдер. Оба автора отмечают известное «замешательство» в рядах антифашистов после получения известия о заключении советско-германского до-

говора, но не склонны преувеличивать и абсолютизировать этот феномен. В статье последнего автора приводятся характерные мемуарные высказывания В. Абендрота — в 1939 г. политзаключенного концлагеря Лукау, впоследствии — видного историка и общественного деятеля ФРГ левой, но отнюдь не коммунистической ориентации: описывая ожесточенные споры между узниками по поводу договора, он отмечает, что соотношение между его сторонниками и противниками «составляло поначалу 2 к 1». Сам он был в числе последних, считая, что Коммунистическому интернационалу нанесен такой же удар, какой был нанесен Второму интернационалу голосованием немецких социал-демократов за военные кредиты 4 августа 1914 г., но ко времени написания мемуаров (середина 1970-х гг.) его взгляды изменились: «Сегодня я знаю, что эта оценка была неверной. У пакта были свои недостатки, однако ныне ясно, что Советский Союз должен был заключить такой пакт, если он не хотел быть втянутым в войну с Гитлером в условиях изоляции» (с. 286).

Российская историческая наука была представлена как на симпозиуме, так и на страницах сборника единственным участником — Сергеем Валерьевичем Кудряшовым. Выбор организаторов понятен: речь идет о видном специалисте по политической и экономической истории второй мировой войны, шеф-редакторе фундаментального издания документов, посвященного как раз той тематике, которая рассматривалась на симпозиуме¹. Материалы этого издания и стали основой его доклада и представленной в сборнике статьи. Автор четко определяет те факторы, которые в своей совокупности позволяют сделать вывод об оправданности того нелегкого выбора, который был сделан советской стороной 23 августа 1939 года. Это — нежелание вступать в военный конфликт при невыгодных для СССР условиях, выигрыш времени для подготовки к неизбежной войне, снятие угрозы создания единого антисоветского фронта, обретение Советским Союзом своей сферы влияния на территории бывшего «санитарного кордона», стабилизация положения на Дальнем Востоке и не в последнюю очередь — полу-

чение «доступа к немецкой военной технологии» (с. 117). Хотелось бы особенно подчеркнуть значение последнего фактора: зачастую дело представляется так, что на протяжении действия советско-германского договора Москва только и делала, что помогала Берлину — поставками нефти, зерна и т.д. Между тем, для Германии эти поставки были лишь частью того, что она получала из других источников, в то время как СССР в то время мог размещать заказы на жизненно необходимые станки и оборудование только на предприятиях и фирмах рейха; не все из них были выполнены, но то, что было реализовано, сыграло важнейшую роль в наращивании оборонного потенциала нашей страны. В упомянутом выпуске «Вестника Архива Президента Российской Федерации» приводятся многочисленные факты использования советской стороной экономических преимуществ, вытекавших из нормализации советско-германских отношений, и можно лишь выразить сожаление, что они не вошли в текст статьи С.В. Кудряшова в рецензируемом сборнике. Вероятно, при организации симпозиума и структурировании сборника имелось в виду избежать дублирования, поскольку для освещения проблемы экономического взаимодействия двух стран в период 1939—1941 гг. был приглашен другой автор — немецкий историк Генрих Швендеманн. К сожалению, содержание его статьи несколько разочаровывает. Некая заданность читается уже в самом ее названии — «Неверный расчет Сталина». Автор акцентирует внимание исключительно на выгодах, полученных от торговли с СССР немецкой стороной, в результате чего картина получается весьма односторонней.

Завершает сборник весьма содержательная статья о попытках политизации исторической памяти, предпринимаемых, в частности, официальными лицами и учреждениями Европейского Союза. Ее автор, Гюнтер Морш, констатирует, что, начиная с 2008 г., когда в Европейском парламенте было принято так называемое «решение о голодоморе», развернулось самое настоящее «наступление» на принципы объективности и беспристрастности в освещении трагических страниц прошлого. Ключевую роль в этом «наступлении» ста-

ла играть односторонняя оценка советско-германского договора 1939 года. Дата его заключения — 23 августа — была объявлена «днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов». Во исполнение этого решения Европарламента от 2 апреля 2009 г. была развернута широкая пропагандистская кампания, поддерживаемая огромными финансовыми вливаниями. Как отмечает Г. Морш, она встретила серьезное сопротивление: при рассмотрении в июне 2013 г. вопроса о реализации решения Европарламента о «дне памяти» в профильной комиссии бундестага ФРГ за него голосовали только депутаты от ХДС/ХСС и Св.ДП (на следующих выборах эта партия не прошла в парламент), тогда как социал-демократы и «зеленые» воздержались, а представители «левых» выступили против (с. 318). Среди наиболее активных проповедников «новой европейской политики в сфере истории» — бывшие диссиденты, пострадавшие от «коммунистических режимов» и «заслуживающие всяческого уважения», однако от нее отмежевываются «те, кто пере-

жил террор национал-социализма, те, кто занимается поддержанием памяти о нем» (с. 325). Автор цитирует обращение руководителей международных объединений узников концлагерей от 11 ноября 2011 г. с осуждением решения Европарламента о «дне памяти»: «как показывает выбор в пользу даты 23 августа, такая навязываемая мера ведет к унификации порочных форм исторического релятивизма» (с. 327).

Большой и ценный вклад в борьбу против этой «унификации» истории в духе примитивной русофобии вносит рассмотренный труд — плод международного сотрудничества ученых разных наций и разных воззрений.

А.М. ФИЛИТОВ

Примечания

1. Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933—1941. М. 2009.

Contents

Articles: **M.E. Razinkov.** War of Interpretations: the concept of «civil war» in the Russian political consciousness of 1917—1922. Historical profiles: **A.N. Sidorov.** Nikola Ivanovich Lazarevich. Contributions: **Y.G. Eschenko, E.E. Krasnozhenova.** Social policy of the state during the Great Patriotic War in the South of Russia; **V.V. Volkov.** The economic situation of the peasants in Russia in the late XIX — early XX century; **Kh.-M.A. Sabanchiev.** The Golden Horde and the peoples of the North Caucasus ; **A.V. Fedin.** Economic foundations of Jesuit missionary activity in New France in the first half of the 17th century. Diplomacy in history: **R.V. Dolgilevich.** Soviet diplomacy and «protective measures» of the GDR against West Berlin in 1968; **P.A. Iskenderov.** The United States and the Albanian national movement of 1878—1918. Debatable issues: **B.L. Khavkin.** German «financial flows» of the Russian revolution; **G.M. Karpov.** Two opinions about Peter the Great and the «mystery» of Karamzin. People. Events. Facts: **E.A. Chernoukhov.** «Letters from Tagil» by P.V. Rudanovsky; **M.-P.B. Abdusalamov, D.S. Kidirniyazov.** Dagestan vector in Russia's foreign policy in the 60s. XVIII century; **M.M. Kerimova.** Russian Diaspora in Slovenia after the 1990s: the ethnocultural aspect. Historiography: **S.B. Krikh.** Phenomenon of Periphery in Soviet Historiography. *Reviews on books:* Was there a Stalin-Hitler pact? The character, meaning and interpretation of the German-Soviet non-aggression treaty of August 23, 1939 (by A.M. Filitov).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 10, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 10.10.2017. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 3935-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2018 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**